

Георгий Брянцев

«Голубой пакет»

1

Стеклянная дверь и оба окна в парикмахерской были распахнуты настежь, и все-таки в небольшом квадратном зале стояла духота, воздух был насыщен густым сладковатым запахом мыла, пудры и одеколona.

Кроме пяти клиентов и пяти потных мастеров, усердно их обрабатывавших, здесь томилось еще несколько человек, ожидавших своей очереди. В большинстве это были местные жители. Ждали они давно: оккупанты — офицеры и солдаты гитлеровской армии — обслуживались вне очереди. Об этом предупреждало объявление при входе.

По стенам были расклеены и другие засиженные мухами объявления на немецком и русском языках. В каждом из них выделялось набранное крупным шрифтом слово «Ферботен!» («Запрещено!»). Это были многочисленные приказы коменданта, полиции и городской управы.

Среди мастеров обращал на себя внимание проворством рук, этакой особой лихостью и чистотой работы сравнительно молодой человек, припадавший на левую ногу, с копной рыжих волос на голове и серыми плутоватыми глазами. Все старались попасть к нему. Он брил и стриг вдвое быстрее и значительно лучше, нежели его собратья.

Это был известный в Горелове парикмахер Степан Заболотный. Жизнь Заболотного началась и проходила в этом небольшом старинном городе. Ранняя смерть отца и болезнь матери привели к тому, что еще пятнадцатилетним мальчишкой он поступил учеником в парикмахерскую.

Правда, раньше Степан мечтал быть геологом. Его влекли широкие просторы, тайга, горы, нехоженные тропы. Ему хотелось пожить под открытым небом. Он бредил экспедициями, открытиями. Степан всей душой любил природу, рвался к ней, но мечты пришлось отложить до лучших дней.

А пока — добросовестный и старательный — он стал искусным мастером своего дела, и это быстро оценили в городе. Его одолевали артисты местного драматического театра, его пытался переманить к себе директор областного дома отдыха для руководящих работников. Возможно, что Степан и сменил бы свою профессию на студенческую аудиторию, но война с белофиннами помешала этому: комсомолец Заболотный вернулся из госпиталя домой с изуродованной и укороченной левой ногой.

А вскоре по шоссе и дорогам и пыльным большакам родной земли поползли на восток гитлеровские полчища. Тихий Горелов был оглушен грохотом артиллерийской канонады, гулом бомбовых ударов, окружен зловещими огненными сполохами горящих деревень. Гитлеровцы оккупировали городок.

И вот сейчас Степан добросовестно трудился над скудной шевелюрой гитлеровского интенданта, своего постоянного клиента.

Ожидающие со скучными лицами сидели за круглыми столиками, вяло перебирая немецкие газеты и ярко расцвеченные иллюстрированные журналы.

Степан, незаметно взглянув на часы, принялся массировать солидную плешину интенданта. Он бережно расчесал его жидкие, бесцветные пряди, уложил их слева направо и, отойдя в сторону, полюбовался содеянным.

— Гут, — сказал интендант, разглядывая себя в зеркало, и добавил: — Зер гут...

— Пжалста, — заученно ответил Степан и ловким движением снял с клиента простыню.

Интендант встал, застегнул ворот мундира, достал из бумажника новенькую, хрустящую бумажку и положил ее в приоткрытый ящик.

— Ауфвидерзеен, — попрощался он.

— Счастливо, — поклонился Степан.

На свободное место хотел было усесться переводчик городской управы, но Заболотный развел руками:

— Не могу... Прошу прощения... Обед...

Он снял халат, сложил инструменты и, сказав что-то на ухо своему коллеге, покинул мастерскую.

2

Жаркий июньский день стоял над Гореловом. Неторопливой прихрамывающей походкой Степан шагал по тротуару, обходя выбоины и зеленые пятна лебеды, проросшей между плитами. В руках он нес закопченный, выдавший виды примус.

На Степане была коричневая сатиновая косоворотка и темно-синие брюки из грубой шерсти. Давно не выдавшие утюга, они пузырились на коленях.

Хромота придавала облику Степана некоторую солидность и степенность.

Он раскланивался со своими знакомыми, преимущественно клиентами, насвистывал себе что-то под нос и, не торопясь, шагал.

А как ему хотелось мчаться сейчас очертя голову!

Калининская улица, изуродованная боями сорок первого года, с развороченной бульжной мостовой, полуразрушенными и сожженными домами, вывела его на главную в городе площадь.

Теперь здесь размещались учреждения оккупантов: гестапо, военная комендатура, полиция, городская управа.

Перейдя пыльную, исполосованную глубокими колеями и местами поросшую бурьяном площадь, Заболотный вышел на Почтовую улицу и, миновав квартал, свернул на Базарную.

У длинного красно-кирпичного дома Степан остановился. Между тусклыми, замазанными известкой окнами висела вывеска, изготовленная из листа кровельного железа и опрарвленная в деревянную рамку:

ГОРОДСКАЯ БАНЯ

Открыта с 8 утра до 6 вечера

(Разрешение Горуправы № 869/3 от 16.X.1941г.)

Под вывеской была раскрыта низкая, почерневшая дверь, ведущая в подвальное помещение дома. Заболотный пригнул голову и шагнул через порог.

Он отлично знал, что вниз ведут одиннадцать крутых, стертых от времени каменных ступенек. Но Степан торопился. Он достиг седьмой, а через остальные перемахнул и едва устоял на ногах.

— Ты что? С ума спятил? — раздался низкий хриловатый голос истопника, стоявшего у верстака.

Пожилой, грузный, в безрукавке и испачканном переднике, он держал в руке молоток, с помощью которого прилаживал к старому оцинкованному ведру новую дужку. Крупную голову его венчала копна густых, черных, но уже сильно тронутых сединой волос. Изжелта-седые усы свисали на губы. Резкие морщины бороздили хмурое лицо и крутой лоб. Это был истопник бани и руководитель городского подполья Чернопяттов.

Заболотный возбужденно провел рукой по своей рыжей шевелюре, оглядел беглым взглядом котельную и шагнул к истопнику вплотную. Держа в одной руке примус, он другой горячо сжал плечо Чернопяттова.

— Григорий Афанасьевич! Чепе! Только радостное! Нужно немедленно действовать! — выпалил он, не переводя дыхания.

Истопник нахмурился.

— Тише ты! Можешь говорить спокойно? Сколько я тебя учил. — Он склонил голову и на всякий случай поглядел в дверной проем. — Какое там чепе?

Степан бросил примус на верстак и сказал уже более спокойно:

— Завтра утром через город пройдет машина из ставки Гитлера... — и он пытливо посмотрел, какое впечатление произведет на Чернопятова сказанное.

Чернопятов недоверчиво приподнял брови и продолжал сгибать до нужного положения железную дужку ведра.

— Дальше... — только и сказал он.

— На машине едет специальный курьер или нарочный, бес его знает, с почтой для командующего танковой армией фронта, — продолжал Степан.

Чернопятов повернул голову, внимательно взглянул на Заболотного и спросил:

— Откуда ты такого нахватался?

— Ко мне только что заходил Скиталец.

Чернопятов поставил ведро на верстак и вытер руки о передник.

— Скиталец? — переспросил он, скрывая за вопросом возникшее беспокойство.

— Да! — горячо подтвердил Степан. — С ним на квартире живет унтер-офицер из комендатуры.

Чернопятов кивнул. Да, это было известно.

— Так вот, — продолжал Заболотный, — вчера, поздно вечером, унтер рассказал ему, что машину приказано встретить и обеспечить охраной на дальнейший путь. Выпили они с унтером, и тот расхвастался, что назначен в охрану курьера. Под пьяную лавочку выболтал, каким маршрутом пойдет машина, где назначены остановки, где будут заправляться. Все...

— Да... интересно! — задумчиво проговорил Чернопятов, и угрюмость его будто рукой сняло. — Если действительно все верно, то случай редкий...

— Уж куда интересней! — обрадовался Заболотный.

— Так, так... — вымолвил Чернопятов, разглаживая усы. — На машинах почту из ставки возят... Значит, осмелели господа нацисты. Пронюхали, видно, что партизаны наши ушли в дальний рейд. Очень хорошо... А что еще сказал Скиталец?

— В пять часов, после дежурства, он придет в баню. В штатском. И будет вас ждать.

— Ага... Ладно.

— Ну, я побегу, — сказал Заболотный. — Клиентов много.

Чернопятов посмотрел на него исподлобья, помолчал немного и затем проговорил:

— Больно шустрый ты! Смотри, поаккуратней... Как стемнеет, загляни на всякий случай к Митрофану Федоровичу.

— Есть! — ответил Степан и в два прыжка выскочил по щербатым ступенькам наверх.

Чернопятов проводил его взглядом, перевел глаза на верстак и, увидя забытый Заболотным примус, усмехнулся:

— Тоже мне конспиратор...

Он постоял немного, а потом в раздумье зашагал взад и вперед по большим каменным плитам котельной.

Котельная помещалась в длинном, закопченном подвале с сырыми, в подтеках, стенами. Дневной свет проникал сюда через открытые двери и небольшое окошечко над верстаком. Под сводчатым бетонным потолком висела запыленная электрическая лампочка. Она давно уже не горела: энергии только-только хватало самим оккупантам.

Правую сторону подвала занимали два горизонтальных котла, половину стены, слева от входа, — деревянный верстак с закрепленными на нем параллельными тисками, заставленный железными и эмалированными ведрами, тазами, кастрюлями, жаровнями, примусами и керосинками.

Баня работала два раза в неделю, и истопнику разрешали подрабатывать в свободное время на ремонте домашней утвари.

В самой глубине подвала вдоль узкой стены стоял топчан, покрытый грубошерстным

одеялом, а над ним висело что-то ободранное и облезлое, ранее именовавшееся ковром. Чернопятюв расхаживал, погрузившись в свои мысли. В котлах глухо бурлила вода. Сегодня баня работала.

Потом, видимо, придя к какому-то решению, Чернопятюв шумно выдохнул воздух, подошел к крайнему котлу и привычным движением ловко откинул голой рукой накаленную дверку.

В лицо ему полыхнул жар.

Окинув взглядом топку, подернутую фиолетовыми язычками пламени, Чернопятюв взял совковую лопату и, черпая ею уголь, наваленный тут же между котлами, сделал несколько бросков.

Захлопнув дверку, он снова устался на верстак и, покачав головой, обронил:

— Гляди-ка! Даже примус забыл!

3

Шоссейная дорога, покрытая мелкой желтой щебенкой, узкой полосой убегала в лес. Вплотную к ней высокой стеной подступали деревья. Местами они отбегали в сторону, и тогда слева и справа от дороги расстился веселый зеленый ковер, прошитый нежными, неяркими полевыми цветами.

Стояло теплое раннее утро, омытое прохладной росой, освещенное ласковым июньским солнцем.

По лесной дороге быстро бежала штабная легковая машина.

Солдаты охраны сидели в напряженных позах, держа в руках автоматы. Худосочный лейтенант, начальник охраны, сидя рядом с водителем, поглядывал по сторонам. Он чувствовал себя не очень хорошо. Он не любил поездок по загадочно молчаливым лесным дорогам. Правда, в штабе говорили на днях, что партизан здесь уже нет.

Их или выкурили отсюда, или сами они куда-то ушли. Майор Шмальц даже на охоту рискнул два раза выехать. Но кто знает... Россия такая страна, а русские такой народ...

Всю дорогу лейтенант молчал, боясь пропустить малейший звук.

Курьер спал, привалившись к спинке сиденья, надвинув фуражку с огромным козырьком на глаза, и его выпяченные вперед губы издавали тихий свист. Он спал, не чувствуя, как подбрасывает машину на неровностях дороги.

Водитель сосредоточенно вглядывался в дорогу. Это был его первый рейс в здешнем районе, и местность была ему незнакома. Раньше он водил машину, обслуживавшую «зондеркоманду», в районе Минска. Заметив вдаль какие-то серые строения, он спросил лейтенанта:

— Горелов?

— Рано, — ответил тот и поднес к глазам цейсовский девятикратный бинокль.

Машина спустилась в ложбину, и домишки скрылись.

Лейтенант раскрыл лежавшую на коленях планшетку и всмотрелся в карту, заложенную под целлулоид.

— Деревня Лопухово, — проговорил он. — До Горелова тридцать два километра...

Водитель поерзал на месте и, выражая нетерпение, сказал:

— Воды надо бы долить в радиатор, а то закипит.

— В Лопухове есть колодец, — ответил лейтенант, и этот ответ прозвучал как разрешение сделать остановку.

Машина выскочила на взгорок, и деревня открылась как на ладони. Ее рубленые почерневшие от времени и замшелые избы с взлохмаченными камышовыми крышами были рассыпаны по обе стороны дороги. Многие печально и грустно глядели темными, пустыми проемами окон и дверей. Кое-где они были заколочены досками.

Колодец стоял посреди деревеньки, с левой стороны по ходу машины, около столетней вербы с длинными, струйчатыми ветвями.

Машина сошла на обочину, легко перевалила через отлогий кювет и остановилась у самого

колодца.

Лейтенант первым выскочил из машины и объявил:

— Сорок минут на заправку машины и завтрак.

Столичный курьер проснулся. Приняв вертикальное положение, он некоторое время недоуменно осматривался, пытаясь понять, как сюда попал, а потом зевнул, потянулся и полез в карман за сигаретами.

Пока водитель наливал в бак бензин из последней канистры, лейтенант приседал и неуклюжими движениями разминал затекшие от долгого сидения журавлиные ноги.

Солдаты, раздевшись до пояса, шумно резвились возле колодца. Один из них, держа в руках ведро, выплескивал на остальных воду, а те, дико гогоча, прятались друг за друга. Приняв «душ», они разостлали под вербой брезент, выложили консервы, хлеб, сахар, поставили громадный термос с кофе и, громко переговариваясь, приступили к завтраку.

К их компании присоединились курьер и водитель. Первый внес в общий котел банку ананасов и коробку сардин, а второй — темный кусок жирной отварной свинины.

И никто из них не заметил, как босоногий подросток вывел из крайней избы старенький дамский велосипед, уселся на него и, энергично заработав ногами, скрылся в лесу.

Лейтенант занимался своим делом. Сняв мундир и став в таком виде еще худее, он вымылся у колодца, затем извлек из машины офицерский плащ, небольшой черный с желтой окантовкой чемоданчик и направился к вербе.

Расположившись чуть поодаль от компании, он достал из чемоданчика два яйца, баночку со сливочным маслом, кусок голландского сыра, хлеб, кружок колбасы домашнего приготовления и плоскую флягу, обернутую сукном.

Белые, покрытые веснушками руки лейтенанта заработали. Он аккуратно отрезал четыре ровных тоненьких ломтика хлеба, помазал их сливочным маслом и прикрыл пластинками сыра.

Потом не спеша снял скорлупу с яиц, разрезал их пополам, посолил и положил рядом с бутербродами. Колбасу он предварительно понюхал, а затем уже отрезал от нее несколько кусочков. Все, что было не нужно, он упрятал в чемоданчик, потом отхлебнул из фляги и приступил к еде. Ел он неторопливо, тщательно пережевывая, отгоняя рукой налетавших мух.

Солдаты, быстро набив желудки, занялись анекдотами. Над тихой деревней покатился громкий смех.

— Кто хочет посмотреть многодетную мать? — крикнул курьер, показывая рукой на дорогу.

Все повернули головы. Деревенскую улицу переходила небольшая гладкошерстная сука со страшно выпирающими на боках ребрами, а за нею вслед, налетая друг на друга, урча и кувыркаясь, плелось семеро разномастных и крохотных беспокойно-веселых щенят.

Заметив людей, сука в нерешительности остановилась, потянула носом и присела. В ее влажных черных глазах засветилась голодная тоска.

Лейтенант проглотил прожеванный кусок и, зацокав языком, поманил собаку к себе.

Та виновато повертела головой, поднялась, отошла на шаг и вновь села.

— Цуца!... Цуца!... — звал ее лейтенант.

Собака не двигалась.

— Осторожная, дрянь, — сказал курьер.

— Понимает, что нерусские, — добавил водитель и швырнул в нее пустой консервной банкой.

Собака отскочила в сторону, поджала хвост и вновь присела.

— Не так, — заметил один из солдат.

Он взял хлебную корку, полил ее водой из термоса и, круто посолив, бросил собаке.

Та жадно схватила корку на лету, щелкнула зубами, но тут же бросила, затрясла головой и зачихала.

Солдаты захохотали.

Собака продолжала стоять, несмотря на попытки людей подманить ее. По давней, извечной

собачьей привычке она ждала, когда насытившиеся двуногие уйдут прочь, и тогда она безнаказанно воспользуется ничтожными остатками их обильной трапезы.

За избами послышался шум автомобильных моторов. Через деревню со стороны Горелова промчались четыре грузовые автомашины с высокими, обтянутыми брезентом кузовами.

Лейтенант встал, посмотрел на часы и, убедившись, что сорок минут растянулись до часа с лишним, отдал команду:

— Быстро собираться!

Солдаты встряхнули брезент, оделись, закурили и стали усаживаться в машину.

Когда люди отошли, собака трусцой направилась к вербе, за нею устремились и щенята. Мать, многочисленного семейства, виляя хвостом, начала подбирать хлебные корки, колбасную кожуру.

Водитель включил мотор, но, увидев вдруг поднятую руку лейтенанта, не тронул машину. Лейтенант вынул из кобуры массивный парабеллум, уселся поудобнее, уложил ствол пистолета на согнутую в локте руку, прищурил левый глаз и плавно нажал на спусковой крючок.

Выстрел оказался на редкость точным. Пуля угодила собаке в ухо и вышла насквозь. Сука даже не взвизгнула. Передние ноги ее сразу подломились, она ткнулась носом в землю и вытянулась. Кончики задних лап легонько вздрогнули.

Курьер захлопал в ладоши:

— Bravo! Ловко, господин лейтенант! Глаз у вас хороший!

Водитель нажал педаль сцепления, включил скорость, и машина тронулась.

Щенята, вначале испуганные выстрелом и метнувшиеся в сторону, теперь пришли в себя. Мать их лежала спокойно, как лежала много раз. Казалось, нечего было бояться. Они подбежали к ней, начали тыкаться мордочками и принялись сосать еще не успевшее остыть и свернуться теплое молоко.

4

Километрах в восьми от Горелова шоссе дорогу пересекала небольшая, но глубокая речушка. Через нее был перекинут мост на деревянных сваях.

Строили мост задолго до войны и ни разу не ремонтировали. Сваи почернели, покрылись мхом, перильца обвалились, поперечные доски «играли» под колесами на все лады.

Речушка выбегала из леса и вновь уходила в него. Ее темно-зеленые и почти неподвижные воды укрывал высокий, в рост человека, камыш.

Курьерская машина легко взяла подъем, перевалила через него, спустилась на выключенной скорости к мосту и, взвизгнув тормозными колодками, внезапно остановилась. Посреди моста торчал воткнутый между бревен березовый шест, к которому был привязан большой кусок фанеры с надписью:

Halt!

Verkehr gesspert!

3 km. weiter rechtsfahren![?]

Гитлеровцы многозначительно переглянулись.

— Мина! — высказал предположение один из солдат.

— Вполне возможно, — поддержал второй. — Ничего в этом нет удивительного.

— Или неисправен, — заметил курьер.

— Сворачивай! — отдал команду лейтенант и, достав планшетку, обратился к карте.

Водитель с досадой почесал затылок, осадил машину назад и спустил с насыпи. Колеса запрыгали по ухабам и горбатым колеям лесной дороги.

Всмотревшись в карту, лейтенант отыскал мост, тоненькую красную нитку (дорогу), уходящую вправо, и нитку немного пожирнее, голубого цвета (речушку). Они вились рядом, как бы прижимаясь друг к другу.

— Дорога идет вдоль реки, — изрек лейтенант, — а переправы я не вижу.

Курьер ухмыльнулся и не без удовольствия кольнул начальника охраны:

— Переправы — дело временное и на картах не обозначены. Через три километра вам представится возможность ею полюбоваться.

Когда штабная машина скрылась в лесу, из камыша вышел Степан Заболотный. Штаны его были засучены выше колен, на плечах болтались туфли, связанные шнурками. Он огляделся, прислушался. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь щебетанием птиц.

Припадая на левую ногу, Степан быстро, как только мог, выбежал на мост, выдернул шест с куском фанеры и зашвырнул его в камыши.

— Движение открыто! Пожалте бриться! — сказал он с усмешкой и торопливо скрылся в лесу.

5

Машина тем временем пробиралась вперед. Дорога жалась к речке. Справа к ней подступал лес, мрачный, неподвижный. Гитлеровцы приумолкли. Лесная сторожкая тишина действовала угнетающе. Они сидели в напряженных позах, крепко держа автоматы и ручные пулеметы, и водили глазами по сторонам, ловя малейший шорох.

Подходил к концу второй километр. Дорога становилась все глуше, то уводя машину глубже в лес, то прижимаясь к реке и повторяя ее изгибы. Никакого намека на переправу не было.

Лейтенант снова вытащил планшетку и долго мигал над нею белесыми ресницами: дорога километра через два забирала вправо от реки и вела к леспромхозу.

Лейтенант спрятал планшетку и, скосив глаза, взглянул на счетчик: уже перевалило за третий километр. Ему стало не по себе. Не то чтобы его охватил страх, но к сердцу подступала какая-то смутная тревога.

— Когда же кончится этот проклятый объезд? — зло выкрикнул водитель, нарушив общее молчание.

И тут заговорили все сразу.

— Дорожники на глазок прикидывают, — усмехнулся курьер бодрясь.

— Черт бы их побрал! — выругался водитель.

— Все, наверное, через мост чешут, — высказал предположение один из солдат, — а мы сюда сунулись. Смотрите, ни одной встречной не попало, и колея мало наезжена.

— И то верно, — согласился второй. — Надо было осмотреть мост и ехать помалу. Те, что через деревню ехали, так и сделали, наверное...

— Где вы раньше были, умники? — огрызнулся водитель.

— А место, место-то какое проклятое, — сказал третий солдат. — В такой чащобе, чего доброго...

Но его грубо оборвал лейтенант:

— Замолчать! Что за паника? Почему проклятое? Чудесное место.

Все снова притихли. Машина вскарабкалась на крутую горку и легко покатила вниз. Между дорогой и рекой узенькой полоской потянулся орешник.

— Да, — протянул с ехидцей курьер, — чудное местечко!... Только я бы...

Он не успел досказать: под машиной что-то треснуло, с ходу она нырнула вниз, ударилась передком в плотную земляную стену и перевернулась набок.

— Огонь! — раздалось по-русски из-за ближайшего куста.

И тут же из зарослей орешника брызнула автоматная очередь, щелкнули пистолетные выстрелы, треснуло дробовое ружье центрального боя и в заключение ухнула самодельная граната.

И вновь стало тихо.

Шесть подпольщиков выбежали из чащи к глубокой яме, куда нырнула машина, стараясь заглянуть в нее. Никто из врагов не подавал признаков жизни.

— Похороны по первому разряду, Григорий Афанасьевич! — усмехнулся молодой веснушчатый парень в соломенном капелюхе.

— А ну-ка, сигай сюда, Тимошка, — приказал ему Чернопятов. — Пощупай, как они себя чувствуют. Только осторожно, гляди! Петро! Федор! — обратился он к двум другим. — А вы поищите почту да соберите оружие. Живо!

Трое партизан спрыгнули вниз.

— А их вытаскивать не будем, — проговорил Калюжный, имея в виду убитых гитлеровцев. Чернопятов усмехнулся.

— Пусть на машине так и едут в свой рай без пересадки...

Большой желтый портфель нетрудно было заметить: конец его торчал из-под тела курьера.

Один из подпольщиков вытащил портфель и бросил его Чернопятову:

— Не это ли?

Чернопятов схватил портфель налету, кинжалом оборвал его крышку, и на землю высыпались газеты, письма и большой пакет из плотной голубой бумаги, прошитый, осургученный и опечатанный.

Строго секретно

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ.

ИЗ ВЕРХОВНОЙ СТАВКИ.

В случае опасности захвата противником — уничтожить.

Командующему Н-ской бронетанковой армией генерал-лейтенанту

Отто-Фридриху Шторху.

ТОЛЬКО В ЛИЧНЫЕ РУКИ.

Так гласила немецкая надпись на пакете.

— Все, — крикнул Чернопятов. — Соберите бумаги и оружие! Ни одного листика не оставлять!

Трое выбросили наверх из ямы два легких пулемета, пистолеты, автоматы, вылезли и подошли к Чернопятову. Он сидел на корточках и, перебирая письма, читал вслух адреса. Товарищи слушали.

Никто не заметил, как поднялся немецкий лейтенант. Он протянул руку к лежавшему рядом парабеллуму и, уставившись страшными глазами на подпольщиков, схватил пистолет. Сухо щелкнул выстрел.

Тимофей, стоявший ближе всех к яме, покачнулся, взмахнул рукой и упал, не издав ни звука.

Пуля угодила ему прямо в затылок.

Лейтенант дико захохотал. Чернопятов вскинул автомат, прогремела короткая очередь...

Подпольщики подбежали к яме: лейтенант лежал, откинувшись на спину. На лице его окаменела гримаса смеха.

Чернопятов повернулся, приподнял Тимофея, но тот валился из рук.

Подпольщики в молчании сняли шапки.

— Эх, растяпы! — в сердцах проговорил Чернопятов, опуская мертвое тело товарища на землю. — Какого хлопца потеряли...

— Да... — глухо уронил Калюжный.

— Засыпайте яму, — махнул рукой Чернопятов. — Пора уходить...

Чернопятов к любой боевой операции — малой или большой, легкой или трудной — подходил всегда одинаково серьезно, вдумчиво, расчетливо. В этом сказывался склад его дисциплинированной натуры. Он заранее пытался учесть все шансы «за» и «против», подсчитать плюсы и минусы, представить, как будут разворачиваться события.

И сегодняшняя операция не являлась исключением.

Каждый подпольщик, идя на нее, заранее знал, что от него требуется.

Почти все участники налета на машину провели ночь без сна. Казалось, чего проще: забраться в лес, вырыть «волчью» яму, замаскировать ее и ждать. Но так лишь казалось.

Чтобы это сделать, надо было прежде всего выбрать наиболее подходящее место для ямы; быть твердо убежденным, что машина пойдет именно этим путем; вынести из тайников, разбросанных в лесу, оружие; наконец, выбраться из города, не попав на глаза бдительных патрулей.

Предупрежденные Скитальцем патриоты знали главное: откуда, куда, каким маршрутом следует специальная машина, численность ее охраны. Но этого было еще недостаточно.

Вставало много вопросов. Их надо было решить в течение полусуток, и подпольщики их решили.

Теперь следовало устранить все следы операции, что имело огромное значение, и этим подпольщики занимались.

6

В полдень прошел короткий, но сильный дождь, и сейчас по умытому, нежно-голубому небу торопливо и вразброд бежали запоздалые облака. Яркое светило солнце.

Начальник местного отделения гестапо стоял у открытого окна, выходящего на городскую площадь, и наблюдал, как стекала вода с тротуара, как оживала площадь.

Зазвонил настольный телефон. Гауптштурмфюрер отошел от окна, снял трубку. Говорил военный комендант города майор Фаслер.

— Сегодня в шесть утра ко мне должна была прибыть машина со специальным курьером, идущая к фронту. Сейчас начало первого, а ее нет.

— Чем могу быть полезен я, любезный майор?

— Как вам сказать... Не думаете ли вы, что с ней могло произойти что-либо в дороге?

— Поломка? Задержка?

— Это ерунда.

— А что бы вы хотели?

— Хм... Я бы хотел, чтоб она пришла вовремя. Я должен сменить охрану и отправить машину дальше. Но ее нет. Не произошла ли авария? Преднамеренная, так сказать, авария?...

— Что, что? Преднамеренная авария?

— Вот именно.

— На своей территории я исключаю возможность аварии и диверсии. На дорогах спокойно и проверено. Партизаны орудуют далеко от наших мест.

— Тогда что же предложите мне думать, господин гауптштурмфюрер?

— Не понял.

— Я спрашиваю вас, что мне думать? Машина в начале седьмого выехала из деревни Лопухово, а в Горелов до сих пор не прибыла.

— Откуда вам известно, что она миновала деревню Лопухово?

— Я посылал туда двух мотоциклистов. Только что они вернулись и стоят передо мной. Опрос жителей дает основание думать, что машина прошла деревню. Алло! Вы меня слышите?

— Да, да... Сейчас я к вам подъеду.

Гауптштурмфюрер положил трубку, вновь снял ее и вызвал машину из гаража.

Под вечер прошел небольшой «слепой» дождь, второй за день.

Угасли краски заката. Наступили сумерки.

В подвал, где помещалась котельная, свет и днем проникал слабо. Сейчас здесь было почти темно. Чадившая на верстаке керосиновая лампа с лопнувшим стеклом скудно освещала часть комнаты.

Чернопятов закрыл двери и сидел, задумавшись, на топчане.

Он был доволен прошедшим днем. Утренняя операция удалась, группа благополучно вернулась из леса, и, если бы не гибель Тимофея, все было бы хорошо. Но вот Тимофей...

Чернопятов и его друзья ясно сознавали, что в их борьбе с врагом жертвы неминуемы. Но все же гибель товарища всякий раз казалась неожиданной, нелепой, случайной и оставляла в сердце глубокий, неизгладимый след.

Городское подполье было невелико, но представляло собой сплоченную и хорошо законспирированную организацию. Участники подполья жили в самом городе и для прикрытия своей нелегальной деятельности где-то и кем-то служили и работали. Это давало им самим и их семьям возможность хотя и впроголодь, но все же жить. Оккупанты крепко чувствовали удары патриотов и отлично понимали, что небольшой город, в котором они хотели бы считать себя полными хозяевами, не покорен и оказывает сопротивление.

Подпольщики не распыляли своих сил. Они работали целеустремленно, не хватаясь за то, что казалось более легким и удобным. Связанные по радио с фронтом, они подчиняли его задачам всю свою полную опасности и постоянного риска боевую работу. Это была сильная сторона подполья. Но было одно обстоятельство, осложнявшее дело: в районе города сейчас не имелось партизанской базы. Партизанский отряд под командованием Новожилова, сформированный в лесах Гореловского района, в мае ушел в дальний рейд и действовал сейчас на жизненно важных коммуникациях противника.

Город Горелов стоял в стороне от главных магистралей. До войны в нем насчитывалось не более сорока тысяч жителей. Кроме небольшой мебельной фабрики, железнодорожного депо, электростанции, кирпичного завода и нескольких артелей промкооперации, здесь не имелось никаких других промышленных предприятий. В военном отношении город не мог служить опорным пунктом для гитлеровцев, но зато в нем разместилось много тыловых, хозяйственных и полицейских учреждений оккупантов. Фронт предложил городским подпольщикам сосредоточить внимание именно на этих учреждениях.

Подполье насчитывало теперь двадцать семь человек, разбитых на шесть не зависимых одна от другой групп. Каждая группа возглавлялась старшим, и только старший встречался с Чернопятовым. Остальные могли лишь догадываться, что во главе всей организации кто-то стоит.

Начало подполью в Горелове было заложено горкомом партии еще до оккупации, когда линия фронта приблизилась к городу. Дело это доверили местному старожилу, крепкому, испытанному человеку Калюжному. А тот в свою очередь в помощь себе привлек комсомольца парикмахера Заболотного.

История же появления в городе Чернопятова такова. Он был кадровым офицером Советской Армии и перед войной командовал стрелковым батальоном одной из частей, входивших в Н-скую армию. Эта армия в числе первых приняла на себя удары гитлеровских полчищ в начале войны. Отрезанная от фронта, она в течение двух месяцев дралась в тылах врага, упорно пробиваясь на восток.

Она громила гитлеровские гарнизоны, автоколонны на шоссе на дорогах, аэродромы и базы оккупантов, поднимала на воздух мосты и склады противника, пускала под откос железнодорожные эшелоны. Она шла через дремучие леса Белоруссии, через топкие болота Полесья, форсировала многочисленные водные преграды и, где бы ни встречала врага, навязывала ему бой. Однако ряды армии редели. Настало время, когда из нее с трудом можно было сколотить только полк. От батальона Чернопятова уцелело шесть человек.

Остатки армии расположились на отдых в лесу, в четырех километрах от Горелова, находившегося в руках гитлеровцев. Ночью командование связалось по радиации со штабом фронта. Был получен приказ: обойдя Горелов, пробиваться дальше на восток, выйти на Н-ский участок фронта. Начальнику разведывательного отдела армии подполковнику Бакланову было предписано направить в Горелов толкового офицера разведчика, который, связавшись с Калюжным, должен был наладить сбор и передачу разведывательных сведений для штаба армии и фронта.

Перед подполковником Баклановым встал вопрос: кого послать? Почти все офицеры разведчики или погибли, или заменили погибших в строю солдат.

Выбор пал на Чернопятова. Надо сказать, что многим выбор этот показался неудачным. Среди уцелевших офицеров были люди значительно моложе его, более энергичные и сами горевшие желанием остаться на нелегальной работе в тылу противника.

Чернопятов сносно объяснялся по-немецки, но некоторые из офицеров владели языком лучше. Чернопятову был немного знаком город Горелов: в двадцать пятом и двадцать шестом годах он работал там инструктором допризывной подготовки. Но в политотделе армии был офицер, родившийся в Горелове и проживший там пятнадцать лет.

В характере комбата проглядывали черты, которые можно было бы отнести к отрицательным: он отличался медлительностью, из-за чего у него не раз возникали стычки с командиром полка; он любил по всякому поводу и даже без повода побрюзжать, вызывая этим раздражение у товарищей; на партбюро возникал разговор о его не совсем безразличном отношении к спиртному.

— Что же вы нашли в нем? — спросили подполковника Бакланова.

— Я знаю этого человека с восемнадцатого года.

— И все?

— Пожалуй, все.

— И вы уверены в нем?

— Как в самом себе.

— Но ведь он не согласится...

— Согласится, — ответил Бакланов.

И он был прав: Чернопятов согласился и в дождливый ноябрьский вечер тысяча девятьсот сорок первого года в обычной гражданской одежде, имея в памяти явку на квартиру Калюжного, появился на улицах Горелова.

Горелов был наводнен оккупантами. Здесь стояли пехотинцы и кавалеристы, летчики и танкисты, артиллеристы и саперы. Шло укомплектование новых частей и пополнение старых, потрепанных в боях. Формировались в спешном порядке и отправлялись на фронт маршевые батальоны. Повсюду были понатыканы пулеметы, пушки, минометы, улицы были запружены танками, бронемашинами, тяжелыми грузовиками.

С первых же шагов Чернопятову не повезло. Пробираясь на квартиру к Калюжному, он напоролся на ночной патруль и был обстрелян. Несмотря на ранение, ему удалось уйти. Истекая кровью, он метался по незнакомым дворам, перебегал улицы, перелезал через изгороди и заборы и лишь в каком-то маленьком садочке повалился на землю. Силы покинули его...

Чернопятов пришел в себя утром на чьем-то чердаке. Нога его оказалась перевязанной. Скоро на чердак заявился вихрастый, курносый паренек лет шестнадцати, назвавший себя Костей.

Рана была не очень опасная, но Чернопятов чувствовал себя плохо. Поднялась температура, появилась хрипота. Мать Кости поняла, что у раненого воспаление легких. Трудно сказать, выдержал ли бы его организм в жестокой схватке со смертью, если бы не этот паренек Костя и его мать.

Только перед новым, сорок вторым годом капитан Чернопятов почувствовал себя окончательно выздоровевшим и встал на ноги. Костя помог Чернопятову разыскать Калюжного, а уже потом, через Калюжного, капитан связался и с Заболотным.

В начале сорок второго года Калюжный устроил Чернопятова истопником в баню. Когда-то, в юношеские годы, Чернопятов работал истопником в Тамбове у частного владельца городской бани. Теперь это неожиданно пригодилось.

Минул год. Чего только не пришлось испытать за это время! Вначале успехи были невелики, а горя людского повидали много. Силы подполья приходилось собирать по крохам, осторожно, обдумывая и проверяя каждый свой шаг. Постепенно группа крепла, удары по врагу становились все более смелыми. Часто в тиши и мраке ночи, согреваясь собственным

дыханием под грубым одеялом, Чернопятав пытался мысленно представить себе день, когда выйдет из вагона поезда на тамбовском вокзале и с вещевым мешком за плечами придет на знакомую улицу.

Он не будет предупреждать о своем приезде ни письмом, ни телеграммой, появится неожиданно, тихо подойдет к заветному и уже ветхому домику, построенному еще руками отца, откроет ключом, и сейчас хранящимся в его кармане, знакомую до мельчайшей щелки дверь и скажет:

— Вот я и пришел!... Живой и здоровый!...

А иногда казалось, что он никогда уже не вернется. Никогда не увидит сына, дочь, жену. Тогда уходил прочь сон, и Чернопятав поднимался утром с мешками под глазами, усталый, разбитый, с горьким осадком на душе...

Маленькая разведывательная группа выросла, и Чернопятав стал руководителем подпольной организации, насчитывающей шесть самостоятельных групп.

Да, подполковник Бакланов знал что делал. Он увидел в Чернопятаве не только недостатки, присущие в той или иной мере каждому человеку, но и то, чего не могли уловить другие. Была в Чернопятаве эта самая «закваска», как выражался Бакланов. И когда его спрашивали, что надо понимать под «закваской», подполковник неопределенно пожимал плечами. Трудно было это объяснить. Видимо, подразумевалось что-то особенное в характере человека, скрытое от чужих глаз...

...Чернопятав пососал сигарку и сплюнул. Она давно уже погасла. Он хотел было подойти к лампе и прикурить, но услышал за спиной едва уловимый шорох и прислушался. Шорох приближался.

Это не смутило Чернопятава. Он встал, отодвинул топчан и снял со стены старый, измызганный ковер, державшийся петлями на гвоздиках.

Только очень зоркий и внимательный глаз мог различить на сырой, почерневшей стене очертания, узкой и невысокой (примерно по грудь человека) дверцы. Она вела в соседнее, такое же, как и котельная, подвальное помещение, где когда-то до войны размещался засолочный пункт горторга. Отсюда можно было проникнуть в развалины трехэтажного дома, рухнувшего от прямого попадания бомбы.

Руины дома — сплетение искореженных взрывной волной перекрытий, груды спаянного цементом кирпича и обломки железа — давно уже поросли травой. В них очень удачно скрывался почти незаметный, подобный щели, пролом под рухнувшей лестничной клеткой, который вел в подвальные помещения.

Этот ход, сооруженный Чернопятавым с помощью друзей, часто выручал подпольщиков.

Шорохи не прекращались. Кто-то шарил в потемках, пробираясь на ощупь через скрюченные велосипедные рамы, изуродованные колесные ободья, старые обожженные духовки, через различный хлам и лом, которым было забито соседнее помещение.

Но вот стало тихо, и через несколько секунд послышался условный стук.

Чернопятав извлек из кармана массивный медный ключ с узорчатой бородкой, сдвинул хорошо пригнанную к двери планочку, вставил ключ в замочное отверстие и повернул его раз, другой, третий. Дверь открылась бесшумно.

— Шагай, Митрофан Федорович! — бросил Чернопятав в темноту.

Низко пригнувшись, едва касаясь руками пола, в мастерскую влез Калюжный. Он выпрямился в углу у верстака и стал шупать голову.

— Везет тебе, старина! — улыбнулся Чернопятав.

— Не говори... — отозвался Калюжный. — Опять черт угораздил стукнуться башкой об эту перекладину!

Калюжный был старше Чернопятава лет на пять. В организации он стал правой рукой Чернопятава и его первым советчиком. В годы Гражданской войны Митрофан Федорович партизанил на Урале, а в Горелове обосновался с двадцать третьего года. Жил он с женой, тремя дочерьми и сыном-подростком.

Калюжный отличался сердитым, крутым характером, любил, чтобы его понимали с

полуслова. Он руководил самой большой группой подпольщиков и, как считал сам, держал ребят в ежовых рукавицах.

Страдая различными недугами, свойственными человеку в его возрасте, Калюжный, тем не менее, был, как никто иной, вынослив. В ходьбе, например, с ним трудно было тягаться. Он был узок в плечах, невысок, свои негустые седоватые волосы неизменно расчесывал на аккуратный пробор. Калюжный не считал себя стариком и сердился, когда Чернопятав называл его «старина». Но Чернопятав уловил эту слабость и частенько подтрунивал над другом.

Сейчас Калюжный стоял у верстака и, нахмурившись, поводил по сторонам строгими глазами.

— Садись, старина, — пригласил его Чернопятав.

Глазки Калюжного сердито блеснули. Присаживаясь, он недовольно буркнул:

— Далось тебе «старина»! — и тут же спросил: — Разобрался в бумагах? Есть что-нибудь дельное?

— Хе-хе!... — усмехнулся Чернопятав и весело посмотрел на Калюжного. — Ну, ладно... Беру слова обратно.

— Ты скажи, как пакет? — нетерпеливо повторил Калюжный.

— Быстрый ты человек. До чего же быстрый!... Сразу тебе вынь да положи! В пакете, брат, оказались такие бумаги, что у меня чуть ум за разум не заскочил...

Калюжный недоверчиво посмотрел на друга.

— Точно! — подтвердил Чернопятав. — Я читал и глазам не верил. А руки тряслись, будто кур воровал. Ох, и куш мы оторвали!

— Что же там? — сгорал от нетерпения Калюжный.

— Сейчас увидишь... — Чернопятав полез под верстак, отодвинул разную железную рухлядь, вынул из стены кирпич и сунул руку в отверстие. Оттуда он вытащил объемистую стопку бумаг.

Усевшись на прежнее место, он со свойственной ему неторопливостью разложил бумаги на коленях, разглядел их и начал перелистывать.

— Я разобрался только в названиях документов, но и этого довольно. Смотри!

Калюжный схватил бумаги, начал их листать.

— Ничего не пойму... Тарабарщина!

— А ты читай заголовки, — сказал ему Чернопятав. — Под каждым из них я написал по-русски.

Торопливо забегали пальцы Калюжного. Он перекидывал страницу за страницей, вглядываясь к карандашные надписи, сделанные рукой Чернопятава, шепотом приговаривая:

— Черт возьми!... Вот это да!...

— Сто семнадцать страниц! — заметил Чернопятав.

— Ужас!... — проговорил Калюжный. — Просто ужас! — Он задумался и продолжал: — Что же нам делать? Если передавать все это шифром по радио, то уйдет полгода...

— Прежде чем передавать, надо их грамотно перевести, а это тоже время.

— И немалое, — согласился Калюжный.

— Да... А дело срочное, — покачал головой Чернопятав. — И перегружать рацию нельзя. Завалим мы Костю. Запеленгуют нас гестаповцы в один момент. Сейчас Костя передает четыре — пять минут два раза в неделю, а если взяться за это... — Он потряс ворохом бумаг перед носом Калюжного и присвистнул.

Калюжный вздохнул:

— Я же говорю, что полгода уйдет.

— Ну, насчет полугода ты маленько загнул, — поправил его Чернопятав. — Я прикинул. Получается два месяца, если передавать ежедневно и по полчаса. Вот она какая штука!

— Пусть два месяца, — согласился Калюжный. — Но кому тогда будут нужны эти документы? На что годны?

— Хе-хе!... Ребятам на самокрутки пойдут в самый раз... — заметил Чернопятав. —

Положение хуже губернаторского. Купила баба поросю!...

Калюжный задумался, поджав свои тонкие губы.

Чернопятов смотрел на него, тая в седых усах улыбку. Он понимал, что как ни быстр в решениях, как ни опытен в делах подполья Калюжный, все равно вдруг, сразу он не предложит ничего.

Лицо Калюжного выдавало его растерянность.

— Вот же задача, — признался он в своей беспомощности. — Ничего не придумаешь...

— А я вот придумал, — проговорил Чернопятов и весело подмигнул товарищу.

Тот насупил брови.

— Да, придумал, — повторил Чернопятов. Сняв с ноги ботинок, он вытащил из-под стельки сложенный в квадратик листок бумаги, развернул его и подал Калюжному. — Читай! Помоему, это единственный выход.

Калюжный взял листок, исписанный мельчайшим, но разборчивым почерком, и стал читать.

— Молодец ты, Григорий Афанасьевич! Ей-богу, молодец! А ведь мне не пришло это в голову.

— Хе-хе!... А мне пришло перед самым твоим, приходом, — признался Чернопятов. — Согласен?

— Полностью! Только вот что... — Он приложил палец колбу и закрыл глаза, пытаясь что-то вспомнить. — Мы какие явки им сообщали?

— Новые. Одну на Готовцева, вторую — на всякий случай — на меня. Это было в начале мая, когда они собирались прислать человека за деньгами...

— А-а... — вспомнил Калюжный. — За этими немецкими фальшивками?

— Вот-вот...

— Тогда все в порядке, — заявил Калюжный и спрятал листок за околыш кепки. — Завтра в двенадцать ночи депеша пойдет.

8

А в это время к городу подъезжала легковая машина, в которой восседали комендант города и начальник гестапо. Машину сопровождали четыре мотоциклиста.

Когда машина миновала мост через реку, начальник гестапо сказал:

— Как видите, в нашей зоне никаких следов нет.

Комендант вздохнул и ничего не сказал.

Поездка закончилась ничем. Выяснилось, что через деревню Лопухово за одно только утро по направлению к городу прошло десятка три машин. Несколько из них делали остановку в деревне.

Крестьяне на все расспросы отвечали неохотно и уж, конечно, ничего не могли сказать о какой-то особенной машине.

— А не думается ли вам, — вновь заговорил начальник гестапо, — что она не вышла еще с конечного пункта?

Комендант фыркнул:

— Я же телеграмму имею. В том-то и дело, что вышла. Вот куда девалась она, это мне непонятно. Неужели черт их понес проселками?

— Глупость, — заметил начальник гестапо.

— А что вы думаете? — проговорил комендант. — Взяли да и поехали, как короче и быстрее.

— Тогда бы они давно были здесь.

— Пожалуй, да...

Около комендатуры комендант кивнул своему спутнику и вышел. Начальник гестапо поехал к себе.

Не успел он сесть за свой стол, как зазвонил телефон и опять раздался голос коменданта:

— Это я, майор Фаслер... Мне только что вручили вторую шифровку... Машина вышла и

должна давно быть у нас.

Начальник гестапо сделал нетерпеливый жест и ответил:

— Но ведь я с вами лично облазил все овраги и кюветы. Вы же сами убедились, что нет следов, ни аварии, ни взрыва.

— Я понимаю... — проговорил комендант. — Но что мне делать? Вы знаете, какое это серьезное дело?

— Знаю. Вы говорили. Но машина — не иголка. Это же машина, с людьми. И, наконец, почему вы не предъявляете претензий полевой полиции, фельджандармерии? Это же их, военное, а не мое дело. Я занимаюсь мирным населением.

В трубке послышался вздох. После короткой паузы комендант проговорил:

— Это ваше «мирное» население хуже открытого врага там, на фронте, — и он повесил трубку.

Начальник гестапо ругнулся.

— Черт знает что! Неужели нельзя было отправить курьера с такими документами по воздуху? А теперь ломай голову!

В дверь раздался стук.

— Войдите! — разрешил начальник гестапо. Вошел молоденький оберштурмфюрер Мрозек, с гладко причесанной шевелюрой, подтянутый, аккуратный, в новехоньком мундире. Представившись, он осведомился:

— Разрешите спросить?

— Что у вас?

— Я вам уже докладывал... Трое суток назад, в середине ночи, в эфире опять появилась неизвестная радиостанция... Мы ее именуем «крот».

— Вы уверены, что это именно та, которую засекли раньше, или новая?

— Смею вас уверить, что та же. Почерк радиста нам уже знаком. Она опять работала всего три минуты и исчезла. Видимо, перешла на прием.

— Ну?

— А эти трое суток не появлялась, хотя дежурство несли непрерывно.

— Что дала пеленгация?

— Начальник группы заявляет твердо, что радист с рацией скрывается в городе и где-то недалеко от вокзала.

— Все это мне известно и надоело слушать. Вы цацкаетесь с этим «кротом» уже полгода, — и начальник гестапо резким движением переставил с места на место телефон. — Я хочу знать, когда «крот» будет в наших руках. Ясно?

— Точно так.

— О чем вы хотели спросить?

— Продолжать дежурство пеленгаторщиков или сделать перерыв?

Начальник гестапо всплеснул руками:

— Вы или ребенок, или идиот, — проговорил он, сдерживая раздражение. — Каждый день толкуем об этом «кроте», а вы спрашиваете, делать перерыв или нет. Никаких перерывов! К дьяволу перерывы! Усилить группу и дежурить круглосуточно, пока не достанете из-под земли этого «крота». Хватит болтовни!... Идите!...

9

Время близилось к обеденному перерыву. Немногочисленные рабочие депо станции Горелов с нетерпением ждали гудка.

Без пяти двенадцать я вился гитлеровский надсмотрщик, эсэсовец Фалькенберг. Тяжеловесный и неповоротливый, он вошел в депо, остановился у ворот и, заложив руки глубоко в карманы, стал наблюдать. Его маленькие свиные глазки перебежали с одного предмета на другой, в то время как красное квадратное лицо было абсолютно спокойно: не шевелился ни один мускул.

Фалькенберг был жесток и злопамятен и производил тем более страшное впечатление, что почти не разговаривал. Каждый знал, что вызвать его недовольство — значит подвергнуть себя суровой каре. Никто не имел права ни присесть отдохнуть, ни выйти покурить. Пусть это будут только минуты. Категорически, под угрозой избиения, воспрещалось вести не относящиеся к делу разговоры и тем более собираться группами. Никакие доводы во внимание не принимались.

Фалькенберг строго и неукоснительно проводил в жизнь установленные им драконовские порядки. На первый раз виновный лишался на неделю обеденного перерыва и в течение недели же обязан был работать лишней час без оплаты. При повторном нарушении виновник немедленно увольнялся, и никакого денежного расчета с ним не производилось. Все шло в карман Фалькенберга, который выплачивал заработную плату сам. Он не вылезал из депо от начала и до конца работы.

Фалькенберг интересовался, однако, только распорядком и никогда не вмешивался в производство, в котором был полным неучем. Производством ведал мастер Карл Глобке, разрешавший рабочим именовать себя Карлом Августовичем.

Глобке был полной противоположностью Фалькенберга. У них нельзя было отыскать ни одной схожей черты, разве только то, что оба они были немцами и прибыли из Германии.

Старик Глобке, в прошлом сам рабочий, сносно объяснялся по-русски и прекрасно знал свое дело. Он был пунктуален, строг, требователен, но при всем этом справедлив. Он мог терпеливо выслушать рабочего, подать ему совет. Он никогда не сквернословил, не повышал голоса. Были и такие случаи, когда Глобке даже отпускал людей с работы по семейным делам. Его побаивались, как и всякого начальника, но в то же время уважали. Считали неудобным подвести в чем-либо старика Глобке. Поэтому, если выводился из строя станок, портился поворотный круг или ставилась негодная деталь на паровоз, делалось это так, чтобы старик был вне подозрений. Он никак не походил на представителя оккупантов, и рабочие за глаза именовали его Карлуша.

На Фалькенберга Глобке не обращал никакого внимания, как будто эсэсовца и не существовало... Им нельзя было не сталкиваться, не встречаться, но они будто по сговору умели объясняться без слов, жестами. При встрече Глобке молча кланялся, а Фалькенберг молча кивал. Этим дело и ограничивалось.

Без ведома Фалькенберга давать гудок на перерыв и в конце работы не разрешалось, а он старался выгадать каждую лишнюю минуту. И сейчас он стоял неподвижный, подобно живой туше, как бы олицетворяя собой произвол и жестокость оккупантов.

Уже прошла лишняя минута.

Из своей застекленной конторки вышел худощавый, сухонький, как всегда чисто выбритый, с аккуратно повязанным галстуком Глобке.

Он подошел к Фалькенбергу, вынул большие карманные часы и показал их эсэсовцу. Тот молча кивнул и ловко сплюнул в сторону. Глобке повернулся и направился в котельную.

В топке холодного паровоза очищал колосники от нагара подручный рабочий Костя Голованов. Он был голоден и ждал гудка как манны небесной.

Как и многие его товарищи, он воспринимал гудки по-разному. Два гудка: утренний и послеобеденный, призывавшие к работе, раздражали его. Не потому, что по натуре он был лодырь и не хотел трудиться, а потому, что приходилось тратить свое время и молодые силы, работая на оккупантов. Два же других гудка, звавшие на отдых, поднимали настроение, смягчали его злость.

И вот наконец гудок взвыл.

Все бросили рабочие места.

Костя выбрался из топки, быстро спустился с паровоза и отряхнулся от насевшей на него ржавой пыли. Лицо его было черным, только светились белки по-мальчишески озорных глаз и ровные, один в один, зубы.

Он вытирал руки паклей, когда к нему подошел Глобке.

— Как ваши дела, молодой челофек? Когда кончайт? — поинтересовался он, играя концом

цепочки от часов.

— Завтра, Карл Августович. Уж больно много нагара.

— Это есть правильно, — согласился Глобке. — Завтра, оччень корошо. Желая вам приятный аппетит.

Глобке пошел к выходу. Костя следом за ним.

Поравнявшись с Фалькенбергом, Костя поздоровался, хотя отлично знал, что, требуя приветствий, сам эсэсовец никогда не отвечал на них.

Так произошло и сейчас.

«Свинья толстомяся!» — отметил про себя Костя и побежал поперек железнодорожных путей.

Костя жил в районе вокзала и в обеденный перерыв всегда ходил домой.

Дорога шла через виадук, за бетонированным забором, ограждавшим территорию станции, и отнимала тринадцать — пятнадцать минут, поэтому Костя редко пользовался ею, а ходил домой напрямик.

Перепрыгивая через рельсы, он достиг поворотного круга и, лихо перемахнув через высокий забор, оказался на Поперечной улице, от которой до его переулка было рукой подать.

Этот короткий путь требовал всего три — четыре минуты.

Костя замедлил шаг и стал внимательно поглядывать на заборы. На одном он заметил нарисованного неумелой рукой человечка с тонкими, как ниточки, руками и ногами. На туловище человечка можно было разглядеть две цифры: 9—13.

Лишь двое могли понять значение этих цифр: тот, кто писал, и Костя. Никакой шифровальщик не в состоянии был бы разгадать смысл рисунка. Допустим, кто-нибудь понял, что цифра 9 обозначает сегодняшнее число, а цифра 13 — время дня. Ну и что из этого? Могли он воспользоваться своей сообразительностью? Нет!

Дом, где жил Костя с матерью, имел две небольшие комнатухи, переднюю и кухню. Белизной своих стен он ярко выделялся из зелени вишневого садика, того самого садика, где в ноябре сорок первого года Костя нашел раненого комбата Чернопятава.

Вбежав в переднюю, Костя позвал:

— Мама!

— Я... Я... — отозвался тихий голос, и из кухни вышла маленькая, худенькая женщина лет шестидесяти.

— Мамочка, скорей теплой воды! — торопливо попросил Костя. — Надо умыться и срочно бежать в город.

Он украдкой взглянул на стол, где его ожидал завтрак: вареная картошка, кусок черного хлеба и стакан молока. Подавив соблазн, Костя скинул спецовку и, вымывшись над тазом, надел выходные брюки, расчесал волосы и торопливо вышел на улицу.

Будучи для своих семнадцати лет мал ростом, Костя шагал широко, размашисто, помогая движению руками, и от этого казался крупнее. Время от времени он встряхивал головой, отбрасывая назад волосы.

«В моем распоряжении сорок пять минут, — мысленно рассуждал он. — Что же получается? Если туда двадцать, да обратно двадцать, да пять минут там, получается сорок пять. Не годится... Надо успеть забежать домой и хотя бы переодеться. Придется поднажать... Неудачное время назначил Митрофан Федорович... Видно, что-то срочное. Не иначе... Он никогда в перерыв меня не вызывал».

Сэкономив пять минут, Костя добрался наконец до лавки, где продавались случайные вещи.

Тут, как всегда, толпился народ. Костя огляделся, обвел равнодушным взглядом полки с товарами, обошел длинное помещение, задержался несколько секунд возле женщин, разглядывавших туфли, и направился к прилавку, за которым стоял, скрестив руки, Калюжный.

— Покажите мне сорочку, пожалуйста, — попросил Костя, — лучше трикотажную.

Калюжный молча, с обычным сердитым выражением и, как показалось Косте, очень медленно повернулся к полке и стал перебирать несколько лежавших на ней разноцветных

сорочек. Делал он это с неохотой, будто знал, что покупатель перед ним нестоящий, который только шупает товар и ничего не берет.

А у Кости дрожала от нетерпения каждая жилка, и в душе он поругивал своего старшего за медлительность. Ему хотелось крикнуть:

«Ну давайте, давайте любую, Митрофан Федорович! Вы же знаете, что мне это безразлично, а тянете! Я же опоздаю!...»

По мысленным подсчетам Кости прошло уже минуты три.

Наконец Калюжный выложил на прилавок синюю сорочку и застыл в невозмутимой позе, сложив руки на груди. Костя быстренько развернул ее и, забыв спросить о цене, сказал:

— Эта мне нравится! Беру... Заверните...

Ему почудилось, что в глазах Калюжного промелькнуло что-то вроде укора: эх ты, конспиратор!

Тогда Костя спросил цену и, схватив чек, метнулся к кассе.

«Ну, славу богу! — облегченно вздохнул он, оказавшись на улице. — Еще успею».

Он пуще всего боялся встретить кого-либо из знакомых и потерять на этом несколько минут, а потому шел быстро, опустив голову и не глядя на прохожих.

«Скорее!... Скорее!...» — твердил он себе и ускорял шаг.

Вернувшись домой, Костя развернул покупку и вынул из нее листок бумаги.

Костя был радистом и шифровальщиком одновременно. Он знал то, что другим подпольщикам было неизвестно. Через него проходили самые секретные сообщения. Раньше Чернопятова он узнавал предписания разведотдела армии, в его руки попадали для зашифровки явки организации и все донесения о работе подполья. Он был средоточием всех тайн.

И вот еще одна тайна доверена ему. В его руках радиограмма фронту. Она гласила:

Нами захвачена почта из ставки Гитлера в адрес командующего Н-ской бронетанковой армией генерал-лейтенанта Шторха, документы о вновь сконструированном и подготовленном к серийному производству сверхмощном тяжелом танке «дракон». В документах данные — о вооружении, броне, мощности двигателей и маневренности нового танка, инструкция по применению его в бою.

Документы и чертежи занимают сто семнадцать страниц. Передача по радио исключена. Переправить документы через линию фронта нарочным нельзя, рискуем потерять. Предлагаем два варианта:

Первый: высылайте человека по известным явкам, паролям.

Второй: направляйте самолет с посадкой на поляну «К» — условия и сигналы сообщим.

Ваше решение ждем десятого в четыре пятнадцать. Комбат.

Костя так увлекся чтением, что не заметил, как вошла мать.

— Сынок! — вскрикнула она. — А ну-ка взгляни на часы!

Костя повернул голову и обмер: до гудка оставалось четыре минуты.

— Опоздал!

Он свернул листок и подал его матери:

— Спрячь, мама! Хорошенько!...

Когда за Костей захлопнулась калитка, она грустно покачала головой и подошла к висевшей в углу иконе. Пошептав молитву, она перекрестилась, сделала поклон и, протянув руку, спрятала листок под ризу Николая-угодника.

— Сохрани его, Господи! Отведи от него все беды! — проговорила она вслух. — Он же у меня последний...

В это время прогудел гудок.

Мать глубоко вздохнула и устало опустилась на диван.

Брошенная Костей сорочка попала ей на глаза, и она горько усмехнулась. Сорочка уже трижды появлялась в доме и трижды исчезала. Мать положила ее на колени, начала складывать, и слезы покатались из глаз.

Трех сыновей она родила, выкормила, вырастила, а в живых остался один Костя. Самый

младший...

Первый сын умер задолго до войны; второй, телеграфист, погиб при бомбежке станции Горелов в самом начале войны.

Костя был намного младше своих взрослых братьев, с малых лет он относился к матери с особой лаской. И пока не пошел в школу, целыми днями крутился возле нее, помогая и по дому и на небольшом огороде. Соседние мальчишки прозвали его «маменькиным сынком».

Когда он подросток, его забота о матери не уменьшилась. Никакой домашней, даже женской, работы Костя не чурался. Он бегал по рынкам и по магазинам за продуктами, пилил и колол дрова, топил печи, таскал воду из колонки, заправлял лампы керосином, мыл полы, пытался ремонтировать обувь. И все это он делал весело, беззаботно, любовно.

В оккупированном городе Костя с матерью остались случайно. Они увязали пожитки, договорились с железнодорожниками и собрались выехать в Омск, к жене покойного сына. Но получилось так, что за неделю до сдачи города Костю послали на рытье окопов в дальнюю деревню. А когда он вернулся, об отъезде думать было поздно: в город нагрянули гитлеровцы.

А затем, сам того не ожидая, Костя стал участником подполья, да не рядовым, а святою святых подполья — радистом.

Началось с того, что в январе сорок второго года в Горелове появился паренек старше Кости года на три. Это был Миша Токарев — радист, присланный разведотделом Н-ской армии в распоряжение Чернопятова.

Чернопятов счел самым удобным укрыть Токарева в домике с вишневым садочком.

В лице Кости Токарев нашел верного помощника. Радист никуда не отлучался из дому и только по ночам выходил на часок — другой во двор подышать свежим воздухом. Когда он проводил сеансы, Костя безотлучно находился при нем, с огромным интересом и жадностью вникая, в тайны знакомого ему дела.

Да иначе и быть не могло. Еще с пятого класса школы Костя увлекался радиоделом, был старостой кружка радиолюбителей-коротковолновиков в городском доме пионеров, хорошо изучил азбуку Морзе. По разработанной им схеме кружок сконструировал очень интересный портативный приемник, который был отмечен на областном смотре пионерской самодеятельности.

Для подполья было крайне важным иметь радиста-дублера, который в случае нужды мог бы заменить Токарева. Чернопятов, еще живя в доме Головановых, убедился, что Костя — сметливый, серьезный и надежный паренек, что ему, несмотря на молодость, можно вполне доверять.

С разрешения Чернопятова Токарев обучил Костю не только работе радиста-оператора, но и сложному шифровальному делу. Одобрил это начинание и разведотдел Н-ской армии.

В конце апреля сорок второго года Токарев допустил оплошность. Желая хоть чем-нибудь помочь семье, которая его укрывала, он как-то ночью отправился с мешком на станцию, чтобы набрать с платформы, стоявшей в тупике, угля. И больше не вернулся: на другой день Мишу Токарева нашли убитым на путях.

Трудная и ответственная обязанность радиста-шифровальщика легла на Костю.

Мать, конечно, знала обо всем. Но она не вмешивалась в его дела. Больше того: сердцем чувствуя, чем грозит сыну малейшая неосторожность, она помогала ему и во время сеансов дежурила во дворе. А по ночам молила Бога, чтобы Он отвел от сына беду...

Вот и сейчас мать сидела, держа в руках сорочку, и беззвучно плакала от сознания своей беспомощности. Она видела, что юность сына проходит в невзгодах, в смертельной опасности. Кто же повинен в этом? Война, кругом война... Она воспринимала судьбу Кости по-матерински, и сознание того, что он рискует жизнью во имя Родины и что такая жизнь — подвиг, который готовы совершить тысячи сынов народа, не могло умерить ее мучительной тревоги.

В кабинете военного коменданта города шло совещание. Тут были офицеры комендатуры, представители местной полиции, сотрудники полевой жандармерии и фельдгестапо, срочно созванные для обсуждения чрезвычайного положения.

Присутствовал и начальник гестапо, хотя он, как и прежде, считал, что розыск машины — не его дело. Он сидел и с наигранным вниманием разглядывал узоры на ковре.

Выступали все, кому не лень. Каждый считал своим долгом высказать какую-то догадку, предположение и хотя бы коротенькое, но собственное, отличное от других, мнение. Потом заговорил комендант майор Фаслер.

— Подытожим, господа,—сказал он. — Как ни печально, но большинство склонно предполагать, что на машину в пути следования совершено нападение. Из этого нам и надо исходить.

— Выходит, по-вашему, — не сдержался начальник гестапо, — что враги захватили живыми курьера с почтой, охрану и затянули их в лес?

— А что? — спросил комендант.

— Куда же девалась машина? — задал вопрос гестаповец. — С машиной им управиться было труднее.

— Они могли угнать машину, — робко высказал свое мнение начальник полиции.

— Нелепость! — воскликнул гестаповец. — Она не могла пройти незамеченной через пункты жандармерии. Мы имеем теперь проверенные данные о всех машинах, шедших в нашем направлении. Машины с курьером среди них нет.

— Что же вы предлагаете? — обратился к нему комендант.

— Искать, — ответил начальник гестапо. — Искать по маршруту ее следования, а не вблизи города...

Вошедший дежурный прервал его и попросил снять телефонную трубку. Гестаповец подошел к телефону.

Звонил его заместитель.

Он доложил:

— Только что видел Филина. Занимательная история. Он получил письмо от небезызвестного Новожилова...

— Командира партизанского отряда? — недоуменно спросил начальник гестапо.

— Совершенно верно.

Все присутствовавшие на совещании замерли и насторожились.

— Дальше! — потребовал начальник гестапо.

— Новожилов хочет прислать к нему свою дочь и просит, чтобы он пристроил ее где-либо в городе на работу, желательно около себя. И советует Филину выдать дочь за свою сестру. Понимаете? Между прочим, эта дочка владеет немецким языком. Филин уверен, что это партизанская разведчица или связная. Он хорошо знает Новожилова и отлично помнит, что у того есть три сына и никогда не было дочери. Я предполагаю, что партизаны замыслили какую-то комбинацию.

— Когда она должна явиться?

— Об этом в письме не сказано, но, очевидно, в ближайшее время.

— Гм... Да... Так... Сейчас я приеду, — проговорил начальник гестапо и положил трубку.

Взгляды всех остановились на нем.

— Что-нибудь новое? — с затаенной надеждой в глазах поинтересовался майор Фаслер.

— Да, новое, — ответил начальник гестапо, — но не имеющее никакого отношения к машине. Простите, но мне надо быть у себя.

Присутствующие переглянулись.

воды из колонки, прополот грядку с луком, поставил подпорки возле расцветающих кустов золотого шара, сбежал к знакомому железнодорожнику и выпросил у него бутылку керосина. Потом он зашифровал телеграмму, спрятал ее и стал ждать своего времени.

Мать уже спала во второй комнате, а может быть, только делала вид, что спит.

Костя прошелся босиком по прохладному полу, вымытому им же, погасил свечку и вышел во двор.

Ночь стояла тихая, теплая. Со станции доносилось пыхтение и гудки маневрового паровоза, свистки сцепщиков и стрелочников, лязг буферов. Костя прошел до калитки и, убедившись, что она заперта, вернулся. Он сел на маленькую скамеечку, сделанную еще отцом, и прислонился спиной к стене дома.

Звезд на небе было такое множество и горели они так ярко, что видны были пышные кусты золотого шара, горшки с фикусами и олеандрами, вынесенные на лето на воздух, скворечня на крыше сарая, береза-двойняшка, растущая в самом углу, у забора...

К сеансу Костя был готов. Он еще ни разу не сорвал ни приема, ни передачи, хотя причин к этому бывало больше чем достаточно.

Как-то весной на станцию прибыл эшелон с вражеской пехотой и простоял двое суток. В саду Головановых ночевал целый взвод, а Косте предстоял прием. И он принял важное сообщение, хотя по двору беспрерывно расхаживал часовой.

А в конце мая у них в доме две недели стоял гитлеровский офицер интендантской службы, занятый отгрузкой леса в Германию. Но и тут Костя ухитрился провести все сеансы. Он забирался на чердак, в погреб, устраивался под открытым небом в саду, укрываясь в специально сделанном окопчике.

А что стоили встречи с Калюжным? От него Костя получал донесения, ему одному вручал ответы.

Условия каждой встречи приходилось заново изобретать, тщательно продумывать, чтобы она не походила на предыдущую и не навлекла на себя подозрений.

Очень сложно было доставлять Калюжному уже расшифрованные телеграммы с заданиями разведотдела или с важной ориентировкой. Их приходилось носить через весь город, прибегая к помощи тайников, условных «почтовых ящиков», где Костя прятал телеграммы и откуда Калюжный или Чернопяттов позже их брали.

Как-то, идя с рынка, где он извлек из тайника очередное донесение, Костя попал в облаву. Полиция ловила воров, ограбивших буфет при офицерском клубе. В донесении шла речь о расправе с заместителем бургомистра города и перечислялись подробности этой операции. Едва Костя успел сунуть в рот исписанный листок, как полиция схватила его и стала выворачивать карманы. А однажды случилось еще хуже. С депешей от Калюжного, не успев забежать домой, пришлось идти на работу. А донесение было особо важным: разведотдел фронта извещался о том, что в окрестностях города, в одном из бывших домов отдыха, открыта школа «Абвера» по подготовке диверсионных кадров. Подполье называло фамилии предателей, завербованных в школу.

Только вошел Костя в депо, как начался поголовный обыск. Гестаповцы искали листовки, разбросанные в тот день по городу. Выйти из депо нельзя: у входа стоял эсэсовец Фалькенберг.

Костя нашелся. Подойдя к знакомому слесарю, он попросил у него щепотку самосада и скрутил из телеграммы такую огромную «козью ножку», что слесарь от удивления вытаращил глаза. И никогда в жизни не бравший папиросы в рот, Костя выкурил «козу» до конца.

Часто смерть почти настигала Костю, шла по его пятам или забегала и ждала его впереди. И не раз спасала Костю только случайность.

Но комсомолец Костя ясно сознавал, ради чего он идет на смертельный риск. И как ни трудно было порой, он не сворачивал с избранного пути.

...Время шло медленно. Тишина клонила ко сну. Боясь дремы, Костя встал и тихо вошел в дом. Он закрыл окна внутренними ставнями, зажег в углу за печкой две свечи, потом вновь

вышел во двор и вернулся с радиостанцией и батареями.

Разложив все на столике, он неслышно отворил дверь во вторую комнату и взгляделся в полумрак. Мать лежала на кровати одетая, прикрыв глаза рукой.

— Мама! — шепотом позвал Костя.

Она встрепенулась и повернула голову:

— Ты что, сынок?

— Работать надо, мама...

Она знала, что от нее требуется, встала, сунула ноги в домашние туфли, накинута на голову темный платок и вышла во двор, чтобы ходить, прислушиваясь к каждому шороху, до той поры, пока сын не позвет: «Пора спать, мама».

Костя надел наушники и сел за стол.

Армейский радиоцентр уже ждал и подавал свои позывные. Костя ответил, тщательно отрегулировал настройку и, убедившись, что на приеме ничего нет, перешел на передачу.

Костя отстукивал ключом автоматически, думая в это время о том, что враг слушает его точки — тире и тщетно пытается их разгадать.

Три дня назад он передал телеграмму в несколько строк обычных знаков. Если бы гитлеровцы только знали, о чем говорят эти точки — тире! А речь шла о том, что к воинской платформе прибыли два состава: один с авиабомбами, а другой с горючим; что на бывшем выпасе, между городским кладбищем и лесом, гитлеровцы оборудуют новый аэродром и на нем уже ночует до сорока бомбардировщиков.

Костя искоса взглянул на часы: прошло пять минут. Хорошо. Очень хорошо. Осталась четвертая часть телеграммы. Значит, он уложится в семь минут...

С шумом распахнулась дверь, и на пороге появилась мать. Ужас исказил ее лицо. Тяжело дыша, держась одной рукой за дверной косяк, а другой за сердце, она выкрикнула каким-то придушенным голосом:

— Родной!... Спасайся!... Немцы!...

Горло Кости перехватило горячей волной. Он оборвал передачу и сдернул с головы наушники.

— Где?

— Лезут через ворота... валят забор.

Костя вскочил. В виски и затылок сильными, ощутимыми толчками застучала кровь.

— Беги в сад! — строго приказал он.

— А ты?

— Беги не медля! — крикнул Костя, и мать, всхлипнув, скрылась.

Костя подскочил к двери, накинута на нее крюк, вставил ножку стула в дверную ручку, подтащил диван. Сердце колотилось гулко, на лице выступила испарина. Он замер прислушиваясь. Кругом было тихо, и не хотелось верить, что пришла беда.

Он обвел глазами кухню, будто запоминая все, что здесь находилось, и в это время ясно расслышал приглушенные голоса. Он потушил одну свечку и решил: «Выберусь через окно в сад». Отключить питание от рации, выдернуть антенну, сжечь на пламени свечи шифровку было делом двух — трех секунд.

В сенях раздались шаги, и кто-то забарабанил в дверь.

«Успела ли скрыться мама?» — мелькнула тревожная мысль.

Костя схватил радиостанцию, прижал ее к груди и бросился во вторую комнату, к окну, выходящему в сад. Надо было осторожно, без шума открыть ставню, распахнуть окно и выпрыгнуть в куст сирени. А от него три шага до пролома в соседском заборе.

Придерживая одной рукой рацию, Костя потянул ставню на себя. Но тут звякнуло стекло, и перед его лицом мелькнуло острое жало плоского немецкого штыка. Костя едва успел отпрянуть. Штык скрылся и блеснул вторично.

«Окружили!...» — пробежало в сознании.

А в дверь ломались, колотили прикладами. Раздавались требовательные выкрики и грубая брань.

Мысль Кости работала скачками, но вместе с тем так остро, как это может быть лишь в минуты смертельной опасности. Он понимал, но не хотел верить, что настал конец.

— Держись, Костя! — зло крикнул он и с силой ударил рацию об острый угол печки. Осколки разлетелись по всей комнате.

Кругом стоял грохот. Казалось, качается весь белый домик. Барабанили в окна, в двери. Над головой послышался тяжелый топот, посыпалась штукатурка с потолка. Значит, гестаповцы разобрали черепицу и уже проникли на чердак...

Костя стоял посреди комнаты и дрожал, как олень, окруженный со всех сторон волками.

И вдруг неожиданно пришло странное спокойствие. Теперь он знал, как поступить. Он опустился на колени возле буфета, приподнял половицу и извлек из-под нее большую противотанковую гранату, обвязанную промасленной тряпкой. Костя отбросил тряпку, снял предохранитель гранаты и стал ждать. Он слышал, как кто-то бился в дверь всем корпусом и натужно кричал. Затрещав, дверь слетела, и в комнату ворвались, разъяренные гестаповцы.

Костя дунул на свечу и бросил гранату. Взрыв потряс весь домик до основания. Сильная взрывная волна вышибла ставни, окна, вздыбила пол, потолок, перевернула мебель...

12

Части Н-ской армии, теперь полностью укомплектованной и заново вооруженной, после многодневных тяжелых боев стали на отдых. Разведотдел армии разместился в небольшой освобожденной от фашистских захватчиков, разоренной и почти безлюдной деревеньке.

Начальнику разведотдела полковнику Бакланову отвели однокомнатную избу, сложенную из крепких сосновых бревен. На стене уже была пришпилена карта. Под нею стоял железный несгораемый ящик с двумя ручками по сторонам. Кроме соснового стола и железного ящика, в избе было полдюжины табуреток и стояла походная раскладная кровать, прижавшаяся к глухой стене. На сером шерстяном одеяле лежали автомат с запасными дисками к нему и две чешуйчатые гранаты «Ф-1», похожие на сосновые шишки. На надувной резиновой подушечке красовалась артиллерийская фуражка с выцветшим околышем.

На столе стояли два полевых телефона, пепельница из консервной банки и солдатский котелок с торчавшей из него деревянной ложкой. Полковник Бакланов, уже немолодой человек с крупными чертами лица, в очках, чем-то напоминавший усталого учителя, сидел за столом над раскрытой папкой и читал ориентировку главного разведывательного управления.

Ориентировка говорила о том, что фашистская Германия, не успев еще залечить тяжелые раны, полученные зимой, доукомплектовывает остатки разбитых частей, формирует новые и гонит их на восток. В район Курска непрерывным потоком движутся воинские эшелоны противника, колонны автомашин, тяжелая артиллерия, новые самоходные пушки. Идет грандиозная перегруппировка войск, подтягиваются резервы, перебазирована авиация стратегического назначения.

Бакланов отвел уставшие глаза от фиолетовых машинописных строчек, снял очки, захлопнул папку и встал. Он был высок, держался прямо. Теперь в нем без ошибки можно было узнать старого кадрового офицера.

Спрятав папку в несгораемый ящик, Бакланов заглянул в котелок. Гречневая каша застыла. Он попробовал взять ее ложкой, но каша поддавалась плохо. Бакланов чиркнул зажигалкой, поднес ее к потухшей папиросе и направился к койке, расстегивая на ходу поясной ремень. В это время кто-то постучал в дверь.

Бакланов застегнул ремень и разрешил войти.

Стремительно вошел начальник отделения капитан Дмитриевский. Молодой, быстрый, он подал полковнику расшифрованную радиограмму и сказал:

— От Чернопятова.

— Садитесь, — сказал Бакланов, прошел за стол и стал читать полученное сообщение.

Вдруг он поднял глаза на Дмитриевского и строго сказал:

— Я уже предупреждал вас... Не докладывайте телеграмм частями. Когда будет окончание? Ведь это же не конец? — он наклонился над текстом и прочел глуховатым голосом: — «Предлагаем два варианта. Первый: высылайте человека по известным явкам, паролям...» А дальше?

— Гореловский корреспондент оборвал передачу на этом месте без предупреждения, — доложил капитан. — И больше в эфире не появляется, несмотря на наши позывные.

Черные и густые, точно наклеенные, брови Бакланова строго сдвинулись.

— Оборвал? — переспросил он.

— Так точно.

Бакланов отложил папиросу и уставился глазами в темное пятно небольшого окна. Потом он снова пробежал телеграмму глазами и забарабанил пальцами по столу.

— Черт возьми! — бросил он немного погодя. — Вы понимаете, какие ценные материалы захватили ребята? Мы знали, что по личному указанию Гитлера видный конструктор фон Тротте работает над созданием нового, сверхмощного танка, но не знали, что его назовут «драконом» и что он уже готов. Готов и прошел испытания. Да... — Бакланов вновь энергично забарабанил пальцами. — Молодчина Чернопяттов, порадовал! Теперь дело за нами. Нельзя терять ни минуты. Пока фашисты наладят серийное производство «драконов», наша промышленность обеспечит армию специальными снарядами, которыми можно будет обломать клыки новому зверю. А для этого мы должны знать его сильные стороны и уязвимые места. Хм... Как же мог прерваться сеанс?

Капитан Дмитриевский пояснил: сеанс начался в ноль шестнадцать и неожиданно прервался в ноль двадцать одну минуту. Дежурный оператор подозревает, что гореловский корреспондент пытался передать знак «Мне угрожает опасность», но, по-видимому, не успел. Правда, оператор не совсем уверен в этом, так как смог принять только одно слово «мне», которое тот передал открытым текстом. Армейский радиоцентр вызывал гореловского корреспондента два часа подряд, но безрезультатно... Дежурный оператор и сейчас слушает.

— Уж коль он перешел на открытый текст, — заметил Бакланов, — то, видно, неспроста. Что же там стряслось?

Дмитриевский пожал плечами и ответил:

— Многое можно думать...

Он ведал разведывательной и подрывной работой за линией фронта, дважды сам побывал в тылах противника, кое-что повидал и понимал, что на оккупированной территории опасность подстерегает на каждом шагу.

— А все же? Что вы предполагаете? — настаивал Бакланов.

Дмитриевский как-то неловко потер свой высокий лоб, собравшийся в морщинки. Ему почему-то не хотелось высказывать сейчас свои затаенные мысли. Срыв одного сеанса еще не давал основания бить тревогу...

— Возможно, что-нибудь помешало передаче, — произнес он, — и радист решил прервать сеанс... Воз...

— Вы говорите не то, что думаете, — прервал его на полуслове Бакланов. — Не то...

— Нет... Почему? — слабо возразил Дмитриевский. — Вы же помните, как получилось со мной в Орше в прошлом году.

— Ну, ну... Дальше! — как бы подтолкнул его Бакланов.

— Туманова вела передачу, — продолжал капитан, — а я дежурил на улице. И вот мчится мой паренек и докладывает: эсэсовцы окружили квартал и начинают повальные обыски. Передачу пришлось прервать. Тридцать два часа я и Туманова отсиживались в пустой и холодной голубятне. А связь восстановили только через неделю. И уже не из Орши.

— Но если мне не изменяет память, Юлия Васильевна успела дать сигнал «Связь временно прекращаю»? — напомнил Бакланов. — Так, кажется?

— Совершенно верно, — согласился Дмитриевский.

— А этот пытался передать другой сигнал и не успел, видно... — Бакланов встал из-за стола и заходил по комнате. Отжившие свой век половицы жалобно поскрипывали под ногами. — Все это очень печально и некстати, — произнес он. — Вы только подумайте, какого зверя они ухватили! «Дракона»!... Одно название чего стоит! Молодчина Чернопяттов! Герой! Да... И если с ними стряслась беда... — Он умолк и, подойдя к столу, машинально передвинул полевой телефон с места на место.

Бакланов и Дмитриевский молчали и думали. Думали и молчали... Долгую паузу нарушил капитан:

— Попасть под радиопеленгатор — это худшее, что может случиться, но нельзя исключать и многое другое...

— Как это понимать, многое другое? — задал вопрос Бакланов и сам же попытался ответить на него: — Вы хотите сказать: перегорела лампа, отказало питание или еще что-либо в этом роде?

— Вполне возможно.

— Не думаю. Гореловский корреспондент отличался дисциплинированностью и аккуратностью, за что и представлен к награде. Не допускаю мысли, чтобы он начал сеанс на неисправной рации, а если и начал, то предупредил бы нас. Тут что-то другое.

Дмитриевский промолчал. Ему нечего было возразить.

— Вы не теряете надежды, что связь возобновится? — спросил его Бакланов.

Капитан кивнул.

— Хм... Я хочу тоже верить в это, — проговорил Бакланов. — Ну, а если не возобновится?

— Бакланов вновь взял телеграмму и прочел вслух: — «Предлагаем два варианта. Первый: высылайте человека по известным явкам...» Две возможности, — повторил он. — И возможно, что во второй шла речь о присылке самолета... Какая досада!...

— Это был бы самый желательный вариант, — подхватил Дмитриевский.

— Но сейчас совершенно невозможный, — заметил Бакланов. — О посылке самолета мы договориться без связи не сможем. — И он покачал головой. — Нужно же такому случиться? Бакланов бросил телеграмму, подошел к карте и всмотрелся в нее.

— И что вы все-таки предлагаете? — обратился он, не оборачиваясь, к Дмитриевскому.

— Ждать утра, товарищ гвардии полковник, — последовал ответ. — По условиям связи в шесть утра контрольно-проверочный сеанс, обмен позывными и только. Возможно, корреспондент выйдет...

— А если не выйдет, товарищ гвардии капитан? — прервал его Бакланов, не меняя позы и продолжая рассматривать что-то на карте. — Не выйдет ни в шесть, ни в семь, ни завтра, ни послезавтра. Тогда что, я вас спрашиваю?

— Вы не дали мне докончить, — сказал Дмитриевский.

— Прошу! — произнес Бакланов и резко повернулся. — Ради бога!

— Ждать утра и одновременно готовить к посылке человека, — отчеканил капитан.

— Вот! Правильно! — одобрил Бакланов. — Готовить. И с таким расчетом, чтобы сегодня же ночью выбросить. Дело архисрочное. Кто у нас свободен?

— Свободны трое, но послать придется Туманову, — ответил капитан.

Полковник едва заметно усмехнулся и внимательно посмотрел на капитана своими умными прищуренными глазами.

Дмитриевский вспыхнул, и кровь прилила к его лицу.

Работая полтора года с Дмитриевским, полковник знал, что капитан далеко не безразличен к разведчице. Их обоих соединяло хорошее, молодое чувство. И оба скрывали друг от друга то, что совсем нетрудно было заметить окружающим. Вместе с Тумановой капитан дважды был в тылу врага. Знал Бакланов и то, что, когда на карту ставятся интересы дела и речь заходит о Тумановой, капитан всегда старательно подчеркивал свою объективность. Случалось, он даже строже относился к Тумановой, чем к другим.

— Но почему именно Туманову? — переспросил полковник.

Еще не успокоившийся Дмитриевский ответил хмуро:

— Могу предложить свою кандидатуру.

Бакланов раздраженно взмахнул рукой и строго потребовал:

— Отвечайте на мой вопрос.

Капитан изложил свои доводы. Свободны трое: лейтенант Назаров, сержант Караулова и лейтенант Туманова. Первый знает радиодело, но еще не обучен шифру, вторая владеет шифром и только изучает радиодело. Следовательно, их можно послать только в паре. Туманова же является и радисткой и шифровальщицей.

— И все? — полюбопытствовал Бакланов.

— Нет, не все, — сказал Дмитриевский. — Чернопяттов сообщил нам в начале мая две явки. Основную — к повару кафе «Глобус» Готовцеву и запасную — на себя. На тот случай, если Готовцева не окажется на месте. На явку надо посылать женщину под видом сестры Готовцева и с документами на ее же имя. Сестра Готовцева работает в минской комендатуре переводчицей, свободно объясняется по-немецки. Туманова же, как вам известно, неплохо владеет немецким языком.

— Так, так... Ясно. Кстати, напомните, в связи с чем Чернопяттов сообщил нам эти явки и пароли, — попросил Бакланов. — Я тогда был в командировке в Москве.

Дмитриевский кратко рассказал. Люди Чернопяттова в конце апреля произвели небольшую операцию. Они вскрыли сейф бургомистра города и изъяли свыше трех миллионов рублей в советских знаках сторублевого достоинства. Деньги надо было вывезти с оккупированной территории. Разведотдел договорился с Чернопяттовым о присылке к нему человека, получил явки и пароли. Но через несколько дней Чернопяттов сообщил, что деньги оказались фальшивыми, изготовленными в Германии. Тогда командующий приказал сжечь их.

— Хм, забавная история! — заметил Бакланов. — Так... А когда Юлия Васильевна вернулась из-за линии фронта?

— Девять дней назад...

— Так ли? — поинтересовался Бакланов, вынул из кармана записную книжку и стал перелистывать ее.

— Точно так, — подтвердил Дмитриевский. — Сегодня у нас девятое, а она вернулась первого.

— Положим, у нас сегодня не девятое, а уже десятое, — поправил Бакланов. — Это мы, полуночники, сбились со счета. — И он взглянул на часы. — Сейчас без двух минут три. А успела отдохнуть Юлия Васильевна? Как она чувствует себя?

Дмитриевский улыбнулся. Что он может сказать? Она чувствует себя, как обычно, и ни на что не жалуется.

— В ее возрасте я тоже ни на что не жаловался, — сказал Бакланов, — но это вовсе не означало, что я не уставал и не нуждался в отдыхе. Ну, ладно... Решим так: побеседуйте обо всем с Юлией Васильевной самым подробным образом, а я доложу ваше мнение командующему.

— Слушаюсь, — Дмитриевский встал. — Можно идти?

— Идите, — разрешил Бакланов и проводил взглядом капитана.

13

Десятого июня в половине восьмого утра Чернопяттов открыл дверь котельной. В глаза ударили яркие лучи солнца. Чернопяттов прищурился и зябко повел плечами. В его «пещере», как он именовал свое жилище, всегда царили полумрак, сырость и прохлада. Баня топилась лишь два раза в неделю, в остальные дни топливо расходовать не разрешалось.

Закрепив обе половинки двери на стенные крючки, Чернопяттов взглянул на тротуар. Там, как на пружинках, уже подпрыгивал бойкий воробушек.

— Прилетел, шельмец? — усмехнулся Чернопяттов. — А где же остальные?

Воробушек чирикнул, что, видимо, означало: «Сейчас все будут».

Чернопяттов спустился вниз и возвратился со старой жестяной из-под кофе, в которую

складывал крошки. Сегодня там был пшениный концентрат.

Около дверей уже суетилась добрая дюжина серых комочков, которые скакали и щебетали, требуя завтрака.

Чернопятюв помял в руках концентрат и высыпал на край тротуара. Воробьи шумно набросились на еду, жадно хватая большие кусочки слипшейся промасленной каши. Они вытягивали шейки, топорщились, тужились и все-таки проглатывали их.

Не прошло и минуты, как с кашей было покончено.

Воробьи сразу отяжелели, напыжились и смотрели с каким-то недоумением на своего кормильца. Некоторые принялись приводить себя в порядок, перебирая клювом перышки.

— Довольно, християне, — сказал Чернопятюв, сел на порог и начал крутить сигарку.

Так было ежедневно. Привык к этому Чернопятюв, привыкли и воробьи. Чернопятюв закурил, расстегнул ворот рубахи.

— Теплынь-то какая!... Хорошо!...

Он благодуще нежилсь под ласковым солнцем, дымил самокруткой и посмеивалсь про себя. Знали бы гитлеровцы, какие документики упрятаны под его верстаком! Хе-хе! Куда там! Разве можно додуматься до этого! А машина? А курьер? Так и пропали? Пропали! Как корова языком слизнула. Все сделано чисто. Раз — два — и концы в воду. Пусть поломают головы. И Костя уж, конечно, «отстучал» и ответ, видно, получил. Какой, интересно, вариант изберет полковник Бакланов? Скорее всего — второй. Не иначе, как самолет пришет с посадкой. Это удобнее всего и быстрее. Да чего там гадать? Бакланов решит, ему виднее: дядька мозговитый. Хорошо бы сейчас взглянуть на него. Как он выглядит, как воует, старый служака... Обтерла его жизнь, обкатала. Полковник, шутка ли сказать?! А ведь был когда-то шахтер. Коногон, кажется. Вот что значит человек!...

Рассуждая таким образом, Чернопятюв попыхивал дымком и поглядывал на улицу.

Вот показалась немецкая походная кухня на жестком ходу, влекомая сытым и куцехвостым меринот. Она громко тарыхтела по булыжной мостовой. На передке восседал пожилой солдат с заспанным лицом. Он отгонял кнутовищем надоедливых слепней, осаждавших круп лошади.

Походную кухню обогнали три мотоциклиста в эсэсовской форме, а потом показалось печальное шествие. Окруженные плотным кольцом автоматчиков, устало брели человек двадцать арестованных. Среди них Чернопятюв заметил двух женщин. Все шли молча, низко опустив головы, держа в руках свертки, узлы, мешки.

«Видно, в Германию отправляют!» — подумал Чернопятюв, всматриваясь в лица арестованных. Но никого из знакомых он не обнаружил. Процессия свернула на перекрестке с Биржевой улицы на Почтовую.

В доме напротив открылось окно, и показалось худое изможденное лицо женщины. Женщина поклонилась Чернопятюву, и он ответил ей тем же. Так происходило почти ежедневно.

Чернопятюв знал от соседей, что женщина, с которой он, по сути дела, не был знаком и ни разу не обмолвился ни единым словом, до войны работала учительницей. После гибели на фронте мужа ее разбил паралич, отнялись обе ноги, и она уже не покидала своей комнаты.

Женщина окинула улицу грустным, рассеянным взглядом и задернула занавеску.

— Пора за работу, Григорий Афанасьевич, — промолвил Чернопятюв. — Довольно посиживать.

Он хотел уже подняться, но вдруг заметил на противоположном тротуаре Калюжного. Тот шагал своей обычной неторопливой походкой, не поворачивая головы, не оглядываясь.

«Что бы это могло значить? — подумал Чернопятюв. — Радиограмму принес?»

Нет, этого не могло быть. В подполье существовали раз и навсегда установленные порядки. Чернопятюв не нарушал их сам, не разрешал нарушать и другим. Способы доставки радиограмм ему, а также и от него разрабатывались с учетом обстановки в городе, времени года. Калюжный никогда не приносил радиограмм. Он прятал их в тайники. Чернопятюв знал, что ответ Бакланова на радиограмму он должен будет вынуть не ранее десяти утра из

«почтового ящика» № 4. Так в чем же дело? Почему Калюжный появился сейчас?

Чернопятов весь превратился во внимание, теряясь в догадках и не находя объяснения происходящему.

А Калюжный, достигнув дома, где жила бывшая учительница, замедлил шаг, вынул из кармана сложенную газету и, развернув ее, стал просматривать на ходу.

Что-то дрогнуло в груди Чернопятова. Это был условный знак, обозначающий: «Следуй за мной и будь осторожен. Не исключена слежка».

Что произошло? С кем? Провожая глазами удалявшегося Калюжного, Чернопятов наблюдал, не следует ли кто за ним по пятам. Но нет, ничего подозрительного не наблюдалось.

Когда Калюжный пересек Минскую, Чернопятов встал и, не теряя товарища из виду, направился вслед за ним по другой стороне улицы. Чернопятов шагал и ощущал непривычную тяжесть в ногах. Был он человеком неробкого десятка, но неизвестность действовала удручающе. Словно вокруг тебя крошечная темнота, а где-то рядом находится смертельный враг. Врага этого надо уничтожить, иначе погибнешь сам. Но глаза ничего не видят, удары проваливаются в пустоту, каждый шаг ведет в неизвестное. И человека охватывает чувство унижительной беспомощности, жалкое чувство бессилия.

Терзаемый недобрыми предчувствиями, Чернопятов продолжал идти.

А Калюжный, достигнув угла и как бы невзначай обернувшись, повернул на улицу, ранее носившую имя Комсомольской. Посреди улицы тянулся бульвар, обсаженный столетними липами. Пройдя до конца бульвара, он повернул назад. Ход этот был оправдан. Калюжный в свою очередь хотел убедиться, нет ли «хвоста» за Чернопятовым. Они разминулись почти на середине бульвара, «проверились».

Чернопятов торопливо добрался до того места, где Калюжный сделал поворот. Он увидел друга на противоположном конце.

«Сейчас все выяснится... Сейчас... осталось полсотни шагов», — рассуждал Чернопятов.

Под сенью развесистой липы когда-то стояла скамья. Теперь от нее остались лишь два столбика, врытые в землю и почти сгнившие. На одном из них сидел Калюжный, а второй оставался свободным.

Калюжный держал перед собой развернутую газету.

Чернопятов подошел к столбику и сразу присел, будто кто-то ударил его под коленки. Он достал из кармана жестяную коробочку с махоркой и стал вертеть сигарку.

В обе стороны сновали прохожие, мелькали мундиры гитлеровцев. Чернопятов неторопливо, сдерживая дрожь пальцев, обрывал кончики бумаги.

Калюжный молчал, делая вид, что целиком поглощен газетой, но и его руки подрагивали.

Улучив минуту, когда поблизости никого не было, Калюжный наконец заговорил своим сердитым, сдержанным голосом:

— Я боялся, что меня возьмут под слежку... но, кажется, нет. Ночью погиб Костя...

Чернопятов просыпал табак на землю и почувствовал мгновенную сухость во рту. Что он сказал? Ночью погиб Костя? Уж не ослышался ли? Нет, нет, не ослышался, ночью погиб Костя! Перед глазами запрыгали разноцветные огоньки: красные, синие, фиолетовые...

— Он проводил сеанс... передавал наше донесение, — тихо говорил Калюжный, прикрывшись газетой, — и налетели гестаповцы. Не один, а несколько человек. Они ворвались в дом. Что-то взорвалось. Видно, Костя воспользовался гранатой. Трое убиты, двое тяжело ранены, а Костя погиб... Так изуродован, что и узнать трудно.

Калюжный умолк, заметив прохожих.

«Погиб Костя... погиб... погиб!...» — беззвучно шептал Чернопятов. Он смотрел прямо перед собой, и предметы в его глазах двоились.

— Передал обо всем Сеня Кольцов, ночью слышавший взрыв, — продолжал Калюжный. — Он разыскал мать Кости в соседском сарайчике. Она ему рассказала. Утром ни жив ни мертв Сеня прибежал ко мне, хоть ему и запрещалось это. Мать Кости плоха. Видно, уж больше не жить ей на этом свете... Радиogramму Костя, видимо, не успел передать... Вечером попозднее зайду к тебе... Все. Я пошел.

Он тут же встал, свернул газету, сунул ее в карман и уверенно зашагал по бульвару. Чернопятав продолжал сидеть не шевелясь, глядя пустыми глазами в землю. Да, это был, пожалуй, самый меткий и самый предательский удар, нанесенный подполью. Погиб не только радист, умевший хранить все сокровенные тайны и со смертью которого оборвалась связь с Большой землей; погиб не только Костя Голованов, вихрастый, курносый, жадный до дела и неугомонный семнадцатилетний паренек, которому только бы жить и жить, погиб не только активный подпольщик-патриот, ставивший священную борьбу с врагами превыше всего — погиб еще и человек, спасший от смерти Чернопятава, рисковавший при этом своей собственной жизнью.

Сколько усилий и забот, сыновней любви и ласки проявил он, ухаживая за больным и беспомощным Чернопятавым! Сколько раз кормил его Костя из собственных рук! Сколько часов провел около него, неподвижного, ослабевшего, читая вслух рассказы Джека Лондона из потрепанной, захватанной книжки!

Уже давно Чернопятав мечтал по окончании войны усыновить Костю, заменить ему умершего отца. И он как-то сказал об этом Косте, а тот ответил коротенькой наивной фразой: «Ой! Даже не верится!»

В своих мечтах Чернопятав заходил далеко. Он видел перед собой Костю-инженера, Костю-офицера, Костю-ученого. Он твердо верил, что это будет, что иначе и быть не может. Он ни на минуту не сомневался в том, что его жена, уже взрослые сын и дочь примут самое горячее участие в судьбе юноши.

И все рухнуло. Кости нет и никогда уже не будет. Возможно, встретятся на жизненном пути Чернопятава еще многие чудесные и умные ребята, такие же чуткие и человечные, но это будут уже другие, не Костя...

Чернопятав с трудом поднялся. Горе отяжелило его. Резкая складка легла между бровями, глаза потухли. Путь с бульвара до бани показался ему самым длинным за всю его сорокапятилетнюю жизнь.

Открыв дверь и спустившись вниз, Чернопятав постоял некоторое время у верстака, глядя на все пустыми и блуждающими глазами.

Он закурил, задумался. Но жизнь напомнила о себе. Она не ждала, требовала борьбы, требовала сил его, Чернопятава.

— Прощай, Костя! — вслух произнес Чернопятав. — Мы не забудем тебя!...

14

Вернувшись от командующего армией, полковник Бакланов вышел из машины у околицы своей деревеньки и пошел к дому пешком.

В палисадниках перед избами отцветала сирень, и ее пряный аромат висел над улицей.

В этом году она цвела по-особенному буйно, дружно и долго, будто хотела дожидаться возвращения тех, кто ее сажал, растил и лелеял.

Разоренная деревенька с редкими уцелевшими хатенками, вся простреленная и обожженная, являла собой резкий контраст с праздничным цветением сирени.

Бакланов обошел колодезный сруб, у которого деловито трудились солдаты, оголенные до пояса. Покидая деревню, гитлеровцы пристрелили двух собак и бросили в колодец. Солдаты очистили его и теперь вычерпывали из него воду.

У входа в избу стоял часовой, а на ступеньках крылечка сидел капитан Дмитриевский. Увидев Бакланова, он бросил недокурную папиросу, встал и сошел с крыльца, уступая дорогу.

Бакланов молча прошел в избу, за ним последовал Дмитриевский.

— Завтракали, капитан? — спросил Бакланов, сняв фуражку и положив ее на подушку.

— Только что...

— Жаль, я думал, что составите мне компанию, — он подошел к окну и растворил его настежь. Запах сирени полился в комнату. — Как Горелов?

— Молчит, — ответил Дмитриевский.

Бакланов помедлил немного, глядя в окно, потом сказал:

— Командующий и член Военного совета одобрили наше решение. Значение захваченных гореловской группой документов исключительно важно. Приказано вывезти их во что бы то ни стало и безотлагательно. Командование фронта придерживается того же мнения.

Они говорили, стоя посередине комнаты друг против друга.

— Беседовали с Юлией Васильевной?

— Так точно, беседовал, и самым подробным образом.

— Ну?

— Она готова.

Бакланов вздохнул:

— В этом я не сомневался. Юлия Васильевна всегда готова. Ну что ж... пригласите ее сюда.

— Слушаюсь, — ответил Дмитриевский и удалился.

Бакланов подошел к полевому телефону.

— Чайка! Прошу шестнадцатого. Да, да... Здравия желаю, Владимир Дмитриевич! Уже знаете? Вот и отлично. А время я скажу... Да. Машина нужна будет в двадцать три ноль-ноль. Конечно, послезавтра (что условно означало «сегодня»). Да, на выброску. Через часок я подошлю капитана Дмитриевского. Договорились? Есть!

Бакланов положил трубку и прошелся по комнате. Через окно сквозь сетку распустившихся ветвей сирени процеживался свет солнца. Он дробился на мелкие блики, устилал пол пестрым ковром и делал комнату празднично-нарядной и веселой.

Но на душе полковника было невесело: гореловский корреспондент молчал. Он не вышел на контрольный сеанс и не отвечал на вызовы армейского радицентра. Тревожные догадки и предположения граничили уже с уверенностью: значит, там, в Горелове, стряслась какая-то беда. Но какая? На это никто не мог ответить.

И сам по себе напрашивался вопрос: если там что-то случилось, то не повлияет ли это «что-то» на выполнение задания Тумановой?

Это очень беспокоило не только Бакланова, но и члена Военного совета и командующего армией. Но другого выхода не было.

«Вся надежда на Чернопятава, — подумал Бакланов. — Григорий Афанасьевич не должен оплошать. Он стреляный воробей. Да и Юлия Васильевна — человек, уже искушенный в таких делах. Найдет решение на месте. Немыслимо сейчас предусмотреть все неожиданности и препятствия. Какая-то доля риска обязательна в подпольной борьбе. Наша задача — свести эту долю к возможному минимуму».

Стук в дверь прервал размышления Бакланова.

— Входите! Входите! — громко пригласил он.

Вошли капитан Дмитриевский и лейтенант Туманова, девушка лет двадцати двух. Она сделала шаг, стала в положение «смирно» и, приложив руку к пилотке, представилась:

— Товарищ гвардии полковник, лейтенант Туманова явилась по вашему вызову.

Бакланов невольно залюбовался ею. В простой, но хорошо подогнанной красноармейской гимнастерке с полевыми погонами, в короткой шерстяной юбке черного цвета, в ладных хромовых сапожках, Туманова выглядела очень молодой, стройной и привлекательной. На ее волнистых густых волосах, собранных в тугий узел на затылке, с трудом держалась пилотка. Орден Красного Знамени и медаль «За отвагу» поблескивали на гимнастерке.

— Здравствуйте, Юлия Васильевна, и еще раз здравствуйте! — приветствовал ее Бакланов, взял за руку, подвел к столу и усадил на табуретку. — Как я понял капитана, вы согласны?

— Да, — ответила Туманова. — Я готова. Лишь бы хватило опыта...

Бакланов лукаво и немного грустно усмехнулся.

— Я не привык говорить комплименты. Не скромничайте... Попрошу закрыть окно.

Капитан закрыл окно и встал в сторонке, возле стены.

— Все ли вам ясно? — обратился Бакланов к Тумановой.

— Все ясно. Насколько возможно здесь, я ознакомилась с делами и обстановкой гореловской

группы. Приложу все силы, чтобы справиться с задачей, — спокойным и ровным голосом проговорила Туманова.

— Отлично! — заявил Бакланов. — Ноя не хочу от вас скрывать: там могут быть неожиданности. Нас очень беспокоит одно обстоятельство...

— Срыв передачи? — предупредила его Туманова.

— Да! — подтвердил Бакланов и посмотрел на капитана. Тот стоял, рассматривая карту. — И в данном случае я даже не знаю, что подсказать, что посоветовать. Как полагаете, капитан? Дмитриевский был погружен в изучение карты: и не сразу понял вопрос.

— Простите? — переспросил он полковника.

Бакланов вторично изложил свою мысль.

Дмитриевский выслушал его и, помедлив, ответил:

— Очень трудно что-либо посоветовать. Придется ориентироваться на месте. Нам не из чего выбирать. Мы располагаем явками, но лишены возможности их проверить.

— И у нас нет оснований не верить Чернопятову, — добавила Туманова. — Он же не дает новых явок?

— Все это верно, друзья, — задумчиво произнес Бакланов. — И одна явка на него же самого. Не может же Чернопятов не доверять самому себе! Ноя думаю о другом. Не следует забывать, что писал он радиogramму до того, как прервалась радиосвязь. Мы не знаем, почему она прервалась. Может быть, сейчас Чернопятов дал бы нам другие явки. Может быть, вся обстановка в корне изменилась. Мне кажется, что идти на основную явку без всякой проверки было бы неосторожно.

— А что вы предлагаете? — живо заинтересовалась Туманова.

— Я бы порекомендовал, — продолжал свою мысль Бакланов, — прежде чем войти в это кафе, предпринять небольшую разведку. Изобрести что-нибудь, согласуя это с обстановкой. Важно убедиться в том, «благополучен» ли Готовцев. Это сделать не так уж трудно, поскольку он работает в ресторане.

— Понимаю, — кивнула Туманова.

— Совершенно верно, — добавил капитан. — В конце концов важно узнать, работает ли Готовцев. Если работает, можно смело идти к нему.

— Да, да... — подтвердил Бакланов. — Нам известно, что организация у Чернопятова построена на независимых друг от друга группах. И если в опасности радист, то это еще не значит, что опасность грозит и Готовцеву. Но тем не менее осторожность необходима.

— Я так и поступлю, — промолвила Туманова. — Я постараюсь попасть в город пораньше и кое-что предприму.

— Пароли запомнили? — спросил Бакланов.

— Да, они несложные и легко запоминаются.

— Рацию в город не вносите ни при каких обстоятельствах, — предупредил Бакланов. — Это вообще опасно, а тем более сейчас, когда прервалась связь. Возможно, что их радиста запеленговали.

— Это мне ясно, — ответила Туманова. — Рацию и все остальное я спрячу в лесу, а дальше будет видно. В город явлюсь только с документами.

— Вы сообразуйте с тем, что центр будет слушать вас круглые сутки, — напомнил Бакланов, — по десяти минут после каждого четного часа. Спрячьте рацию поближе к городу, чтобы воспользоваться ею без большой задержки или быстро перебросить в город, в надежное место.

Туманова кивнула.

— Самолет будет здесь дежурить с момента первого вашего сигнала и до вызова, — добавил Бакланов. — А о сигналах для приема самолета придется договориться с летчиком заранее. Вот как будто и все. — Бакланов встал. — Прощаться не будем. Я провожу вас на аэродром. Идите, отдыхайте. А вы, капитан, поезжайте к командиру авиаполка. Он вас ждет.

Начальник гестапо проснулся в это утро необычно поздно. Вся эта кутерьма с курьерской машиной не выходила у него из головы. Заснул он лишь под утро, а встал с болью в висках и с каким-то неприятным осадком во рту.

Лежа в постели, он подумал, что торопиться на службу не имеет смысла. Сейчас же начнутся звонки коменданта города, начальника гарнизона, начальника местной полиции и фельджандармерии, опять посыплются вопросы, на которые надо что-то отвечать, а его от этих вопросов уже тошнит. Пусть там за него выкручивается его заместитель: он умеет разводить дипломатию и за словом в карман не полезет. Да и формально он — начальник гестапо — прав. Он не считает ни себя, ни свой аппарат ответственным за загадочное исчезновение курьера вместе с машиной. Какое ему до всего этого дело! У него и своих хлопот по горло. Достаточно того, что в городе работает подпольный радиопередатчик, который не удастся никак запеленговать и выловить. Достаточно того, что еженедельно на улицах города появляются крамольные листовки со смелыми призывами бить оккупантов, и авторы этих листовок продолжают здоровствовать и творить свое дело. Достаточно, наконец, того, что в течение только последнего месяца зарегистрировано шесть чрезвычайных происшествий. Да еще какие происшествия! Среди белого дня, чуть ли не на глазах у дюжины горожан, у дверей почты убит следователь криминальной полиции. Убит наповал выстрелом из пистолета, и убийце удалось скрыться. Под городским телефонным коммутатором обнаружен подкоп из соседнего дома, а в этом доме уже в течение десяти месяцев жил гауптман интендантской службы, человек безукоризненной репутации. И думай что хочешь! Персонал, обслуживающий городскую электростанцию, весь без исключения сменен заново уже три раза, а всего неделю назад опять произошла умышленная авария, оставившая все учреждения на четыре дня без света. В кабинете управляющего биржей труда в ночь на воскресенье возник почему-то пожар, и от списка лиц, подготовленных к отправке в Германию, остался один пепел. В зоне нового аэродрома как-то на днях был задержан подозрительный тип без всяких документов. Схваченный, он отказался отвечать на вопросы, а когда двое автоматчиков повели его в контрразведку, он по дороге бежал. А всего лишь два дня назад возле заезжего дома кто-то крикнул, что во двор проник советский парашютист с гранатами в руках. Поднялась невообразимая паника, стрельба. Никакого парашютиста не нашлось, как не нашелся и человек, поднявший тревогу, а в перестрелке было убито двое полицейских и один немецкий солдат.

От одного этого голова идет кругом, а тут еще курьерская машина...

Шут с ней, с этой машиной! Пусть начальник гарнизона и комендант портят себе нервы. Не он — начальник гестапо — получил уведомление о проходе машины, а комендант. Не к нему идут шифровки, а к коменданту. Не он обязан был встречать машину и менять на ней охрану, а комендант. Так ему и карты в руки! Пусть и отбрехивается...

Начальник гестапо постарался даже не вспоминать об этом злосчастном курьере, которому, видимо, и в самом деле не повезло, и подумал о сообщении агента Филина. Это совершенно иное дело, конкретное, ясное.

Вчера он сам встретился с Филином и прочел письмо, им полученное.

Да, все обстоит так, как и доложил ему заместитель.

Командир партизанского отряда пишет:

«...Явится к тебе моя дочка. Устрой ее где-нибудь около себя».

Что это означает? Это означает, что дочка уже послана. Он не просит разрешения, согласия Филина, а посылает дочку. Возможно, уже послал. Об этом ясно говорит слово «явится».

Вот это интересно! Чертовски интересно! Не может быть никаких сомнений, что эта девчонка не обычный связной, а человек с определенными полномочиями. В письме идет речь не о том, чтобы Филин принял ее и приютил надень—два. Нет! Речь идет о том, чтобы устроить ее надолго. А командир отряда далее пишет: «Она девка способная, мастер на все руки»... и еще: «К тому же она и немецкий неплохо знает»...

И тут можно без ошибки сказать, что партизаны посылают в город человека для

установления связи с местным подпольем, а может быть, и для руководства им. Партизанский отряд стоит сейчас далеко от города, а терять связи с подпольщиками не хочет. А возможно, партизаны решили воспользоваться радиостанцией подполья, которой сами не имеют. Наконец, не исключено и то, что партизаны подготавливают и намерены осуществить совместно с городскими подпольщиками какую-либо крупную диверсию.

Вот это дело! Настоящее, чисто агентурное дело, требующее ума и хитрости. Тут можно развернуть интереснейшую комбинацию. Можно заставить эту девчонку работать на себя и не только выловить подпольщиков, но и проникнуть в партизанский отряд.

И думать надо именно над тем, как заставить эту девчонку работать на нового хозяина. Хватать и сажать ее в подвал не имеет ни расчета, ни смысла. Так может поступить лишь круглый дурак, ничего не понимающий в вопросах контрразведки. Ее надо встретить, приютить, дать ей работу, но...

— Филин не дурак! — воскликнул начальник гестапо и прервал сам собственные размышления. — Теперь бы нам схватить этого «крота»! А может быть, он уже в наших руках? А может быть, и гостя уже пожаловала к Филину? А вдруг? Вдруг сразу и «крот» и гостя!

Вспомнив, что, покидая ночью службу, он просил не звонить ему на дом и не тревожить его, начальник гестапо вскочил с кровати и бросился к письменному столу, на котором стоял телефон. Он потребовал соединить его со своим заместителем. Немедленно!

Просьба была тотчас же удовлетворена, и в трубке послышался знакомый голос.

— А вы мне очень нужны...

— Знаю, — прервал его начальник гестапо. — Прежде скажите: как дела у Филина?

— Ждет. По старым условиям она должна явиться к нему с наступлением темноты и прямо на работу.

— Это сказал Филин?

— Совершенно верно.

— А как с «кротом»? — спросил начальник гестапо.

— Плохо...

— Опять прохлопали?

— Хуже.

— Что? Как хуже? Что случилось? Не тяните!...

— Его накрыли за работой, ворвались в дом, а он бросил гранату. Сам отправился на тот свет и прихватил с собой трех наших. А двоих тяжело ранил. Один из раненых полчаса назад отдал богу душу, а второй, кажется, готов последовать его примеру...

— Майн гот! [??] — воскликнул начальник гестапо. — Ослы! Идиоты! Кто руководил операцией?

— Оберштурмфюрер Мрозек, но я не вижу здесь его вины...

— То есть?

— Дом был закрыт, и его пришлось брать штурмом. Я на месте Мрозека поступил бы так же, как поступил и он: ломать двери и врываться.

— А рация?

— Он ее уничтожил.

— Но кто же этот он? Что это за герой?

— Молокосос... Подросток лет семнадцати — восемнадцати.

— А с кем он жил?

— Со старухой матерью.

— Ее схватили?

— К сожалению, нет. Скрылась.

— Черт знает что...

После долгой паузы заместитель осведомился:

— Когда вас ожидать?

Начальник гестапо помолчал и затем ответил:

— Я не приду... Да, да... Я прихворнул, и надо отлежаться. Командуйте там... — и он положил трубку.

16

Опустилась ночь. Плотная тучка на горизонте слизнула огрызок поздней луны. Темнота прикрыла временные аэродромные сооружения, боевые машины, упрятанные в земляных гнездах.

Лес, окружающий взлетную площадку, слился с темным небом.

Капитан Дмитриевский и Юля отдыхали на траве возле «эмки». Он сидел, прислонившись спиной к парашюту, а она полулежала рядом.

Оба молчали. Уже все было переговорено, каждый думал о своем. Он — о том, что в который уже раз любимый человек уходит в неизвестное, навстречу опасности. Сейчас снова улетит Юля, и медленно потянется время, без счета... И он снова будет думать о ней, волноваться до той поры, пока она не окажется опять рядом. Он попытался представить себе ее первые шаги на той стороне, мысленно ставил себя на ее место и последовательно, шаг за шагом, старался проследить путь в Горелов и обратно.

Она думала о другом. В тот самый миг, когда самолет оторвется от земли, лейтенант Юлия Туманова исчезнет, прекратит существование. Будто и не было ее. Она перевоплотится, перейдет в другое состояние, станет не тем, кем была минуту назад. В самолете будет сидеть совсем другая девушка... Такова профессия разведчика. Она не может предугадать, что случится с нею в воздухе, над территорией, захваченной противником, как не может предсказать и того, что ожидает ее. Надо быть готовой ко всему.

В мыслях своих она уже была там. Как всегда в таких случаях, хотелось ускорить течение времени и начать немедленно действовать.

Юлия Туманова была девушкой смелой, то есть умела преодолевать, подчинять своей воле то стихийное чувство страха, полное отсутствие которого вряд ли вообще возможно. Опыт многих опасных заданий подсказывал, что распускаться нельзя, что чувство страха лишает человека способности принимать правильные решения, а это еще более увеличивает опасность.

В памяти Тумановой промелькнули все события последнего времени.

...Разведчик Ковальчук три недели назад выбросился ночью с парашютом под Борисовом и достиг земли уже мертвым: его сразила в воздухе вражеская пуля. Радистка Вера Серебрякова, прыгнувшая весной этого года в районе Чернигова, спустилась на минное поле и мгновенно погибла. Младшего лейтенанта Остапенко парашют отнес в расположение фашистского концентрационного лагеря. Он упал на колючую проволоку, повис на ней и, окруженный врагами, застрелился.

А разве думали Ковальчук, Серебрякова и Остапенко, отправляясь на задание, что идут они в свой последний путь?

Переживания Тумановой как бы вращались по кругу: секунды какой-то неопределенной слабости чередовались с моментами твердой решимости.

Подсознательно Юля чувствовала, что она найдет в себе силу и твердость. И это ощущение было самым главным.

— Ты не уснула? — спросил капитан, проводя рукой по ее волосам.

— Что ты! Какой тут сон! — улыбнулась Юля.

Дмитриевский сжал ее руку. Он вложил в это пожатие все: свою любовь, свое уважение перед ее скромным мужеством и все-таки спросил:

— Не трусишь?

— А если и трушу, то не скажу.

— Понимаю тебя, Юленька, и прошу об одном: будь осторожна, проверяй и выверяй каждый свой шаг, прежде чем сделать его. Ведь ты одна у меня на свете. У тебя есть я, брат, мать, а у

меня никого.

— Одна... одна... — повторила Туманова. — А как ты меня называл, когда я стала работать у вас? Помнишь?

— Помню. Недотепа. Но ты ведь и впрямь была тогда несмышлениш, всему удивлялась, не понимала, как надо хитрить с врагом, как обманывать его.

— А теперь?

— Ну, а теперь — дотепа! Теперь ты умница. Но и умники должны быть осторожны.

— А ты будешь мысленно помогать мне?

— Ежечасно! — горячо воскликнул Дмитриевский. — Ты знаешь, что я делал, когда зимой из-под Сухинич ты одна улетела в тыл? Я был с тобой мысленно все время, я наблюдал за тобой, считал минуты, часы, сутки. Помнишь, незадолго до твоего вылета мы ходили в лес? Так вот, когда ты улетела, я покоя не мог найти себе. Рано утром, до начала работы, стану на лыжи и по твоему следу туда, в лес. Стоят те самые заснеженные ели, под которыми мы проезжали, виднеются две полоски от твоих лыж, я иду по ним один, совершенно один, а кажется мне, что ты идешь тут же. А потом вернусь в ту избу, где ты жила, на окраине Сухинич, и смотрю на твою фотографию. И спать не могу, и чудится мне всякое. Или среди ночи бегу к радистам, нет ли от тебя весточки...

Со стороны палатки дежурного по аэродрому слышались голоса, и Дмитриевский умолк. Он повернул голову и увидел луч ручного фонаря, острой полоской проколовший темноту.

— Идут, — сказал он. — Надо вставать!

Оба поднялись. Дмитриевский взвалил на себя парашют. Юля накинула на плечи маскировочный халат и взяла в руку небольшой вещевой мешок.

— Давай попрощаемся, Андрюша...

В темноте капитан не мог заметить, как быстролетная улыбка на мгновение озарила строгое лицо Юлии. Свободной рукой он прижал девушку к груди и крепко поцеловал в губы, в глаза, в лоб.

— Вот и хорошо, — тихо произнесла Туманова. — Не забывай и читай твое любимое «Жди меня, и я вернусь», — пошутила она.

Капитан хотел обнять ее еще раз, но лишь крепко пожал руку. Голоса и шаги приближались. Щупая дорогу, изредка помигивал острым лучиком ручной фонарик.

Подошли Бакланов, командир авиаполка, дежурный по аэродрому, пилот, штурман и моторист.

— Как настроение? — весело осведомился пилот.

— В норме, — спокойно ответила Туманова.

Штурман взял из рук капитана парашют, подошел к ней и сказал:

— Давайте-ка я обряжу вас...

Юля сразу стала какой-то неуклюжей, похожей на медвежонка, казалось, уменьшилась ростом.

Пилот и штурман надели шлемы и полезли в свои кабины. Моторист направился к винту.

— Ваши руки, дорогая, — обратился Бакланов к Тумановой. — Вот так. Ишь, какие горячие! Что значит молодость! Волнуетесь?

— Да нет, не сказала бы, — улыбнулась Туманова.

— Берегите себя, — проговорил Бакланов. — Держите связь. Помните, что душой, сердцем и думами мы будем с вами. И вот еще что... — добавил Бакланов, отводя Туманову в сторону.

— На личной связи у Чернопятова состоит немец антифашист. Это надежнейший человек, о котором мы пока ничего не знаем: ни фамилии, ни клички, ни где и кем он работает. Сведения о нем Чернопятов боялся доверить даже шифру и радио. И это правильно. В таких делах рисковать нельзя. Я вас попрошу при встрече с Григорием Афанасьевичем порасспросить подробнее об этом человеке и запомнить хорошенько.

— Понимаю. Все сделаю.

— Вот и отлично, — одобрил Бакланов. Он еще раз пожал ее руки и помог забраться в самолет.

Туманова заерзала в тесной кабине, стараясь усесться поудобнее, свесила через борт руку и позвала:

— Капитан!

— Да? — отозвался тот и шагнул к ней.

Она незаметно для других погладила его своей маленькой ладонью по щеке и тихо сказала:

— Все будет хорошо!

Дмитриевский сжал ее руку.

Винт поворачивался вначале неохотно, с усилием, с каким-то упорным нежеланием, потом вдруг свистнул и зачертил радужные круги.

Провожающие отошли в сторону.

Пилот дал газ, развернул дрожащую машину почти на месте и повел на старт.

На старте он остановил ее.

Провожающие сбились в кучку и смотрели вслед. Дмитриевский прикусил губу и махнул рукой, хотя отлично понимал, что Юля не видит его.

На старте вспыхнул голубой огонек и погас, и тотчас же множеством крохотных огоньков обозначилась взлетная дорожка.

Взревел мотор. Мощная волна воздуха подняла пыль. Самолет рванулся с места и слился воедино с мраком ночи.

— Двадцать три часа семь минут, — произнес Бакланов, взглянув на часы.

Через девятнадцать минут на высоте тысяча шестисот метров самолет подошел к линии фронта. Штурман показал рукой вниз. Туманова свесила голову, но ничего не увидела. И так каждый раз. Когда бы она ни летала, на переднем крае царили тишина и покой, и даже не верилось, что там, внизу, укрытые в окопах и траншеях, сидят притихшие люди, готовые в любую минуту открыть огонь.

Вдруг вражеский прожектор прорезал небо косым лучом. Пилот мгновенно сбросил газ, и рокот мотора стих. Винт почти бесшумно рассекал воздух. Но на какую-то долю секунды пилот, видимо, опоздал. Слепящий глаза луч прожектора вцепился в самолет и повел его. Тут же загрохотали зенитки. Пилот свалил машину на левое крыло, и она так быстро скользнула вниз, что Туманову прижало к правой стороне кабины.

Огненный столб света растерянно заметался уже где-то справа: жертва ушла из его цепких лап.

Тумановой вспомнился недавний эпизод, когда немецкий ночной бомбардировщик, ослепленный тремя советскими прожекторами, не смог уйти и воткнулся в землю. Она понимала — сейчас все зависит от искусства пилота.

Машину качнуло с борта на борт, как пароход от удара большой волны; впереди светлыми пучочками обозначались разрывы зенитных снарядов. А снизу вверх к самолету жадно торопились огненным, несущим смерть пунктиром желтые, зеленые и красные пулеметные очереди.

Что-то душливное и тошнотворное подступило к горлу.

Прожектор погас, и пилот сейчас же увеличил обороты мотора. Замолкла и стрельба. Гитлеровцы, видимо, ожидали налета на свой передний край и, убедившись, что их опасения напрасны, успокоились.

Самолет, набирая высоту, углублялся во вражескую территорию.

Пилот смотрел вниз. Там, время от времени включая фары, пробирались невидимые с воздуха автомашины. И только по их огням можно было определить, что самолет шел над шоссе-дорогой, которая служила ориентиром.

Туманова вытянула шею и посмотрела на пилота. Он уверенно держал штурвал и спокойно вел машину. Порою казалось даже, что он спит, настолько незаметны были его движения.

Штурман, наоборот, все время двигался, поглядывал по сторонам, обращался к карте, смотрел на приборы.

Где-то далеко на юге быстрые фиолетовые росчерки молний полосовали небо, освещая на короткий миг край земли.

«Там фоза и, наверное, идет дождь», — подумала Туманова.

Прошло еще двадцать семь минут.

Из-под задней кромки левого крыла стали выплывать редкие и робкие огоньки, разбросанные цепочкой на черном фоне.

Штурман поднял планшетку и ткнул пальцем в карту: железнодорожная станция. Да, станцию трудно укрыть: выдают огни. Как ни вертись, а без семафора, без света на стрелках и на тупиках не обойтись.

Самолет отклонился от шоссе и от станции круто вправо. Огоньки исчезли. Внизу потянулись массивы лесов.

Немного спустя пилот сделал один круг, второй и, развернув машину против ветра, сбавил газ. На смену трескучему рокоту мотора пришел легко шуршащий и даже приятный шум винта, вращающегося на неполных оборотах. Высота стала стремительно падать: тысяча сто... тысяча... девятьсот... восемьсот... семьсот...

«Приготовьтесь, Юлия Васильевна, — сказала сама себе Туманова. — Подходит ваша пора».

Она взглянула вниз. Туманная дымка исчезла. Смутно обрисовывался лес. Мелькнуло что-то светлое, видимо озеро. Вокруг ни огонька, никаких признаков человека. Все мертво.

Стрелка указателя высоты приближалась к цифре 600.

Штурман поднял руку в перчатке. Пилот впервые за весь полет повернул голову.

Туманова поднялась, поправила лямки парашюта, неуклюже перевалилась через борт и, держась за него одной рукой, стала осторожно подвигаться к задней кромке плоскости. Встречный поток воздуха подталкивал ее в спину.

А внизу тьма.

Туманова остановилась. Это был ее шестнадцатый прыжок вообще и шестой в тыл врага. И все-таки было страшно. Она глубоко вздохнула, вдела правую руку в резинку, соединенную с вытяжным кольцом.

Пилот прощально помахал рукой.

— Удачи! — крикнул штурман, не отрывавший от нее глаз.

Туманова кивнула.

Затем она присела, как перед прыжком в воду, и, оттолкнувшись от ребра плоскости, бросилась в ночную пучину.

18

Косте Голованову теперь было глубоко безразлично, кто позаботится о его теле, где и как его похоронят. Он сделал свое дело. Он поступил так, как подсказала ему его чистая совесть, сердце настоящего человека. Ценой собственной жизни он спас доверенное ему дело. Тайну подполья он унес с собой, и ключ к этой тайне не могли подобрать гитлеровцы.

Но небезразлично это было подпольщикам.

Чернопятов распорядился вынести ночью тело Кости и похоронить, хотя бы во дворе, чтобы потом, в лучшие дни, перенести его на кладбище.

Но тут выяснилось, что это далеко не безразлично и гестаповцам.

Когда подпольщики из группы Калюжного, которому было поручено вынести тело Кости, повели днем наблюдение за домом Головановых, они ничего не обнаружили. Двор был пуст, дом раскрыт настежь, и казалось, что ни тем, ни другим больше никто не интересуется. Но так лишь казалось. Ночью подпольщики убедились в этом.

Они не пошли все, а послали на разведку одного очень ловкого и сметливого парня, Семена Кольцова, жившего неподалеку и хорошо знавшего и дом и двор Головановых. Того самого Кольцова, который принес Калюжному страшную весть о гибели Кости.

Кольцов, отлично знавший все соседние дворы, проник в сад не с улицы, а через сады, выбрал себе удачную позицию, с которой был виден вход в дом Головановых, и залег. Залег и стал наблюдать. Он пролежал почти два часа и, не обнаружив ничего подозрительного, хотел было уже подать условный сигнал своим друзьям, ожидавшим его за забором, но

почему-то помедлил. Помедлил всего три — четыре минуты. И эти минуты спасли и его самого и трех других подпольщиков во главе с Калюжным.

Из дома вышел человек, в котором Кольцов, приглядевшись в темноте, сразу узнал солдата. Он вышел тихо, постоял некоторое время, свыкаясь с мраком ночи, и прошел к воротам, бесшумно шагая.

У ворот он задержался.

Кольцову пришла в голову мысль прокрасться к солдату и расправиться с ним. Для Кольцова это не составляло никакой трудности. Если он, выполняя приказ подполья, смог уничтожить среди белого дня следователя криминальной полиции и удачно скрыться, то уж за исход этого поединка мог поручиться. Но голос рассудка остановил его.

«Пусть себе стоит, — рассуждал Кольцов, — а когда пойдет обратно, я его тихонько пристукну. И Костю вынесем».

А солдат все стоял, вырисовываясь черным пятном на серых воротах. Он чего-то ожидал.

Потом тень шевельнулась, двинулась, и Кольцов услышал скрип калитки. Солдат вышел на улицу. И сразу же за этим раздалось мяуканье кошки. Но имитация была до того неудачна, что Кольцов сразу сообразил: крику кошки неумело подражал солдат. Но зачем ему это понадобилось?

Это выяснилось очень скоро.

Вновь скрипнула калитка, и теперь уже в нее вошли пять человек. Они, осторожно ступая, пересекли двор и остановились у входа в дом. Один из солдат легонько постучал автоматом в стену, и из дома показались еще три человека.

Не обмолвившись между собой ни единым словом, солдаты постояли несколько секунд, затем четверо пришедших скрылись в доме, а четверо вышедших из дома покинули двор.

«Засада! — догадался Кольцов. — Они ждут нас, сволочи... Эх, если бы у меня была хотя бы паршивенькая гранатка!»

Но гранаты не было ни у Кольцова, ни у его друзей.

Кольцов пополз обратно, и распоряжение Чернопятова осталось невыполненным.

19

Приземлилась Туманова на самом краешке лесной поляны, помеченной на карте маленьким крестиком. Еще немного — каких-нибудь двадцать — двадцать пять метров — и она угодила бы на деревья. Коснувшись земли и упав в траву, девушка замерла, напряженно вслушиваясь. Откуда-то сверху, со стороны, едва доносился рокот удалявшегося самолета. Вокруг стояла тишина: ни шороха, ни феска, ни крика птицы. Безмолвие.

Выждав несколько минут, Юля поднялась с душистой травы, встала на колени и осмотрелась. Поляну плотно окружал лес. Гребень его ломаной линии едва-едва вырисовывался на темном звездном небосклоне.

Туманова высвободилась из парашютных лямок и взглянула на часы с фосфоресцирующим циферблатом — они показывали пятнадцать минут первого.

«Уже одиннадцатое июня», — подумала разведчица и вынула компас. Она без труда определила направление, по которому ей следовало двинуться.

Девушка еще раз осмотрелась, старательно, как можно туже скатала парашют и, взвалив его на плечи, зашагала к лесу. Влажная высокая трава почти достигала колен, и ее аромат слегка кружил голову.

Лес стоял хмурой, непроницаемой стеной. Она вошла в него, сделала шаг — другой и непроизвольно остановилась: казалось, будто ее опустили в черную тушь. Надо было переждать, пока глаза привыкнут к темноте. Скоро стали угадываться очертания стволов и просветы между ними.

Не торопясь, пристально вглядываясь, осторожно нащупывая ногой землю, она двинулась вперед. Густая паутина, протянувшаяся между деревьями, прилипла к лицу, рукам, одежде. Ветви цеплялись за парашют. Туманова сняла его с плеча и взяла под мышку.

Ноги стали погружаться во что-то податливо-мягкое, пружинящее, и она догадалась, что это мох.

Кое-где в чаще робко и сиротливо высвечивали своими огоньками одинокие светлячки, изредка попадались гнилушки, излучавшие мертвый, едва теплившийся свет.

На душе было чуть тоскливо, смутно. Туманова понимала, что лесной мрак оберегает ее лучше любого укрытия, но от этого не становилось легче, и она не могла освободиться от неприятного, сковывающего чувства.

Куда ни шагни, куда ни сверни — повсюду подстерегал затаившийся мрак. И трудно сказать, одну ли ее укрывал и оберегал он!

Да чего таить: было и страшновато. Кто посмеет отрицать, что ночью, наедине с мрачным девственным лесом это чувство не овладеет им, не напряжинит нервы, не заставит сильнее биться сердце?

Но вот лес начал понемногу редеть, и Туманова выбралась на небольшую поляну, поросшую густым папоротником.

Она передохнула немного, достала из-за пояса финку и выкопала вместительную яму. В нее она уложила парашют и засыпала его землей. Затем вынула из вещевого мешка две галеты, полплитки шоколаду и небольшой термос с чаем. Незадолго перед вылетом Дмитриевский уговаривал ее поплотнее поужинать. Но она отказалась. Андрей упрашивал, доказывал, что после прыжка ей надо быть бодрее, что надо набраться сил, но она так и не послушалась. И объяснила почему.

Отец Юли всю свою жизнь провел в лесу. Он родился в семье лесничего, долгое время работал научным сотрудником в лесных заповедниках и погиб в лесу. За три года до войны, передвигаясь по замерзшей таежной реке в Забайкалье, он вместе с лошадей и санями провалился под лед и не смог выбраться. Василий Туманов считал лес своим домом, любил, знал все его тайны и сумел эту любовь внушить детям. Он нередко говорил дочери: «Если хочешь хорошо видеть в лесу ночью, никогда не набивай желудок. Полный, сытый желудок притупляет зрение. Днем это незаметно, а ночью сильно сказывается».

Юля свято верила в житейскую мудрость отца, помнила его наказания и поэтому ограничила себя перед вылетом только стаканом крепкого горячего чая и бутербродом.

Сейчас, подкрепившись галетами и шоколадом, отхлебнув несколько глотков из термоса, она почувствовала себя вполне бодрой. Теперь надо было покинуть место, где зарыт парашют, так же быстро, как она покинула и зону приземления. Этому правилу она придерживалась постоянно и никогда не нарушала его.

Сверившись с компасом и внося небольшую поправку в направление своего движения, Туманова поставила пистолет на предохранитель и вновь углубилась в лес. Вскоре ноги ее заскользили по мягкому настилу из прошлогодней хвои. Лиственный лес сменялся хвойным. Вдруг впереди послышался звук льющейся воды. Юля остановилась. До реки, по ее расчетам, было еще далеко. Она вслушалась и поняла: где-то совсем рядом грустно и мелодично ворковал невидимый родник.

Успокоенная, она пошла дальше и, пройдя час, решила сделать основательный привал, дожидаться утра.

Юля выбрала укромное местечко под огромной густой елью, сбросила с плеч вещевой мешок, сняла маскхалат и разостлала его. Огня разводить не решилась, да в нем и не было особой нужды: в мешке имелся карманный фонарик.

Прежде чем улечься, ей надо было написать коротенькую радиogramму, зашифровать ее и передать армейскому центру. Она понимала, с каким нетерпением там ждут от нее первой весточки, как волнуются Андрей и полковник Бакланов.

Тому, кто сам не пережил этого, трудно по-настоящему понять то беспокойное, напряженное чувство, с каким ожидают первого сигнала от заброшенного в тыл врага радиста. И хотя выброска является только началом всей трудной и большой задачи и, может быть, не самой ее опасной частью — все равно первый принятый от разведчика сигнал наполняет ожидающих таким чувством облегчения, словно сигнал этот означает благополучный исход

всего дела. «Конечно, они не спят, — думала Туманова, — ни Андрей, ни полковник. А как получают радиogramму, успокоятся».

Она закрепила фонарик за еловую ветку глазком вниз, с таким расчетом, чтобы свет не рассеивался по сторонам, но не зажигала его. Затем достала рацию, заученным, проверенным движением подключила крохотные портативные батарейки, рассчитанные всего на два часа непрерывной работы, вывела антенну, надела наушники.

Теперь можно было набросать радиogramму. Туманова вынула из рации блокнотик, карандаш и включила фонарь. Снопик света лег на землю небольшим ровным кружком. Но не успела она зашифровать коротенький текст, как появился враг. Враг жестокий и неумолимый. На свет устремились бесчисленные сонмища комаров. С нудным, пронзительным звоном эти ночные разбойники зароились над нею. Они свирепо набрасывались и с остервенением вонзали свои острые хоботки в лицо, шею, руки, жалили, жалили и жалили... Юля отчаянно хлопала себя по щекам, полбу, отмахивалась, но ничто не помогало. На смену кровожадным разбойникам появлялись все новые и новые, еще более свирепые и еще более жаждущие крови.

Покончив кое-как с зашифровкой, Туманова достала из мешка головной платок и завязала им лицо, оставив лишь щелку для одного глаза. Так стало лучше. Можно было приступить к работе.

Тихо щелкнул выключатель, и вспыхнула крохотная лампочка. Теперь уже не было надобности в свете фонаря, и Туманова выключила его. Она поправила наушники и поморщилась, попав в ужаснейший радиохаос. Тысячи различных звуков хлынули в уши: пощелкивание, резкое потрескивание, жалобный и монотонный писк многочисленных морзянок, разные музыкальные мелодии, завывание, постукивание... Но она упорно искала в этом океане звуков позывные армейского радиocентра и нашла их.

Когда Туманова начала уверенно выстукивать ключиком телеграфные знаки, к ней пришло то радостное ощущение, которое так знакомо разведчикам-радистам в минуты связи с Большой землей. Невидимая воздушная нить пробиралась сквозь все преграды, шла от сердца фронтового коллектива к сердцу разведчицы и вливалась в него новые силы.

Она мысленно представила себе Андрея. Конечно, он стоит сейчас возле дежурного оператора в машине армейского радиocентра, жадно курит и пристально всматривается в однообразные точки и тире, выбегающие из-под руки оператора...

Юлю охватило чувство теплой нежности к самому дорогому для нее человеку, такому близкому и такому недостижимому сейчас. И стало грустно, что по-настоящему они так и не объяснились друг с другом... Будто боялись что-то спугнуть словами.

А дежурит на радиocентре Зойка Снежка, забавная, любящая поспать девчонка. Юля сразу узнала ее по «почерку», как узнала бы и всех других операторов.

Передача заняла три минуты. Только три. Получив «квитанцию» о приеме телеграммы, Туманова выключила рацию и спрятала в мешок.

Затем она встала, наломала хвойных веток и уложила их ровным слоем под елкой. Кинув под голову вещевой мешок, она закуталась в маскхалат и улеглась, согнувшись калачиком, поджав чуть ли не к самой груди коленки. Одна... Одна-одинешенька в темной ночи, в глухом, спящем лесу.

И хотя усталость и нервное напряжение разморили ее основательно, сон пришел не сразу. Чуткое ухо ловило дыхание леса, текли сбивчивые, ленивые мысли.

Странно, она почему-то не думала о том, что ждет ее завтра с рассветом. Нет. Думами она была в кругу фронтовых друзей.

Вспоминался вчерашний день, вечер. Никто не знал, куда именно и с каким заданием летит Туманова; об этом никогда не говорилось. Но все догадывались, что она летит за линию фронта. И этого было достаточно.

Переброски на ту сторону не были редкостью в разведотделе армии, но все же каждая из них являлась значительным событием. Человека, готовящегося, как принято было говорить, к «ходке», неизменно окружали повышенное внимание и теплая товарищеская забота.

С каким трогательным усердием лейтенант Паша Назаров исправил вчера в ее фляге колпачок, пропускавший воду! Он корпел над этим колпачком часа три, пока не добился своего. Он обкатывал его на специально выструганных им же деревянных болванках, подгонял резьбу. А как был рад, когда убедился, перевернув флягу, что вода из нее больше не сочится.

А Женя Караулова! Та Женя, которая сама уже имела за плечами пять «ходовок» за линию фронта! Она собственноручно, несмотря на протесты Тумановой, перешла то платье, которое сейчас лежит аккуратно скатанное в ее вещевом мешке под головой. Она же уложила вещи в мешок и подсунула туда лишнюю плитку шоколада, сбереженную из своего пайка.

А начальник радиоцентра! Как тщательно выверял он для нее рацию, а потом, не найдя достаточно хорошего, по его мнению, ручного фонаря, отдал ей свой.

Приходило на память многое, многое, но мысли путались, ускользали. Она засыпала...

20

В пять часов утра в дверь к полковнику Бакланову кто-то осторожно постучал.

— Входите... дверь отперта, — разрешил Бакланов.

Вошел Дмитриевский, несмотря на столь ранний час, по-обычному чисто выбритый, строго подтянутый. Свежий подворотничок четко выделялся узенькой полоской на его смуглой шее.

Андрей был удивлен, застав полковника на ногах. Бакланов стоял у окна, держа в руке потухшую папиросу. Лицо у него было необычное: утомленное, осунувшееся. Он словно постарел за ночь.

— Ну, что? Есть что-нибудь от Юлии Васильевны? — спросил полковник с плохо скрытым волнением.

— Так точно! — не сдерживая своей бурной радости, выкрикнул капитан и подал полковнику расшифрованную телеграмму.

— Что же вы... — быстро сказал Бакланов, почти выхватив у Дмитриевского бланк, и прочел: — «Приземлилась точно в заданном месте.

Парашют спрятала, зону покинула. Ожидаю утра. Юлия».

Бакланов помолчал, держа в руке листок, и тихо произнес:

— Что же можно сказать? Прекрасный у вас товарищ... Девушка большой душевной силы, смелости...

— Да, — смущенно начал капитан. — Ко мне часто приходит детская мысль: хорошо бы, думаю я, иметь этакий сверхсовершенный радиозэкран, что ли... я не знаю, как его назвать. Или аппарат. Ну, это неважно. Суть не в этом... Включить бы такой аппарат, увидеть бы на экране всех наших людей на той стороне! Понимаете? Вот представьте себе: подсели мы сейчас к аппарату, повернули рычажок — и пожалуйста: на экране Юлия Васильевна! Повернули другой: смотрим — Вавилов. И все нам видно. Не попали ли они в беду, не нужна ли им помощь... Здорово было бы! Только это мечта.

— Да, это верно. Но вот пока мы не в состоянии узнать даже, что помешало гореловскому корреспонденту закончить передачу, почему он умолк...

Бакланов открыл коробку папирос, угостил капитана, закурил сам и резко, деловито закончил:

— Что ж... Будем надеяться, что не сегодня-завтра Юлия Васильевна откроет нам гореловскую тайну.

Дмитриевский взглянул на койку. Она была нетронута, аккуратно заправлена, и, как вчера, на ней лежали автомат, диски к нему, две гранаты и фуражка.

Бакланов перехватил его взгляд, нахмурился, сел за стол и взялся за бумаги.

— Садитесь, — сказал он, — докладывайте, что у вас...

— Вернулась с задания группа Вавилова.

— Когда?

— В четыре ночи.

— Беседовали с Вавиловым?

— Так точно. Наши данные полностью подтверждаются. К мосту по реке подобраться нельзя. И плот с взрывчаткой нельзя пустить. Немцы поставили в воде перед мостом заградительные сети.

— Прочные?

— Металлические.

— Плохо. Подготовьте донесение на имя командующего за моей подписью. От Вавилова потребуйте подробный рапорт. Еще что у вас?

— Шестой корреспондент подтверждает, что на территории бывшего кислородного завода действительно разворачивается мастерская по ремонту танков и автомашин. Из Германии прибыла группа рабочих в количестве сорока трех человек. Среди них французы, русские и поляки.

Гитлеровцы огородили территорию завода колючей проволокой.

— Эти данные проверены? — поинтересовался Бакланов.

— Да.

— Информируйте командующего авиацией. Еще?

— Пленный фельдфебель начал давать показания.

— Что он говорит?

Дмитриевский пожал плечами:

— Боюсь, что он пытается нас дезинформировать.

— Из чего вы заключаете?

— Он назвал номера частей, якобы стоящих против нашего участка, в то время как мы располагаем сведениями, что эти части переброшены месяц назад на Северный фронт.

— Хм... Я так и предполагал. Когда Воронков едет на передовую?

— Он готов, ожидает меня.

— Передайте с ним приказание начальнику разведотдела сибирской дивизии — добыть нового «языка». И добыть побыстрее! Желательно офицера.

— Есть!

Бакланов прислушался. До его слуха долетел тяжелый и непрерывный гул, похожий на далекие раскаты грома. Он сообразил, что у соседа слева работает дальнобойная артиллерия резерва главного командования, еще вчера тянувшаяся через деревню.

— Давно началась эта музыка? — спросил он.

— Минут сорок назад, — ответил Дмитриевский.

Бакланов задумался. Как же он не услышал этого гула ранее?

Состояние Бакланова тревожило капитана: полковник был сегодня необычно беспокоен, рассеян, лаконичен.

— У вас все? — спросил Бакланов и встал.

— Так точно, все...

— Идите... — разрешил полковник. — А сообщения Юлии Васильевны докладывайте мне тотчас после расшифровки... — Он посмотрел на часы. — Она, наверное, сейчас пробирается в город... М-да... Хорошая девушка... Счастливым вы человек, капитан. Идите...

Дмитриевский вышел на улицу. У стены соседней избы сидел неизменный ординарец полковника и смазывал автомат.

Капитан поманил его пальцем.

Ординарец подбежал, на ходу вытирая тряпкой вымазанные руки, и хотел было представиться, но Дмитриевский взял его за поясной ремень и отвел в сторону.

— Что с полковником? Он не спал сегодня? — спросил капитан.

Убедившись, что предстоит разговор не служебного характера, ординарец покашлял в кулак, опасливо посмотрел в сторону избы и тихо сказал:

— Плохо, товарищ гвардии капитан. Когда полковник был на аэродроме, ему позвонил начальник политуправления фронта. Я ответил, что полковника нет. Потом он звонил еще раз и опять не застал. А следом за звонком передали телефонограмму. Я ее принес и обмер: вчерашней ночью погибла жена полковника. Прямое попадание бомбы в госпиталь. Она как раз делала операцию... Вот так...

21

Спала Туманова немного, как умеют спать разведчики, и встала перед восходом солнца. Звезды уже померкли. В лесу посветлело. Предутренний ветерок неуверенно шелестел в верхушках деревьев. Между медно-красными соснами и темными шершавыми елями легко мелькали атласно-белые стволы берез.

Юля быстро собрала все свое имущество, сверилась еще раз с картой и компасом, наметила наикратчайшее направление и отправилась в путь.

Минут через десять она выбралась на тропу, которая ясно выделялась на карте, а в лесу была почти незаметной. Ею, видно, редко пользовались. Идти стало легче, но в то же время опаснее: кто-нибудь мог встретиться. Однако еще опаснее оставлять следы вне тропы.

Тропа пробиралась сквозь лесные заросли, стлалась по песчанику, обтекала заросшие жирной травой болота, терялась во мхах и вновь выходила в стройный бор, чтобы вести все дальше и дальше на юго-запад.

В лесу все светлело. На востоке поднималась широкая густо-алая кайма.

Тропинка выбежала на давнюю вырубку леса, уже заросшую молодым орешником. Такие места здесь называются сечами. На Туманову набежал по-утреннему прохладный и задорный ветерок. Он деловито хлопотал в листве орешника.

Тропка пробежала через сечу и вновь углубилась в лес.

Отдохнувшая, со свежими силами, Туманова бодро шагала. Ушел ночной мрак и унес с собой все тягостные и неприятные ощущения.

Через дорогу переползал едва заметный ручеек. Он сочился тоненькой хрустальной и прозрачной ниткой и, беззаботно журча, разговаривал сам с собой. Туманова остановилась полюбоваться им. И вдруг все кругом преобразилось: далеко на востоке из-за края земли вышло солнце, и его первые лучи заиграли в вершинах сосен.

Юля стояла, не шевелясь, как зачарованная. Солнце! Его радостно встречал пробудившийся от дремы лес, такой угрюмый и пугающий ночью и такой торжественный и величавый сейчас. Ему слали свой привет проснувшиеся птицы, уже щебетавшие вокруг на разные голоса. Солнце! Сколько раз в жизни довелось Тумановой встречать его восход и сколько раз приходилось провожать его за горизонт, грустить в сумерки и искать первую звездочку, затеплившуюся в небе!

«Как может быть счастлив человек, лишенный возможности хоть изредка видеть восход и заход солнца?» — говорил отец Юли.

Да, отец прав. Всякий раз по-особому, по-разному воспринимала она это ни с чем не сравнимое зрелище. И вот сейчас...

Она шла, радуясь рождению дня. Свет властно овладевал лесом, уже можно было различить каждое деревце, каждый кустик. Слева красуется мягкий и пушистый, как ковер, хвощовый мох. Сосны уже выбросили свои свечи. На кончиках разлапистых ветвей елок ярко выделяются молодые побеги салатного цвета. Лес становится опять смешанным. На полянки выбегают деревца рябины, осины, ольхи, кустится орешник. Изредка попадаются дубки, растущие группками.

А сколько будет ягод в этом году! Белыми звездочками усыпана земля.

«Как хорошо! — вздохнула Юля. — Если бы Андрей был со мной рядом!» — подумала она и вздрогнула: белка, распутив хвост, махнула над ее головой с елки на елку и, быстро карабкаясь по стволу, спряталась на самой макушке дерева.

Тропинка неожиданно вильнула вправо. Пройдя несколько шагов, Туманова вернулась к

месту поворота. Кажется, так и должно быть... Но чтобы не ошибиться, она обратилась к карте. Да, правильно: тропа уходила строго на запад, а ей следовало держаться юго-запада. Она спрятала карту, посмотрела на компас и вновь зашагала.

Пройдя еще с километр, она выбралась на большую, длинную, изогнутую поляну и окончательно убедилась, что идет правильно.

С северной стороны поляны лежало озеро. Оно было показано на карте. Молочно-белый, волокнистый и уже прозрачный туман поднялся от воды. Он добрался до леса и мохнатыми клочьями повис на ветвях деревьев.

Туманова подошла к озеру, поросшему с краев густой, по грудь человека осокой. Оно было похоже на кусочек светло-голубого неба, оброненный на землю.

Раздвинув осоку, Юля глянула на воду. Темно-коричневая краснолапая кряква, сидевшая у зарослей, зорко посмотрела на неожиданную гостью и, не поднявшись, отплыла к противоположному берегу. Она разрешила грудью неподвижное зеркальное плесо и волокла за собой острый, угольчатый след.

— Какая умница! — произнесла Юля. — Чувствует, что ей не грозит опасность.

Утка скрылась в воде и неожиданно закрякала.

Туманова ступила сапогами в воду, наклонилась, увидела, как в зеркале, свое отражение, улыбнулась и стала умываться.

Теперь нужно было основательно подкрепиться. Голод давал о себе знать. Развязывая мешок, Туманова сказала:

— Дождя не будет: роса большая.

Она запрокинула голову: в небе пышными скоплениями тянулись белогрудые, точно лебеди, облака, а под ними парил, рисуя небольшие круги, коршун...

22

Чернопятов не спал эти ночи. Ему было не до сна. Он не мог еще оправиться после смерти Кости. Каким образом гестапо удалось напасть на след парня? Ответить на этот вопрос могло только гестапо. О том, что Костю предали, не могло быть и речи. Такую, самую страшную, возможность Чернопятов исключал. Костю как радиста и участника подполья знали лишь трое: Чернопятов, Заболотный и Калюжный. За обоих последних Чернопятов мог поручиться, как за самого себя. Но Костю могли и не предать, а выследить. А если так, то что навело на след Кости?

Возможно, что под слежкой оказался не Костя, а кто-нибудь из них троих, знавших его как радиста. Тогда следует разобраться, кто именно: Чернопятов, Заболотный или Калюжный — допустил оплошность и навлек на себя подозрение?

Заболотный знал, где живет Костя, но уже более года не видел его. Следовательно, это подозрение отпадает.

Чернопятов, покинув дом Головановых, в котором он проживал нелегально, встречался с Костей очень редко. Последний раз он принимал Костю у себя в мастерской месяца три назад. Стало быть, Чернопятов не мог служить причиной провала.

Оставался Калюжный. На его обязанности лежало поддерживать постоянную связь с Костей и изредка встречаться с ним. Они виделись накануне катастрофы. Костя заходил в лавку и «приобрел» там сорочку.

Но если гестаповцы «вышли» на Костю через Калюжного, напрашивался сам собою вопрос: почему они не арестовали Калюжного? Конечно, за этим могла скрываться определенная тактика гестаповцев, определенный расчет: слежка за Калюжным дала им радиста, авось даст и еще кого-нибудь...

В окно котельной уже пробивался утренний свет, а Чернопятов лежал на своем твердом топчане, закинув руки за голову, и все думал и думал.

И потом он вспомнил, что есть четвертый человек, знавший Костю: это Семен Кольцов. Да, да, да. Кольцов знал Костю до войны, знал его отца, мать, братьев, он живет недалеко от

дома Головановых, на той же улице, и он первый сообщил Калюжному о смерти Кости. Но разве можно заподозрить Семена Кольцова в предательстве? Нет, нельзя. Есть такие люди, которым нельзя не верить.

И Семену нельзя не верить. И не только потому, что он беззаветно, до дерзости храбрый, готовый на самопожертвование человек. И не потому также, что ни у одного из участников подполья нет такого богатого боевого счета, как у Семена, а потому, что он — подлинный патриот, душой и телом преданный Родине, потому, что в нем течет кровь отца, отдавшего свою жизнь за то же дело, за которое борется он, его сын, потому, что братья Семена — офицеры Красной армии, потому, что сестра его одной из первых в городе Могилеве была публично повешена гитлеровцами.

Нет, Семен никогда не встанет на позорный путь предательства. Об этом нельзя и думать.

Но возможно, он помимо своей воли вывел гестаповцев на след Кости?

Тоже невероятно. Тогда он прежде сам должен быть на подозрении. И если бы он был на подозрении, гестаповцы давно схватили бы его. Не медля ни минуты. Они не ведали о том, что расправа со следователем криминальной полиции, вскрытие сейфа в бургомистрате, неоднократные аварии на электростанции, взрыв гранаты в солдатском клубе, поджог склада с оружием во дворе полиции и многое другое — дело рук не кого иного, как Кольцова.

Кольцов не мог навести гестаповцев на след Кости еще и потому, что за время оккупации он не посещал дом Головановых. За это Чернопятков мог поручиться.

Но тогда как же это случилось? Что думать?

Думать можно двояко: или Костю запеленговала немецкая радиоконтрразведывательная служба, или же допустил какую-либо оплошность Калюжный.

Хотя Костя и проводил передачи не в строго определенные дни и часы, хотя он и сводил сеансы до нескольких коротеньких минут, его все же могли засечь.

Но если Калюжный?...

Чернопятков резко поднялся с топчана. Ему не надо было одеваться. Он не раздевался с вечера.

Отвернув кран в стене, он наполнил водой кружку и выпил ее до дна. Прошелся по котельной...

А как поступить с голубым пакетом? Что делать с захваченными документами огромного военного значения? Ведь танк «дракон» пускают в серийное производство!

«Эх... — вздохнул Чернопятков. — Знал бы полковник Бакланов, что хранится у меня под верстаком! Что же предпринять? Где выход? Неужели все труды пропали даром? А ведь недешево дался нам этот пакет... Костя... Тимошка... — он прикрыл глаза рукой и решил. — Надо повидать Калюжного... Во что бы то ни стало. Предупредить его и посоветоваться... У меня мозги уже не варят...»

23

Израженная снарядами и бомбами, истерзанная гусеницами танков и самоходных пушек, лежала шоссейная дорога. Над ней монотонно гудели телеграфные провода.

На верхушке столба сидел старый нахохлившийся ворон и лениво, нехотя чистил перья своим большим клювом.

Выбравшись из лесу вперед, как дозорный, стояла тонкая рябина. Под нежными порывами утреннего ветерка она слегка раскланивалась из стороны в сторону.

Было пусто и безлюдно. Тишину нарушало лишь звонкое и переливчатое пение жаворонков, вьющихся в небе.

Туманова огляделась, намереваясь покинуть свое укрытие у дороги, но далекий, возникший где-то в западной стороне шум остановил ее. Она опустила на землю, укрывшись за ветвями.

Шум приближался, и уже можно было расслышать треск мотора.

На шоссе показались два солдата-мотоциклиста. С треском и шумом, подсакивая на ухабах, проехали они на своих «БМВ» и скрылись из глаз. За ними появился бронетранспортер. Он

шел на большой скорости, лязгая и гремя металлом, а следом потянулась колонна длинных и тупорылых трехосных грузовиков. В кузовах длинными рядами чинно, точно на параде, сидели гитлеровцы. Солнце поблескивало на металле оружия. Борты грузовиков были разрисованы желтыми полосами и трехголовыми уродливыми драконами.

Секунды шли, шли, и казалось, им не будет конца. Прошло минут пятнадцать, прежде чем скрылась из глаз последняя машина колонны.

И снова стало тихо и безлюдно на шоссе.

Разведчица быстро выбралась из своего укрытия, легко перепрыгнула через кювет, взглянула на дорожный столб, на дощечке которого стояла цифра 6, и с беспечным видом зашагала в южную сторону.

На ней было простенькое, но хорошо сшитое ситцевое платье с мелкими черными цветочками на красном фоне. С головы полуспадала шелковая косынка. В одной руке она держала сумку, в другой — небольшой букетик цветов.

Через несколько минут ее обогнала автоцистерна, и Туманова сошла на обочину, а когда показалась машина с пустым кузовом, подняла руку.

Водитель притормозил, остановил машину и высунул голову из дверцы. Туманова видела, что рядом с ним сидел, склонив голову, солдат в зеленой форме. Он, видимо, спал.

— Довезите меня до Горелова, — обратилась она по-немецки к водителю.

Тот с нескрываемым любопытством оглядел ее и, толкнув локтем своего соседа, воскликнул:

— Эй, дружище, полезай в кузов! Освободи местечко представительнице слабого пола.

Сосед протер глаза, свирепо зевнул и недоуменно уставился на Туманову. Она показалась ему явлением из другого мира.

— Пошевеливайся! — заторопил его водитель. Солдат безропотно покинул кабину и залез в кузов. Его место заняла разведчица. Машина тронулась.

24

А начальник гестапо гауптштурмфюрер Штауфер продолжал «хворать». Он валялся в постели, курил, читал свежие газеты, доставляемые ему на дом, но мысль о дочке командира партизанского отряда не покидала его.

В конце дня он вызвал к себе своего заместителя и принял его, лежа в постели.

— Крутит меня всего, — пожаловался он. — Или простыл, или переутомился...

— А температура? — поинтересовался заместитель.

— Тридцать семь и три.

— Надо полежать.

— Я и то думаю. А как дела у коменданта?

Заместитель усмехнулся и махнул рукой.

— Не на месте сидит человек, — проговорил он. — Он растерялся окончательно.

Ежеминутно звонит, мечется по городу, поднял на ноги гарнизон.

— А что вы думаете? — спросил начальник. — Куда в самом деле могла деваться машина?

— Ума не приложу. Я мало верю в то, что она прошла Лопухово. Это очень шаткая версия.

Вот что она была в Стодолинске — это факт. Я сам звонил туда.

— Но от Стодолинска до нас больше трехсот километров, — заметил начальник.

— Точно. Я и посоветовал майору Фаслеру искать следы на этом отрезке.

— Правильно поступили, — одобрил начальник и спросил: — Мать «крота» нашли?

Заместитель беспомощно развел руками.

— Пока нет.

Оба умолкли. В комнату вошел солдат с подносом в руках. На нем были две чашки с горячим кофе и подрумяненные тостики.

Заместитель подвинул стул поближе к кровати, и солдат поставил на него поднос.

— Прошу, — пригласил начальник своего заместителя и сам взял чашку. Сделав глоток, он спросил: — Вы подготовились к встрече этой партизанской девки?

— Да, да... Я только что беседовал с Филином и дал ему исчерпывающие указания. Он сам горит от нетерпения повстречаться с нею. И народ я проинструктировал.

— Самое главное — спокойствие, — предупредил начальник гестапо, отхлебывая кофе маленькими глотками. — Никаких препятствий ей не чинить. Предоставьте ей полную свободу. Пусть ходит по городу, устраивается.

Заместитель кивнул, а шеф его продолжал:

— Как только она пожалует, сейчас же позвоните мне. И вообще держите меня в курсе событий. Я почему-то уверен, что эта способная девка, как выражается в письме ее мнимый папаша, выведет нас на городское подполье.

Заместитель вздохнул и поставил на стул пустую чашку.

— Наша ошибка состоит в том, — медленно проговорил он, разминая сигарету, — что мы решили схватить «крота» и потеряли его. Мы лишили себя больших перспектив. Мы поторопились. Надо было выждать. Поверьте мне, что «крот» понадобился бы нам в связи с визитом новожиловской дочки.

— Пожалуй, да, — неохотно согласился начальник гестапо.

Ему не хотелось признаться в том, что захват «крота» — его собственная инициатива. Не кто иной, как он приказал при обнаружении радиста немедленно брать его. А заместитель придерживался иного мнения. Он считал, что главное заключается в том, чтобы засечь нелегальную радиостанцию, взять ее под наблюдение, а с арестом радиста временно воздержаться.

— Кому вы поручили наблюдение за ней? — спросил он после долгой паузы.

— Оберштурмфюреру Мрозеку.

Начальник гестапо поморщился. Он не особенно любил этого желторотого птенца, дамского сердцеда.

— Справится он?

— Я уверен.

— Хорошо, — согласился начальник. — Пришлите его ко мне. Я сам с ним побеседую.

Заместитель встал, поставил стул к стене и поклонился.

25

Небольшой мрачноватый зал кафе «Глобус» с низким, закопченным потолком и стенами, оклеенными обоями салатного цвета, заполнялся обычно с наступлением вечера.

Это было единственное место в городе, где гитлеровские офицеры имели возможность посидеть за стаканом вина и потанцевать.

Солдатам и местному населению входить в кафе запрещалось. Исключение делалось лишь для женщин. Они могли появляться в любое время, с кавалерами и без кавалеров, при условии мало-мальски приличного наряда. Но последнее принималось в расчет главным образом тогда, когда женщина появлялась одна, без офицера, что бывало событием довольно редким.

В городе все чаще и чаще останавливались на ночевку различные части, идущие к фронту. Офицеры, радуясь передышке, шли или в офицерский клуб или в кафе. Большинство предпочитало кафе: здесь было веселее.

Зал освещался большой люстрой, невесть откуда сюда попавшей. Она спускалась с потолка так низко, что человек среднего роста мог без труда достать до нее рукой.

Стол украшала самая разномастная посуда, начиная с бокалов чистейшего хрустала, тарелок саксонского фарфора и кончая грубыми гранеными стаканами из обыкновенного мутного стекла. Скатерти пестрели красными и желтыми пятнами. В этот вечер кафе было переполнено. В половине десятого на подмостки, расположенные в углу, правее буфета, поднялись скрипач, аккордеонист, трубач, виолончелист и пианист. Вслед за ними под жидкие хлопки публики развязно выбежала певица, пользовавшаяся у офицеров местного гарнизона особой популярностью.

Это была размалеванная женщина неопределенного возраста, с выщипанными бровями и чудовищной прической, напоминавшей собой цветочную клумбу. Платье из плотной ткани канареечного цвета с голубыми разводами подчеркивало пышность форм этой особы. Она кокетливо раскланялась во все стороны и одарила кого-то воздушным поцелуем.

— Марго, привет! Повесели нас, старуха! — весело закричали офицеры.

Оркестр заиграл танго тридцатилетней давности, и Марго низким голосом, в нос, затянула:

Шуми-ит но-очной Ма-арсель...

Тотчас говор стих. Задвигались стулья, часть столов опустела, и на небольшом «пяточке» перед буфетом начались танцы.

Успевшие подвыпить кавалеры сталкивались с официантами, старавшимися пробраться сквозь плотный строй танцующих, наступали дамам на ноги, роняли пепел от своих сигарет на их плечи. Когда пение и музыка умолкли и танцующие хлынули на свои места, в зале появилась Юлия Васильевна.

Следуя советам полковника Бакланова, она еще днем предприняла разведку и выяснила, что Готовцев действительно работает шеф-поваром в кафе «Глобус», что он жив, здоров, невредим. Все это удалось ей узнать без труда от безногого инвалида, продававшего мороженое возле дверей кафе. Инвалид оказался покладистым и добродушным парнем. Он охотно вступил в беседу. Пока Юля уничтожала безвкусное мороженое, единственным достоинством которого было то, что его долго держали на льду, инвалид выложил ей все, что ему было известно о кафе «Глобус».

Туманова узнала, что кафе содержит немец Циглер, что официантами работают русские, помощником повара — не то немец, не то поляк, шеф-поваром — известный здесь кулинар Готовцев. На работу он приходит часов в пять дня, а уходит поздно, не раньше двух ночи. Готовцев (а это мороженщику известно точно) работает еще в другом месте, на вокзале, где он занят с семи утра до двух дня. Но вокзальный ресторан — это уже не то, что было до войны. В нем раздают обеды проезжающим солдатам.

Все эти полезные сведения помогли разведчице ориентироваться. Правда, ее смущало то обстоятельство, что явка назначалась между девятью и десятью часами вечера. Ведь Готовцев мог принять ее и в шесть и в семь часов. Но, очевидно, были какие-то причины, с которыми подпольщикам приходилось считаться.

У Тумановой вначале появилась мысль — вызвать Готовцева или передать ему записку, но это шло вразрез с условиями, которые сообщил Чернопяттов. Нельзя нарушать их. Ведь не просто же так, с бухты-барахты, подпольщики назначили явку не днем, а вечером и не на квартире, а именно в кафе.

У Тумановой оставалось еще много времени, и она решила переждать в укромном уголке городского сада, на скамеечке за старой беседкой, среди кустов сирени.

Ровно в девять она появилась возле кафе. Прежде чем войти, она два раза прошла мимо, охваченная сомнениями и нерешительностью, потом взяла себя в руки и переступила порог. Переступила, когда умолкла музыка, а войдя в зал, на какое-то мгновение растерялась.

Да и нетрудно было растеряться, попав с темной, тихой и безлюдной улицы в этот ярко освещенный, шумный зал.

Но девушка быстро овладела собой. Однажды ей довелось оказаться в обстановке гораздо более сложной: зимой сорок первого года под видом корреспондента одной из провинциальных немецких газет она попала на банкет старшего и высшего офицерского состава в Орле. Вот это было испытание! А сейчас что!... В ее сумке лежали надежные документы...

Неторопливой походкой, рассеянно глядя по сторонам и небрежно играя сумочкой, разведчица направилась между столиками к буфетной стойке, за которой, как она поняла со слов мороженщика, всегда находился хозяин кафе Циглер.

Он и сейчас стоял там. Навалившись животом на стойку, этот небольшой человечек, с черепом гладким и круглым, как бильярдный шар, краснощекий, с лихо подкрученными на кайзеровский манер усами, с нескрываемым любопытством смотрел на приближавшуюся

молодую женщину.

Туманова подошла, поздоровалась на чистом немецком языке и, не ожидая ответа, спросила: — Я могу видеть вашего шеф-повара?

Циглер оторвался от стойки и выпрямился.

На лице его можно было прочесть крайнее удивление. Он попытался уточнить:

— Господина Готовцева?

— Ну да!... Даниила Семеновича Готовцева, — подтвердила Юля, заметив, что офицеры, сидевшие близ стойки, обратили на нее внимание.

— А вы кто? — поинтересовался Циглер. — Что ему сказать?

— Скажите, что его просит сестра...

— О!... — воскликнул Циглер. — Сестра!

— А что? — любезно и не без кокетства улыбнулась Туманова.

— Ничего! Видит бог, ничего! Роскошная сестра! Господин Готовцев будет рад, и я лично разделяю его радость. Сию минуту! Сию минуту!... — он резко выбежал из-за стойки и, прищелкивая пальцами, скрылся за дверью, прикрытой тяжелой портьерой.

Туманова подумала, что удобнее всего было бы сейчас присесть, но поблизости свободного столика не оказалось. «Неудачное место, хуже и придумать трудно», — отметила она про себя, торопливо вынула из сумки веер и, развернув его, стала обмахиваться.

За ближайшим столиком шумела офицерская компания. Юля сразу разобрала, что говорят о ней.

Раздались возгласы:

— Катастрофически красива!

— Прямо до неприличия!

— Слепнуть можно! В такой трущобе!...

— Я... я тут бываю ежедневно. И не видел. Поразительно!

У разведчицы дрожал каждый нерв. Но она спокойно стояла, опираясь на локоть, и внимательно разглядывала портрет Гитлера, заключенный в багетовую рамку.

Один из офицеров разлил вино по бокалам, поднялся и обратился к своим собутыльникам:

— Господа! Прошу встать! — все поднялись, загремев стульями. Офицер повернулся к Тумановой так, чтобы она его видела. — Пьем за ваше здоровье и благополучие, прекрасная фрейлейн! Вы лучший из трофеев в этом городе!

Он поднял бокал на уровень глаз, и все сделали то же.

Девушке пришлось наградить офицера улыбкой и слегка поклониться. В это время из-за портьеры показался Циглер и с ним человек в белом переднике и колпаке. На вид ему было лет тридцать пять, не более.

Туманова стояла вполборота и сделала вид, что не заметила их появления. Это было обдуманно заранее: ведь не могла она сразу же броситься мнимому брату на шею! Она не была твердо уверена в том, что придет именно Готовцев, которого она никогда в глаза не видела. Сейчас все решала выдержка, железная выдержка и нервы. Ведь сестра не может ошибиться и спутать родного брата с посторонним человеком. Если с Циглером по игре случая пришел не Готовцев, а кто-либо другой, то малейшая оплошность с ее стороны может повлечь за собой провал. Значит, надо выждать какие-то секунды. Пусть Готовцев, если он не лишен сообразительности, первым обратится к ней.

Туманова продолжала смотреть, улыбаясь, на веселую компанию, когда раздался возглас:

— Валечка!

Она нарочито вздрогнула. Вспыхнувшая от волнения краска на ее лице оказалась как нельзя кстати. Повернувшись и сделав шаг навстречу, она отозвалась не менее радостно:

— Брат, Даниил!

Они бросились друг к другу, обнялись и расцеловались на глазах у всех, как заправские артисты. Встреча получилась такой естественной, жизненно правдивой, что вызвала дружные аплодисменты офицеров, чего никак не ожидала Туманова.

Теперь уже можно было прикладывать руки к горящим щекам, смущенно улыбаться.

— А я-то тебя уже неделю жду! — радостно говорил Готовцев, держа «сестру» за руки и заглядывая ей в глаза.

«Молодчина!» — восторгалась в душе Туманова.

— Никак не могла, — ответила она быстро. — Не отпускал комендант. А ты все такой же!...

— Да что я!... Что мне сделается?! Я здесь, как у бога за пазухой! — и Готовцев подмигнул хозяину кафе. — Хорошо сделала, что вырвалась. Что же мы стоим тут? — Он рассмеялся.

— И на нас смотрят, как на чудо! Пойдем! У меня здесь каморка.

Он обнял ее за талию и повел в ту же дверь, из которой только что появился. Когда они оказались в полутемном и длинном коридоре, Готовцев оглянулся назад и, никого не обнаружив, шепнул:

— Здорово получилось! Ей-богу, здорово! И комар носа не подточит. Но все же... — он приложил руку к груди. — Горячо стало... Вот так оно бывает в жизни. Сюда, сюда! — Он показал на узенькую щель, в которую проглядывал свет.

А хозяин кафе в это время стоял за стойкой, подкручивал усы и думал о чем-то своем. К нему подбежал официант. Циглер поцеловал кончики сложенных пальцев и умиленно произнес:

— Красотка! Буточник! Антик!

— Прошу бутылку «Мартеля».

— Не могу... Понимаешь, не могу!... — сказал Циглер.

— Простите? — недоумевающе переспросил официант. — Уже нет «Мартеля»?

— Не могу оставаться равнодушным при виде подлинной женской красоты. Я эстет! — и спохватился: — Тебе что?

— «Мартеля»... Бутылку «Мартеля», — повторил официант.

— Сию минуту! — и Циглер повернулся к буфету.

Офицеры за длинным столиком уже пили за счастливых брата и сестру.

А они в это время сидели в небольшой, без окон, с глухими стенами клетушке, освещенной крошечной электролампочкой под самым потолком. Вся обстановку составляли железная койка с матрацем без простыни, покрытая неизвестно как сюда попавшей мохнатой казачьей буркой, и ящик с пустыми бутылками.

Готовцев и Туманова сидели рядом на койке. Готовцев с любопытством разглядывал документы «сестры», выданные оккупационной администрацией города Минска: паспорт, удостоверение и пропуск, дающий право на беспрепятственный проезд всеми возможными видами транспорта в город Горелов и обратно. Срок пропуска исчислялся десятью сутками. На паспорте имелись все необходимые отметки. Удостоверение свидетельствовало, что владелица его состоит на службе в минской военной комендатуре в качестве переводчицы.

Готовцев покачал головой и, возвращая документы, произнес:

— Ничего не скажешь... Чистая работа! С такими документами можно и до Берлина доехать. Показывали кому-нибудь?

— Да, один раз, у моста, — ответила Туманова, спрятала документы в сумку и невзначай бросила взгляд на литографию с изображением свирепо глядящего Гитлера, наклеенную на стене.

— Чудно? — спросил Готовцев, заметив ее взгляд.

Разведчица усмехнулась:

— А вы привыкли?

Готовцев нахмурился, опустил голову, толкнул носком ботинка ящик и проговорил:

— К этому нельзя привыкнуть. Делаю вид, что привык, с трудом терплю. Терплю потому, что надо. Иной раз до того тошно, что не знаешь, куда себя деть. Согласен хоть к черту на рога, лишь бы не видеть этих противных морд! — он встал, приоткрыл дверь в коридор и объяснил: — Так лучше... Будет видно, если кто подойдет. Хотя никто в мою каморку и не заглядывает.

Они помолчали. В условиях нелегальной работы часто бывают моменты, когда люди, встретившиеся по паролю, до этого не выдавшие друг друга, исходя из требований

конспирации, не знают, о чем можно и о чем нельзя говорить. Так было и сейчас. Туманова понимала, что Готовцев — только промежуточное звено, что он не должен знать, для чего и с каким поручением она явилась. Его дело — принять ее и передать кому следует, по цепи, в которой он, Готовцев, связан, очевидно, лишь с одним человеком и ни с кем другим. И, конечно, он не знает Чернопятава, потому что не всем подпольщикам дано знать руководителя подполья.

Юля чувствовала себя связанной. Это понимал и Готовцев.

После недолгого молчания она спросила:

— Как будем действовать?

— Как приказано, — ответил он. — Завтра вечером сведу вас туда, где вы нужны или кто вам нужен.

— Только завтра, и вечером? — удивилась Юля.

Готовцев развел руками и пояснил:

— Не подумайте, что это мой каприз. Мне строго наказано, как поступать. Утром ко мне придет товарищ Степан...

— Сюда?

— Нет, на вокзал. Я работаю в двух местах. Он придет и скажет, куда вас проводить.

Получалось не совсем так, как рассчитывала разведчица. Она тешила себя надеждой к утру выбраться из города окончательно вместе с драгоценными документами о «драконе», и такое долгое ожидание ее никак не устраивало. Она не могла держать Бакланова в неведении более суток. Там могут бог знает что подумать!

«Кто такой Степан? — рассуждала она про себя. — Во всяком случае это не Чернопятков. Того звать Григорий Афанасьевич. Его подпольная кличка «Комбат». И еще вопрос, кому меня передаст Степан? Возможно, что между ним и Чернопятавым стоит еще кто-то. Возможно, что Степан не знает Чернопятава так же, как не знает его и Готовцев. Тогда я не вырвусь из города и вечером. Это уж совсем плохо».

— О чем вы так задумались? — участливо спросил Готовцев. — Что вас беспокоит?

Туманова вздохнула, провела рукой по лицу.

— Я планировала иначе.

—Ничего не поделаешь! Если бы все зависело от меня...

«Конечно, он прав, — рассуждала Юля, — он поступает так, как ему приказано, но от этого не легче. Значит, надо немедленно покинуть город, пробраться в лес и информировать Бакланова. Завтра же вечером можно вернуться в город. Да в лесу и спокойнее, нежели здесь. Но вообще сложно...»

— Видите ли, — заметил Готовцев. — Город наш невелик. Тут каждый человек на счету, и это заставляет быть очень осторожным. Товарищ Степан правильно делает: если я сейчас поведу вас к нему, это всем покажется подозрительным. И мало ли что может случиться!...

Пока Готовцев говорил, Юля уже твердо решила: .

«Вернусь в лес. Рацию пока вносить в город не буду. Потом ею займутся товарищи...»

— Ну, что ж, — проговорила она, порываясь встать. — Скажите, где и в какое время я увижу вас завтра?

— А... куда же вы? — оторопело и с удивлением проговорил Готовцев.

— Пойду за город и пробуду там до вечера.

— Да что вы? Да разве я допущу это? Хорошенькое дело! Хм! Приехала сестра, а родной брат выпроваживает ее среди ночи. Тут и дураку взбредет в голову что-нибудь недоброе.

— А как же быть?

— Да никак. Останетесь у меня.

— До завтрашнего вечера?

— А что? Вы не беспокойтесь. Здесь лучше, чем в любом другом месте, да и, кроме того, вы же моя сестра!

— Ну, а если мне надо покинуть город? — улыбнулась Юля.

Готовцев помолчал немного и сказал:

— Только не сейчас, не ночью. Не мое дело расспрашивать, что вас тянет за город. Значит, нужно. Но это рискованно и может навлечь подозрение не только на вас, но и на меня. Туманова колебалась. Доводы Готовцева звучали убедительно. Но мысль о том, что она более суток не подаст ни одной весточки разведотделу, очень тревожила ее.

Она вздохнула и вымолвила:

— И все-таки мне надо уйти.

— Куда? Зачем? — горячо возразил Готовцев. — Я не вижу в этом никакой необходимости. Да мне Степан голову оторвет, если с вами что случится!

— Ничего со мной не случится, — успокоила его разведчица. — Документы у меня в порядке, и я вольная птица.

Готовцев недоумевающе пожал плечами, задумался и, придя, видимо, к какой-то мысли, сказал:

— Не будем спорить, сестричка. Сейчас я вас никуда не пущу. В этом можете не сомневаться, а если вам так уж нужно выйти за город, то вы сделаете это утром. Вот так, — и он прихлопнул рукой по своему колену. — Вам далеко шаггать, если не секрет?

Туманова подумала, что ничего страшного не будет, если ответит на вопрос правильно. И она ответила:

— Шесть километров.

Готовцев задумался, что-то соображая и подергивая себя за мочку уха.

— В каком направлении?

— На Оршу.

— Отлично. Все сделаем как нужно. Утром рано я поеду на ферму за молоком и захвачу вас. Высажу на шестом километре или где вы найдете нужным, а на обратном пути заберу. В вашем распоряжении будет час. Хватит?

— Пожалуй, — неопределенно ответила девушка.

Этот вариант являлся как бы компромиссом и устраивал ее. Утром она свяжется с армейским центром и информирует обо всем Бакланова.

— Договорились, — подвел итог Готовцев и усмехнулся. — И волки сыты, и овцы целы. Старшего брата всегда надо слушать. Отдыхать будете здесь. Закройтесь изнутри и спите на здоровье! Сторожа я предупрежу, а хозяину объясню, что вы не в ладах с моей женой и на дом идти не хотите.

— А он как, ваш хозяин, сговорчивый человек? — поинтересовалась Туманова, уже окончательно утвердившись в решении последовать совету Готовцева.

— Он чудак большой, — пояснил Готовцев. — С ним можно договориться о чем угодно. Да разве в этом дело... Иногда задумаешься, и так тоскливо станет на сердце, что завывать хочется...

— Это почему же?

— Ну как вам сказать... Степан требует, я выполняю. Понимаю, что Степан не для себя старается. Завожу дружбу вот с такими, как Циглер, да и еще кое с кем из посетителей. Иногда и выпить приходится, подчас и Советскую власть ругнуть...

Разведчица засмеялась: «Чистая душа этот Готовцев!»

— Ведь это же для дела. Понадобится — и «хайль Гитлер!» крикнешь, — заметила она.

— Понимаю, все понимаю, — ответил Готовцев. — Но вот люди, наши, советские люди, живущие здесь, не могут этого понять, и объяснить им нельзя. Для них Готовцев — фашистский прихвостень, пособник. Ярлык пособника нацепят, и будет он на шее до самой могилы болтаться.

— Это уж слишком, — возразила Юля. — Придет время, и все объяснится.

— Хм... — усмехнулся Готовцев. — А как же все это объяснится? Не так это просто, как вам кажется. Ведь людей не десяток и не сотня. Целый город...

Ну, хорошо, придут наши. Что вы прикажете делать мне и Степану? Ходить по дворам и докладывать каждому, что мы, дескать, вот какие, а не такие, как вы думали, или выступить на митинге? Или распечатать наше фото в газетах? Вот оно, какое дело, дорогая... и думать

об этом тяжело.

Туманова молчала, не находя, что ответить.

— А в общем будет видно, — и Готовцев встал. — Унывать нечего. Не это главное. Вы есть хотите?

— Не откажусь. С утра во рту, кроме мороженого, ничего не было.

— Что же вы молчите! — с укором произнес Готовцев. — Сейчас я вам закачу такое порционное блюдо, что вы пальчики оближете.

Он вышел.

Юля пощупала рукой койку и подумала: «Не так страшен черт, как его малюют».

26

Чернопятов и Калюжный сидели в это время в котельной, на топчане, рядом, плечо к плечу.

— Ты понимаешь меня, — проговорил Чернопятов.

— И понимаю и нет, — ответил Калюжный, сопровождая свои слова глубоким вздохом. — Понятно мне, что в нашем положении все может случиться, мы же не в бирюльки играем. И тут я с тобой согласен. Но что я попал под подозрение...

— Ну, а если? — перебил его Чернопятов.

— Плохо. Тогда плохо.

— Вот об этом-то я и толкую, — произнес Чернопятов и обнял друга. — Я сам в это не верю, Митрофан Федорович, понимаешь — не верю, но что из этого?

Калюжный молчал. Воцарилась пауза, а потом вновь заговорил Чернопятов:

— Не будем гадать на кофейной гуще. Лучше примем меры. Давай договоримся так: ты прекращаешь встречи со своими ребятами. Понял? Пока, временно. И предупреди каждого из своей группы, чтобы они поочередно наблюдали за тобой и твоим домом. Ведь нам важно выяснить, ведется за тобой слежка или нет. Если нет — то нам плевать на все. Значит, мы ошиблись и не в тебе дело. Понял?

Калюжный кивнул. С такой мерой он был согласен.

— Нам достаточно для этого день — два, — продолжал Чернопятов. — Как бы осторожны гитлеровцы ни были, следя за тобой, ребята все равно их наколят. Не завтра, так послезавтра. А ты, чтобы сбить их с толку, побольше толкайся среди людей, не имеющих к нам никакого отношения. Останавливай, разговаривай, заходи в гости к кому-либо...

— Понял, Григорий Афанасьевич, — ответил Калюжный.

— Добро! — подвел итог Чернопятов. — А теперь давай думать, что нам делать с пакетом.

— Я уж думал.

— Ну?

— Есть выход: послать человека с документами через линию фронта.

— Да... топать двести километров — это не тят-ляп. Тут нужен ходок да ходок. Об этом я тоже думал.

— А больше ничего не придумаешь, — заметил Калюжный.

— Больше ничего не придумаешь, — повторил Чернопятов и покачал головой. — Ты прав... Эх, Костя, Костя... Как трудно нам без тебя, голубок... Знал бы ты, хлопчик...

— И еще вопрос, — сказал Калюжный, — где найти такого парня, который бы добрался до передовой и перебрался на ту сторону.

— Парень-то есть, — проговорил задумчиво Чернопятов. — Разве Сенька Кольцов не тот парень?

— Кольцов? — ухмыльнулся Калюжный. — Да!

— Тот, — согласился Калюжный. — Сенька полезет черту на рога, только прикажи. Но ты же знаешь, чем он занят?

— Знаю. Подбирает ключик своему квартиранту-летчику.

— Чего там подбирает — подобрал уже! — возразил Калюжный. — Летчик два раза таскал его на своей машине на аэродром.

— Здорово! — удивился Чернопятав.
— А ты думал! Этот летчик — командир отряда.
— Смотри! — продолжал удивляться Чернопятав.
— Вот теперь и решай! Если будем посылать Сеньку, летчика придется бросать.
— Придется, — неуверенно сказал Чернопятав и добавил: — Другого человека нет. Я всех перебрал. Да... А пробраться на аэродром тоже неплохо...
— То-то и оно!
— Хорошо! — вдруг решительно сказал Чернопятав и хлопнул друга по плечу. — Подождем эти два дня, а когда с тобой выяснится, поговорим с Кольцовым. Ладно?
— Давай так.
— А теперь ступай, — и Чернопятав встал.

27

Поздно ночью телефонный звонок поднял с постели начальника гестапо гауптштурмфюрера Штауфера. Он быстро вскочил и схватил трубку.

— Да... Слушаю...
— Гость прибыл, — раздался голос заместителя.
— Подробности?
— Ничего не могу добавить. Филин только что позвонил по городскому телефону и в подробности не вдавался. Это — приятное известие, но есть и неприятное.
— Ну, ну?
— Пришла шифровка от бригаденфюрера. Вызывает к себе по поводу этой машины с курьером, будь она неладна. Комендант раззвонил на всю вселенную.
— На когда?
— Четырнадцатого вечером надо быть у него. Значит, утром надо выезжать.
— Поезжайте вы, — сразу решил Штауфер.
— Я? — удивился заместитель.
— Да, да. Объясните бригаденфюреру, что возникла интересная комбинация, ну и к тому же я прихворнул. А относительно машины скажите, что мы предприняли все, от нас зависящее. И кстати намекните, что если с нас спрашивают, то надо предупреждать в таких случаях. Если бы комендант не сказал, то мы и до сих пор ничего не знали бы об этом курьере. Разводить руками после того, когда человек исчез, поздно. Надо было раньше думать. В том случае, если шеф... Хотя позвольте. Вы где?
— На службе.
— Ага... Я сейчас приеду... Да, да... И обо всем договоримся. Подошлите машину... Сколько сейчас по вашим?
— Начало третьего.
— Ерунда! Сейчас я приеду.

28

Ранним утром 12 июня за городом по шоссе катилась большая телега, запряженная резвой молодой лошадежкой.

Лошадь трусила мелкой рысцей, звонко цокая подкованными копытами, а ее хозяин, сутуловатый старикашка в латано-перелатанной рубахе, машинально помахивая кнутом, дремал, пригревшись на солнышке.

За жестяными бидонами, на самом задке, свесив ноги, пристроились Готовцев и Туманова.

Бидоны глухо стучали, тархтели колеса, можно было мирно беседовать, не боясь, что старик услышит.

— Через часок я обернусь, — предупредил Готовцев.

— Хорошо. Я выйду вам навстречу.

— Чувствуйте себя как дома, — посоветовал Готовцев. — Главное, не думайте, что вы на оккупированной территории. Хуже всего, когда станешь об этом думать. Сразу какая-то робость охватывает, начинаешь озираться, кажется, что за тобой следят... Я всегда стараюсь не думать.

— Постараюсь и я, — заверила его Юля и поинтересовалась, кивнув в сторону старика: — А он?

— А что он? Ерунда. Его дело — сторона. Он из ближней деревни, работает по наряду от управы. Две недели отработает — и домой! Кого ему не доводилось возить за эти годы! Привык...

Разведчица посмотрела по сторонам.

— Я тут сойду, — сказала она.

— Уже? — удивился Готовцев. — Еще далеко до шестого.

— А мне безразлично, — ответила Юля.

Готовцев крикнул:

— Демьяныч, а Демьяныч!

— Ась? — отозвался возчик.

— Остановись!

— Можно,—нехотя ответил старик и остановил лошадь. Та покосила глазом, всхрапнула, почесала голову об оглоблю.

Готовцев и Туманова спрыгнули на дорогу.

— Сестренка хочет грибков поискать, — объяснил Готовцев.

Старик усмехнулся:

— Какие сейчас грибки! Рановато грибкам...

Туманова прикусила губу и в душе ругнула Готовцева. Надо же было такое ляпнуть! Сказал бы уж лучше цветы рвать.

Готовцев тоже сообразил, что ляпнул. Но делать было нечего: он подмигнул и добавил:

— Такая уж она охотница... Ну и пусть побродит. А на обратном пути мы ее прихватим.

Только ты не заходи далеко, — предупредил он Туманову.

Старик промолчал и даже не повернулся. Готовцев уселся на свое место и отдал команду:

— Трогай, Демьяныч!

Лошадь дернула и снова затрусила мелкой рысцей.

Юля умышленно сошла здесь. Подвода должна преодолеть небольшой подъем и спуститься в лоцинку. За это время можно будет никем не замеченной свернуть в нужную сторону и добраться до шестого километра.

Строго и тихо было в лесу. Его тишину и покой нарушал лишь нежный пересвист птиц. Сквозь кроны деревьев проглядывало глубокое солнечное небо.

Туманова оставила здесь вчера много своих меток: зарубки на стволах, надломанную березку, трухлявое бревнышко...

Прежде чем подойти к тайнику, где она вчера спрятала свой вещевой мешок, Юля обошлалес вокруг этого места и, лишь убедившись, что ей ничто не угрожает, опустилась в яму, образованную корнями поваленной бурей сосны.

Вынув блокнот, она набросала телеграмму, зашифровала ее. Положила около себя взведенный пистолет, развернула рацию, надела наушники и начала настраиваться.

Она сидела в яме, опираясь спиной о могучее сплетение корней сосны, похожее на осьминога. Отстучав свои позывные и не уловив позывных армейского радицентра, она прослушала переключку с полярниками по радиотелефону, несколько песенок, переданных авиамаяком, настроилась было на «Последние известия», но тут раздались знакомые позывные сигналы.

Юля прибавила громкость, обменялась приветствием с дежурным оператором и начала передачу.

Спокойно выстукивала разведчица знакомые знаки и вдруг неожиданно вздрогнула: что-то сильно треснуло. Не отрывая руки от ключа, она вытянула шею и застыла: на нее

настороженно глядели два испуганных глаза...

В десяти — двенадцати шагах от ямы лежал на земле гитлеровец, прижав грудью автомат. Он не шевелился, не сводил с нее настороженного, неподвижного взгляда.

Кровь бросилась Тумановой в голову. Но она больно прикусила губу, затаила дыхание, выбила ключом условный знак и прервала передачу. Потом незаметно повела рукой под корень, нащупала пистолет и медленно-медленно, будто в ее руке был сосуд с драгоценной влагой, стала поднимать его до уровня ямы.

А гитлеровец по-прежнему не двигался, и его поведение было непонятно. Не могла же знать Туманова, что гитлеровцу было строжайше приказано следить за каждым ее шагом и не обнаруживать себя, но он неосторожно наступил на сухую ветку и упал. Теперь он лежал растерянный, думая в эту минуту не о том, что сейчас предпримет эта женщина, а о том, что сделает с ним его начальник.

Они смотрели молча, как бы пытаясь загипнотизировать друг друга.

Когда ствол пистолета почти достиг уровня земли, разведчица внезапно вскинула руку, заметила, что гитлеровец прикрыл глаза, и дважды нажала на спусковой крючок.

Она умела стрелять метко.

Гитлеровец вскочил было на ноги, но, взмахнув руками, тут же рухнул.

Туманова выждала несколько секунд.

Вокруг стояла тишина. Она выскочила из ямы и бросилась к убитому.

Да, он был уже мертв.

В это время сзади раздался шум. Девушка быстро оглянулась, но не успела отскочить. Кто-то из кустов налетел с ходу, сбил ее с ног. Лежа, она увидела над собой лицо, заросшее густой рыжей щетиной, и выпученные, как у жабы, глаза. Гитлеровец натужно дышал ей в лицо и сопел, стараясь схватить ее правую руку. Рядом слышались голоса.

Юля изловчилась и, растопырив два пальца, с силой ткнула ими в глазные впадины врага.

— У-у-у... — простонал гитлеровец и невольно потянулся руками к лицу.

Туманова с силой пнула его коленкой в низ живота. Тот утробно крикнул и отвалился. Она быстро вскочила. Так быстро, точно внутри нее развернулась сильная стальная пружина... но тут же вновь свалилась, сбитая с ног чьим-то тяжелым кулаком.

Она не могла больше сопротивляться. Силы ее иссякли. Она вся дрожала, дыхание вырывалось со свистом.

Два дюжих солдата завернули ей за спину руки и надели наручники. Потом приподняли и усадили рядом с гитлеровцем.

Она видела, как совсем еще молодой эсэсовец, в чине оберштурмфюрера СС, разглядывал ее рацию. У него было нежное, как у девушки, лицо с тонкими и мягкими линиями.

Грудь Тумановой вздымалась часто и порывисто. Было такое ощущение, словно внутри все горит. В висках звонко и четко выстукивали молоточки.

Но страха не было. Она ощутила его раньше, когда увидела перед собой два пристальных глаза. Потом он ушел куда-то, исчез. Его вытеснила горячка борьбы.

Эсэсовец, окончив осмотр рации, положил ее в вещевой мешок, где хранились пожитки Тумановой, и сказал что-то солдату. Тот, вынув из кармана металлический свисток, резко и протяжно свистнул.

Откуда-то издалека, подобно эху, отозвался такой же, но только покороче, а затем рявкнула сирена автомашины.

Юля поняла: это — конец.

Полковник Бакланов и капитан Дмитриевский уже минут десять находились в закрытом кузове трехтонного «зиса», где размещался походный армейский радиоцентр.

Незадолго до их прихода от Тумановой был принят сигнал: «Мне грозит опасность», — затем передача оборвалась. Полковнику и капитану немедленно доложили об этом по

телефону. Теперь они взволнованно и молча стояли возле оператора, не теряя надежды, что разведчица снова выйдет в эфир. Но она не откликнулась.

Оператор сидел у радиостанции, вслушивался и изредка отстукивал свои позывные.

В машину вошел шифровальщик и подал полковнику листок бумаги. Это была радиограмма, принятая от Тумановой. Бакланов прочел: «Работаю из леса. Только что вернулась из города. Нашла брата. Вечером он передаст меня Степану. Все...» И дальше сигнал: «Мне грозит опасность».

Усталое и осунувшееся лицо Бакланова ничего, казалось, не выражало. Он посмотрел на мгновенно побледневшего Дмитриевского и почти неслышно сказал:

— Спокойно, капитан! Спокойно...

Начальник радиостанции подошел поближе к Бакланову:

— Товарищ гвардии полковник, я начинаю подозревать...

— Подите вы, ради бога, со своими подозрениями! — оборвал его Бакланов и вышел из машины.

Начальник радиостанции оторопело посмотрел на капитана и недоуменно пожал плечами.

До двенадцати часов дня непрерывно и далее до десяти минут каждого нечетного часа вызывала армейская радиостанция Туманову.

Ответа не было.

30

Начальник гестапо гауптштурмфюрер СС Штауфер сидел за столом. Перед ним стоял молодой, с нежным девичьим лицом оберштурмфюрер СС Мрозек, руководивший арестом Тумановой.

Первый был разъярен, лицо у него покрылось красными пятнами, а Мрозек с бледным, как снег, лицом стоял, вытянув руки по швам, стараясь унять дрожь в ногах.

— Вы... Вы!... Я не могу даже подобрать достаточно сильных слов! — выкрикивал Штауфер визгливым голосом. — Вы классический дурак, Мрозек! Вы сумасшедший! Вы опасный человек! Вы помните, что я вам приказал?

— Так точно, господин гауптштурмфюрер! — выдавил из себя Мрозек.

Штауфер злорадно усмехнулся, и его длинное, острое лицо с мелкими, подвижными морщинками еще больше обострилось в брезгливой улыбке.

— Повторите приказ! — потребовал он.

Мрозек постарался справиться с охватившим его страхом и, собравшись с духом, прерывающимся, тонким голосом отрапортовал:

— Вы приказали не прикасаться к ней пальцем, следить за каждым ее шагом и не обнаруживать себя!

— А вы?! Вы что наделали?!

Мрозек молчал.

— Я вас спрашиваю! Вас!... — взвизгнул Штауфер, подпрыгнув на стуле и обнажив желтые мелкие зубы.

— Если бы не солдат, — робко подал голос Мрозек, — все было бы иначе... Он потерял ее из виду, бросился вперед и выдал себя. Она убила его и хотела завладеть автоматом. Тогда она смогла бы...

— Что она смогла? — прошипел Штауфер.

— Убить еще...

— Боже мой! — воскликнул Штауфер. — Ко всем своим качествам вы еще и трус! Одна девка против четырех солдат и офицера! Позор! — Он схватил пачку сигарет, вынул одну, но, не донеся ее до губ, сломал и бросил через плечо. — Ведь вы же знали... Ведь я разжевал вам все и сунул в рот, в рот! Вам оставалось только проглотить, а вы и этого не сумели. Я тысячу раз повторил вам, что эта девка нездешняя. Несомненно, она доверенное лицо и идет в город для встречи. Я вижу, что вы безнадежный болван, не человек! Вы не понимаете

самых простых приказов. Вы позволяете себе думать, когда надо исполнять. Какое право вы имеете думать? Я за вас думаю!

— Я не боялся, что она убьет меня, — попытался объяснить Мрозек. — Но жаль людей...

— Людей! Да плевать я хотел в конце концов на всех людей! — вновь вскипел Штауфер. — Пусть бы она убила еще одного — двух идиотов солдат, но только ушла бы. Вы это понимаете? Ей надо было предоставить полную свободу действий, следить за каждым ее шагом, установить, куда она пойдет, с кем будет встречаться, узнать, зачем она сюда пожаловала. — Сказав это, Штауфер сделал руками жест, будто схватил кого-то костлявыми пальцами. — Затем снять их всех, одного за другим, по очереди! А вы, как пустоголовый полицейский, сцапали и посадили ее в подвал! Что теперь прикажете с ней делать?

Мрозек молчал.

— Почему вы не доложили мне, когда вернулись?

— Вы еще изволили отдохнуть. Я вернулся очень рано.

Штауфер взял в рот сигарету и со злобой вновь выплюнул ее.

— Кто ее допрашивал?

— Я, потом Грейвиц.

— Ну?

— Она ответила, что ничего не скажет.

Наступила пауза.

— Кто был переводчиком? — спросил Штауфер, приходя мало-помалу в себя, и, взяв третью сигарету, чиркнул наконец зажигалкой.

— Никто.

— Как никто?

— Она хорошо владеет немецким, и переводчик не потребовался.

Штауфер встал и театрально схватился рукой за лоб.

— Подумать только!... Подумать только, какое счастье давалось в руки! — неожиданно тихо промолвил он. — Где она сидит?

— Здесь! Дано приказание подготовить одиночную камеру в тюрьме.

— Сфотографировали?

— Так точно.

— Отгиски сняли?

— Так точно.

Штауфер наконец уселся поудобнее, как-то обмяк и погрузился в грустные размышления, совершенно забыв о подчиненном.

Провал!... Провал, какого еще свет не видел! Узнали о появлении важного агента, обсудили все, спланировали, расставили силы и... провалились! Стыд! Стыд и позор! Конечно, она ничего не скажет. Скорее умрет, чем скажет. О, русские знают, кому можно и кому нельзя доверять серьезные дела! Этого у них не отнимешь. Они не дураки. Хм!... Да разве может повториться подобный случай? Выследить и прихлопнуть всю эту русскую банду разом! Да еще получить в руки крупную птицу, может быть, из самой Москвы! Нет, и думать нечего. Так может случиться только раз. И этот великий шанс он, Штауфер, потерял! Потерял по вине этого недоноска! Теперь хоть пальцы грызи, но ничего не получится. И не стоит попусту тратить силы и нервы... Хотя... впрочем...

Какая-то искорка надежды мелькнула в мозгу Штауфера. Он взглянул отсутствующим взглядом на молодого гестаповца.

— Вы поняли теперь, что натворили? — спросил Штауфер.

— Так точно!

— Поздно! Здесь вам нечего делать. Сдавайте дела, получайте документы и отправляйтесь на фронт, к черту!... Там вам вылечат нервы! Это лучшее, что я могу вам предложить, и то не ради вас, а ради вашего отца, которого я уважаю, но который, к сожалению, передал вам очень мало своего ума. И зарубите себе на носу, что ни разведчик, ни контрразведчик из вас никогда не получится. Для этого дела философы не годятся. И не воображайте, что вы

человек. Вы только получеловек и полунемец. Идите! — Штауфер махнул рукой, будто отшвырнул что-то.

Подчиненный вытянулся, козырнул и вышел вон, прикидывая в уме, что отделался сравнительно легко.

Штауфер посидел немного в раздумье, затем снял трубку и набрал номер.

— Это я!... Добрый день! Пренеприятная история. Уже слышали? Да, но что толку? Конечно, молчит и не собирается говорить. И подумайте, она отказалась от услуг переводчика! Да! Прекрасно владеет нашим. А вы знаете, что у нее отобрали? Нет? Так вот послушайте, — Штауфер взял со стола протокол и начал перечислять. — Портативная радиостанция и комплект портативных батарей к ней, пистолет, кодированная и разбитая на километры карта Гореловского района, компас, ракетница, комплект военного обмундирования и всякая мелочь. И знаете что? Я готов усомниться, что она партизанка. Да, да. Скорее, это делегат с той стороны, а партизанский отряд использован как перевалочная база. Ей нужны были связи, а поэтому ее поначалу бросили к партизанам. Что? Красива? Вы видели? Даже очень? Хм... Значит, снимки готовы?

Так вот послушайте. У меня родилась идея. Возможно, фантастическая. Возможно, за глаза вы назовете меня безрассудным человеком. Тут, как говорится, придется ставить на карту больше, чем лежит в кармане, но придется. Короче говоря, это разговор не для телефона. Заходите ко мне, и мы все обсудим. Да, сейчас! Вот так. Алло! Захватите фотоснимки!

Штауфер положил трубку, прошелся по комнате и изрек:

— Красивые женщины всегда более податливы и уступчивы, нежели уроды, и любят собственную жизнь, как никто другой. Так сказал мне когда-то Гиммлер... Это было давно. Тогда мы оба были еще совсем молодыми людьми. Какую карьеру он сделал!... Возможно, Гиммлер и прав. Он во многом оказался прав. Что ж, попробуем...

31

В кафе Готовцев появился раньше обычного. Вид у него был расстроенный. Торопливо войдя в кухню, он рассеянно кивнул своему помощнику и, засучив рукава пиджака, принялся тщательно намыливать руки под краном.

Его помощник — немец, приставленный комендантом города, умело разделявал на столе свиную тушу.

Сторож таскал и с грохотом бросал на пол охапки аккуратно наколотых березовых дров.

Готовцев надел на себя колпак, фартук, но вместо того, чтобы приступить к работе, сел на скамейку. Нервный тик подергивал левое веко, и Готовцев то закрывал глаз, пытаясь унять тик, то вновь открывал его.

Он не заметил, как появился Циглер. Хозяин тихо подошел сзади и положил ему руку на плечо. Готовцев быстро поднялся.

— Гутен таг, господин Циглер!

Тот кивнул в ответ и, сделав знак рукой, вышел. Готовцев последовал за ним.

В зале было пусто. Циглер подвел Готовцева к стойке и, напустив на себя заговорщицкий вид, подал ему обрывок газеты. На сером клочке четко выделялось несколько цифр, написанных синим карандашом. Коверкая русские слова, Циглер объяснил, что герру Готовцеву уже дважды звонили по телефону, назвать себя отказались, но оставили вот этот телефон.

«Неосторожно, очень неосторожно!» — подумал про себя Готовцев, подходя к телефону, висевшему на стене возле буфета.

Он снял трубку, набрал номер и, услышав голос, спросил:

— Вы звонили? Я только что пришел. Через час? Хорошо.

Положив трубку, он долго не снимал с нее руки, будто собираясь позвонить еще куда-то. Видно было, что телефонный разговор не улучшил настроения Готовцева. Он оставался таким же хмурым и озабоченным.

— Красавица сёстр делают вам грёс хлёпот, — усмехнулся Циглер и, многозначительно кивнув головой, добавил: — Я есть все зер гут понимает.

Готовцев не знал, что ответить, и неопределенно пожал плечами.

— Господин Циглер, мне надо отлучиться на часок.

— Часок?... Часок?... Такой роскошный сёстр можно айн, цвай, драй часок.

Готовцев поблагодарил хозяина и хотел уже было удалиться, но тот задержал его.

— Айн момент, — сказал Циглер и полез в буфет. Достав оттуда бутылку вермута, он подал ее Готовцеву.

Тот удивленно посмотрел на хозяина.

— Презент ваш сёстр, — объявил Циглер.

Готовцеву ничего не оставалось, как принять бутылку и поблагодарить хозяина.

32

В половине третьего в кабинет начальника гестапо ввели арестованную.

Штауфер сидел за письменным столом, а подтянутый человек с замкнутым лицом, в отличном штатском костюме расположился у маленького столика напротив. Перед штатским лежала чистая бумага и две автоматические ручки.

Туманову посадили на табуретку. Она медленно обвела глазами комнату: одно окно с видом на площадь, письменный стол, круглые стенные часы, тумбочка и на ней сифон с газированной водой, на стене карта, а повыше ее — портрет Гитлера. В углу широкий и приземистый несгораемый шкаф, а на нем букет ландышей в небольшой фарфоровой вазе.

Юля остановила взгляд на Штауфере. Тот делал вид, что увлечен чтением какого-то документа и не обращал на нее внимания.

«Неприятный тип, — сделала она заключение. — Подбородок срезан, волосы прямые и жидкие, черты лица острые, кожа — будто мятая бумага... Ему не меньше сорока пяти, и он всего лишь гауптштурмфюрер, то есть капитан».

На сидящего по правую руку господина в штатском она посмотреть не решалась, но чувствовала, что тот, откинувшись на спинку стула, внимательно разглядывает ее.

Штауфер отложил наконец документ и повернулся к арестованной.

Он долго смотрел на нее, не мигая, маленькими темными глазами и пришел к выводу, что она красива. Молода и по-настоящему красива. Все в ней хорошо: и рост, и фигура, и черты лица, и волосы, и главное — глаза. Синие, большие, печальные. Но последнее, очевидно, явление преходящее и объясняется ее положением. Вчера, возможно, они не были печальными и под ними не рисовался этот темный ободок.

Туманова не отвела глаз и тоже смотрела на Штауфера, будто хотела угадать, что таится в душе этого человека.

— Хм!... — бросил Штауфер, вышел из-за стола, остановился напротив Юли и сложил на груди руки. — Должен откровенно признаться, что у вас на редкость фотогеничное лицо. Просто поразительно! Такое лицо хорошо давать крупным планом на экране, с акцентом на глаза. Вот именно, на глаза! Да и вообще, следует сказать, что природа расточительно щедро одарила вас. Надеюсь, вы не замужем?

Туманова оставила вопрос без ответа, только ее брови едва заметно дрогнули. Поэтому Штауфер продолжал:

— Хотя в документах значится, что вам двадцать три года, но этому поверить трудно. Выглядите вы значительно моложе. Вам можно дать самое большее двадцать лет. Да, собственно, и двадцать три года еще не тот возраст, чтобы взваливать на свои плечи такую тяжесть, какую взвалили вы! В вашем возрасте человек не способен на серьезные дела. У него еще нет жизненного опыта. Он еще не переработал в себе все, что дало ему образование. Он еще не способен на отдачу...

«Глупец!» — подумала разведчица и припомнила: знаменитый хирург Пирогов к двадцати шести годам уже был профессором; Ньютон обогатил науку законом тяготения, когда ему

было двадцать пять лет; Лермонтов — великий русский поэт — в двадцать семь лет уже окончил свой жизненный путь.

«Глупец!» — Тонкая усмешка тронула губы девушки.

— Зачем вы избрали такую беспокойную профессию? — продолжал Штауфер. — Что вам мешало стать актрисой, педагогом, ну, наконец, музыкантом? А?... У разведчиков очень тревожная жизнь, полная неуверенности в завтрашнем дне. У разведчиков все зависит от счастья. Вы случайно не читали записок известного разведчика Роберта Букара?

Туманова покачала головой.

— Напрасно!... В них очень много ценного и поучительного. Я лично читал и перечитывал их несколько раз. Роберт Букар справедливо говорил, что самая опасная разведка та, которая связана для агента с необходимостью жить в продолжение нескольких дней на неприятельской территории. Храбрецы, идущие на это, рискуют обычно жизнью. А вы так смело проникли на неприятельскую территорию.

— Эту территорию я считаю своей, — заметила Юля.

Штауфер вскинул короткие брови и расхохотался.

— Ах, вот как! Вы считаете ее своей? Любопытно! Даже забавно! — он прошелся взад и вперед и снова занял прежнюю позицию. — Это уже парадокс. Хм!... На своей территории вас зацепили на крючок, на котором не было даже наживки. Вы это понимаете? Вы уподобились беззаботному мотыльку. Увидев огонек, устремились на него и опалили крылышки. Так сильно, что вам уже не расправить их, не взлететь, не запорхать. Вот так, прелестное дитя! Вы сами полезли в западню, и она захлопнулась. А вот выбраться из нее значительно труднее. Почти невозможно. Я нарочно подчеркиваю слово «почти». Надеюсь, вы меня понимаете?

— О, да! Вы на редкость ясно формулируете свои мысли.

Штауфер уловил иронию в словах арестованной, помолчал немного, переглянулся с гестаповцем в штатском и заговорил вновь:

— Очень приятно, что мы понимаем друг друга: я — вас, вы — меня. Вы неглупая женщина. В этом я не сомневаюсь. Вам должны быть понятны вещи, которые непонятны другим: для всякого агента, а тем более тайного, будь он хоть ста пядей во лбу, провал в конце концов неизбежен, как неизбежна смерть для каждого человека. Все дело во времени. Поэтому каждый агент, не лишенный здравого смысла, обязан заранее, заблаговременно обдумать и твердо решить, как он станет себя вести в случае провала, какой ценой он продаст свою жизнь. Но!... Если агент по складу своей натуры, по характеру, неопытности, наконец, по легкомыслию не подумает об этом, то, конечно, не поздно подумать об этом и в самый решающий момент. Вот вы... — Штауфер запнулся, сделал вид, что у него явилась потребность прокашляться, и продолжал: — Вот вам сегодня утром наш сотрудник сделал предложение?

Туманова кивнула.

— Вам оно ясно?

— Как никогда.

— Вы обдумали его?

— Тогда же.

— И...

— И тогда же ответила.

Но, насколько мне, как начальнику гестапо, известно, вы отклонили наше предложение?

— Если выразаться мягко, то да, отклонила. Оно меня не устраивает.

— Это наперекор логике! — воскликнул Штауфер.

— У каждого своя логика.

— Позвольте, позвольте! — запротестовал Штауфер. — Есть же логика, общепринятые нормы, которые...

— Не тратьте напрасно свое красноречие, — прервала его Туманова. — Ваше предложение меня не устраивает.

— Вы напрасно упорствуете, — с деланно-мягким укором заметил Штауфер. — Упорство ничего не даст. Посудите сами: вас взяли с поличным, с такими вещественными доказательствами, что и следствия не нужно. Запирательство бессмысленно, глупо... Вашу судьбу можно свободно решить без суда. Помимо всего, вы убили солдата германской армии. Вас захватили с оружием в руках. А сейчас война. Ее законы неумолимы. Вы понимаете, что это значит?... Только чистосердечные показания могут изменить отношение к вам. Мы заинтересованы...

— Я понимаю, в чем вы заинтересованы! — опять прервала его Туманова. — Не стоит повторяться. Я испорчу вам настроение.

— Это слепое упрямство с вашей стороны, — глухо произнес Штауфер, чувствуя, как внутри его начинает подниматься злоба. — Странная вы женщина! Неужели голос благоразумия утратил для вас силу?

Штауфер пожал плечами, взял стул у стены, поставил его почти вплотную к арестованной и уселся.

— А я не верю, что вы внутренне согласились с проигрышем, — проговорил он. — Не может этого быть! Вы прежде всего человек, и притом женщина. Вы будете бороться за жизнь, цепляться за каждую возможность. Давайте немного пофилософствуем. — Штауфер занял позу поудобнее, закинул ногу на ногу, отвалился на спинку стула и закурил. Он читал в романах, что солидные детективы всегда красиво курят. Это хороший тон. — Наша жизнь так коротка, что, право, глупо самому же сокращать ее! Вот, скажем, я... Я родился на свет божий немного раньше вас, дорогая. Следовательно, пожил и повидал больше. И трудно сказать, что я видел чаще: хорошее или плохое. Скорее плохое. И все-таки я хочу жить! И никогда по собственной воле не расстанусь с жизнью. Никогда! Человек существует и борется за существование, а не за смерть. А вы? Что решили вы? Умереть? Героиней? Мгновенно и легко? И чтобы ваша смерть, как принято говорить, пошла в назидание потомству? Я разочарую вас, дорогая. Вы — агент. А агенты, как правило, умирают в одиночку, бесславно, и смерть их остается тайной для окружающих. Это раз. Теперь два: вы умрете не легкой, не быстрой и далеко не героической смертью. Сначала вам выколнут глаза, вот эти синие глаза, которые, наверное, кто-то любит, вслед за этим удалят ваши нежные уши, а потом последует нос, язык... Что же тут романтического? Ян Гус, и тот был в лучшем положении, когда его публично поджаривали на костре. За него кто-то страдал, им кто-то гордился... И вот представьте себе на одну минуту, что через несколько дней ваше тело будет обезображено и предано заботе червей! Брр! И никакой славы!

Туманова молчала и печально смотрела на букетик родных лесных цветов, стоявших на сейфе. Как попали они сюда? Зачем? Или это сентиментальность, уживающаяся с изощренной жестокостью?

А Штауфер продолжал:

— Я знаю, что вы мне возразите: «Неважно, что я умру. Важно то, что в народе обо мне останется память». Что же, я вам отвечу: глупо! Для чего мертвому память о нем? Что из того, что кто-то и когда-то, будучи в хорошем настроении, вспомнит о вас через сто или тысячу лет? Или обо мне, или вот о нем, — Штауфер кивнул головой в сторону гестаповца в штатском. — Нам-то какая польза от этого? Мертвому ничего не нужно: ни памяти о себе, ни славы, ни почестей, ни любви. Ничего абсолютно. Все это для живых. И если живые порой говорят так много о мертвых, пишут о них, то уж поверьте мне, что делается это потому, что выгодно для самих живых. И только. Вы можете сказать и другое: я, мол, умерла, но не выдала тайны. Тоже глупость. Тайна в наше время — понятие условное. Если ею владеют несколько человек, это уже не тайна. А вашей тайной владеете не вы одна.

Зазвонил телефон.

Штауфер потянулся рукой, снял трубку, назвал себя и перебрался с кем-то ничего не значащими фразами.

— Продолжим, — повернулся он к Тумановой. — Вам ясна моя мысль?

— Вполне, но непонятно, к чему она?

— Я с удовольствием объясню: нам жаль вас. Мы эстеты, нам жаль губить молодую жизнь, разрушать прекрасное. Я склонен полагать, что вас может ожидать иной, лучший, нежели смерть, удел. Вы не знали, куда вас заведет судьба. И вы по молодости, из-за упрямства не хотите спасти себя. Мы пытаемся сделать это за вас...

— Не стоит, — прервала его Туманова. — О себе я подумаю сама.

Штауфер умолк и встал. Он исчерпал себя, да и терпение его начало истощаться. Он не любил вести такие любезные и отвлеченные беседы, считал их особо тонким и трудным приемом и прибегал к ним в редких случаях. В нем поднималось бешенство.

Что делать? Она, конечно, ничего не скажет. Никакие сентиментальные беседы ее не разжалобят. С ней надо поступать иначе: колотить, резать, пилить, жечь! Вот тогда она, может быть, заговорит. Может быть! Но, возможно, и не заговорит. На этой земле ему не раз встречались люди, которые вели себя так же, как вот эта.

А как досадно! Все затеянное рушится, как карточный домик! Испорчена такая игра, такая комбинация! И все из-за одного молокососа, будь он трижды проклят!

Штауфер пнул ногой стул, и тот отлетел к стене.

— Мы знаем все! — чуть не крикнул он. — Знаем, что пробрались вы сюда не без помощи командира партизанского отряда Новожилова, что он заранее предупредил кое-кого о вашем появлении, что вы владеете нашим языком и не прочь бы устроиться в городе.

«Что такое? — соображала между тем Юля. — Что он несет? Какой партизанский отряд? Какой Новожилов? Зачем мне устраиваться? Или он провоцирует?»

— Ведь вы не станете отрицать, что это правда? — спросил Штауфер.

— Никому не запрещено фантазировать, — ответила Туманова.

— Ах вот как... — вспыхнул Штауфер. — А зачем вы заходили в офицерское кафе?

— Какое кафе?

— «Глобус».

— А разве туда вход воспрещен? — поинтересовалась Юля.

— Но вы, вы зачем заходили?

— Затем, зачем и все...

Быстрая конвульсия пробежала по лицу Штауфера, мышцы задержались.

— Вы знакомы с поваром Готовцевым?

— Да, он мой брат, — ответила Туманова и тут же с опаской подумала, что попала под слежку, по-видимому, не в лесу, а еще раньше, в городе. Иначе он не задал бы вопроса о Готовцеве. Но тут же вспомнила о документах, своих документах, попавших в руки гестаповцев. Вспомнила и поняла, что навлекла беду и на Готовцева.

Штауфер рассмеялся мелким, икающим смехом, почти не разжимая тонких, бледных губ. Смех булькал у него глубоко внутри.

Он подошел к столу, взял паспорт и прочел вслух:

— «Готовцева Валентина Семеновна», — и повернулся в сторону гестаповца в штатском: — А его как?

— Готовцев Даниил Семенович, — ответил тот.

Только теперь Туманова взглянула на штатского. Это был широкоплечий человек лет тридцати, с пышной золотистой шевелюрой. На нем был коричневый костюм «в елочку», воротничок светлой сорочки безукоризненно выутюжен, галстук тщательно завязан.

Штауфер продолжал:

— «Родилась в деревне Клявдино, Черновицкого уезда...»

— И Готовцев оттуда же, — добавил гестаповец в штатском.

— Значит, он — ваш брат? — с невинной улыбкой спросил Штауфер.

— Я уже ответила.

— Может быть, вам изменяет память?

— Какой же вы непонятливый, — устало заметила Юля. — Я же объясняюсь с вами на вашем языке!

— Но, может быть, Готовцев вас не знает? — продолжал свое Штауфер.

Туманова промолчала. Возникла тревога: неужели они арестовали Готовцева?

— Молчите? Вы об этом не подумали?

— И думать не хочу.

— А вдруг он вас не знает? Сестра, допустим, не забыла своего родного брата, а брат, возможно, забыл сестру? — Штауфер обошел письменный стол и ногой нажал на кнопку звонка, вмонтированную в пол. Вернувшись, он продолжал: — Ваш «брат» не так уж далеко отсюда. Вы напрасно упорствуете. Это же вопреки здравому смыслу, а вы человек рассудительный. Правильно?

— Вам виднее, — ответила Туманова, прекрасно сознавая, насколько прав гестаповец. Конечно, факты против нее. Да еще какие факты! Ее схватили во время сеанса, с пистолетом, радиостанцией, у нее отобрали все, что выдавало ее профессию. Правда, враги что-то путают. Вопрос о партизанах, о каком-то письме задан неспроста. Но...

Раздался осторожный стук в дверь.

— Прошу! — громко сказал Штауфер.

— Обернитесь и посмотрите! — приказал Штауфер арестованной.

Предчувствуя недоброе, Туманова повернула голову, и что-то перехватило ей горло. Шагах в трех от двери стоял Готовцев. Он смотрел себе под ноги и растерянно мял в руках синюю кепку.

Сколько надо было иметь душевных сил, чтобы не измениться в лице и не выдать себя!

— Кто это? — спросил Штауфер, пылливо следя за девушкой.

— Мой брат, — совершенно спокойно ответила она, не теряя надежды, что, может быть, так же ответит и Готовцев. И если даже Готовцев станет отрицать, то их обоих уличит Циглер. Да что Циглер! Их уличат десятки офицеров, наблюдавших сцену свидания в «Глобусе»! Стало быть, погиб и Готовцев. Понимает ли он это? Наверное, понимает.

Штауфер шумно вздохнул и спросил по-русски:

— Господин Готовцев, вы знаете эту особу?

Разведчица замерла.

— Да, знаю, господин гауптштурмфюрер, — последовал четкий и уверенный, не соответствующий внешнему виду Готовцева ответ.

Туманова едва удержалась, чтобы не вздрогнуть. Только сейчас — слишком поздно! — в голосе Готовцева она расслышала что-то страшное.

Штауфер не сводил с нее глаз, следя за каждым движением, а она внешне спокойно смотрела на него.

— Отвечайте только на вопросы! — предупредил Штауфер предателя. — Кто она?

— Разведчица! Пришла ко мне с паролем.... И не сестра она мне... Ее прислал в город командир партизанского отряда Новожилов... Да, под видом своей дочки... От Новожилова я имею письмо... Я могу его... — и предатель полез в карман.

— Не надо! — остановил его Штауфер. — Письмо адресовано вам, и она, конечно, заявит, что знать ничего не знает.

Туманова почувствовала, как внутри у нее все похолодело. Правда перемешалась с каким-то диким вымыслом и лишь усугубляла ее положение.

Предатель хотел что-то сказать, но Штауфер предупредительно поднял руку и спросил его:

— А что вы скажете относительно документов?

— Документы у нее липовые, на имя моей сестры. А сестра живет и работает в Минске. Это можете проверить, господин начальник, — заявил Готовцев.

Теперь Штауфер обратился к Тумановой:

— Ну, как? Что вы на это скажете?

— Абсолютно ничего.

— Врет она, господин гауптштурмфюрер! — окончательно распоясался Готовцев.

— Довольно! — строго прервал его Штауфер. — Можете идти!

Готовцев умолк. Туманова не видела, но представила себе, как он угодливо раскланялся и осторожно, без шума прикрыл за собой дверь.

— Презанятная история! — воскликнул Штауфер и рассмеялся. Потом он расстегнул высокий воротник мундира и, повернувшись спиной к арестованной, стал цедить в стакан воду из сифона. И тут Туманова вздрогнула, почувствовав на своей руке чье-то прикосновение. Она резко отдернула руку и обернулась в сторону гестаповца, сидевшего справа от нее. Он же, приложив палец к губам, предупреждал ее о молчании. Затем, взглянув с опаской на своего начальника, пьющего воду, перегнулся через стол и сунул в ладонь разведчицы маленький кусочек бумаги, сложенный в несколько раз. И тотчас же, как ни в чем не бывало, склонился над столом.

Туманова машинально зажала бумажку. Она жгла ей ладонь, подобно раскаленному углю. Что это значит? Как понять поступок гестаповца? Какая-нибудь провокация? Может быть, она сама идет в расставленные ей силки? А что, если взять и швырнуть ему в физиономию этот клочок? Швырнуть и сказать: «Не выйдет!» А что не выйдет? Нет, нет!... Она должна узнать, что там написано! Непременно узнать!...

33

В тюремный коридор выходили двери восемнадцати одиночных и общих камер. Каждая дверь запиралась на ключ и на большой железный засов с замком.

Толстые стены и массивные двери, обитые железом, надежно охраняли тайну камер. Звуки умирали без отголоска, растворяясь в мертвой тишине.

В длинном коридоре царил полумрак. Тускло мерцали под тяжелым серым потолком электрические лампочки. У входной двери, прижавшись к стене, стоял жиденький столик. На нем лежала книга рапортов. В другом конце коридора виднелся пожарный кран с подвешенным к нему брезентовым шлангом. Ничего другого здесь не было.

Шаркая по каменному полу грубыми казенными ботинками, подбитыми гвоздями, прохаживался дежурный. На его поясе тихо звенела связка ключей. Длинные руки повисли у самых колен, и весь он походил на какое-то лесное существо, угрюмое и молчаливое. Из-под широкого низкого лба выглядывали маленькие глаза, застывшие в холодном безразличии и спокойствии. Следы перенесенной оспы усиливали общее отталкивающее выражение лица. Трудно было бы придумать более подходящий тип для роли стража этого мрачного места!

От длительной привычки ходить подолгу в ограниченном пространстве он переваливался с ноги на ногу, ритмично покачивая грузное тело. Изредка он задерживался то у одной, то у другой двери, настороженно вслушивался, заглядывал в «глазок», но, не заметив ничего необычного, опускал голову и продолжал обход своей качающейся походкой.

В конце коридора вспыхнула сигнальная лампочка и резко затрещал звонок. Дежурный снял с пояса связку и, подбирая на ходу нужный ключ, не спеша направился к входной двери. Вставив ключ в замочную щель, он повернул его несколько раз и потянул тяжелую дверь на себя. Она открылась. Вошли четыре человека: Туманова, два конвоира и плотный гестаповец в чине оберштурмфюрера СС.

Конвоиры остановились. Гестаповец взял дежурного под руку, отвел в сторону и стал ему что-то нашептывать. Тот слушал, молчал и лишь угрюмо кивал. Поговорив минуты три-четыре, гестаповец громко спросил:

— Ты понял?

— О, да...

— Веди!

Дежурный в сопровождении гестаповца направился в противоположный конец коридора.

— И ты подумай, какая стерва! — возмущался вполголоса гестаповец. — Он ее разоблачил: на очной ставке, а она ни в какую. «Не знаю», — говорит.

— Кто «он»? — нахмурившись, задал первый вопрос дежурный.

— Да вот этот же шеф-повар, о котором я говорил.

— А... — протянул дежурный. — Дурак, он дурак. Надо было пройтись легонько по ее мордашке, тогда бы она сразу признала родственничка.

Гестаповец покрутил головой и усмехнулся. Они остановились у камеры № 13.

— Здесь? — спросил гестаповец.

— Точно так! — ответил дежурный.

— Обязательно предупреди смену о том, что я сказал, — заметил гестаповец.

— Понятно! — глухо ответил дежурный.

Гестаповец, насвистывая, зашагал к выходу.

Конвоиры проводили его глазами.

— Сюда давайте, — подал голос дежурный.

— Вперед! — приказал конвоир.

Туманова пошла по коридору.

Дежурный уже снял засов с дверей и вставлял ключ. Открывая дверь, он поднял голову и остановил свой взгляд на девушке. Та испуганно вздрогнула, но, пересилив страх, попросила:

— Воды бы мне...

Один из конвоиров рассмеялся.

— Ну-ка, Курт, дай ей попить!...

Второй конвоир начал снимать автомат, болтавшийся за плечами. Но дежурный опередил его. Он зло толкнул Туманову в плечо. Девушка вытянула руки, пытаясь за что-нибудь зацепиться, но встретила только пустоту и, пролетев через несколько ступенек, ведущих вниз, упала на каменный пол.

Дверь захлопнулась.

— Ну и здоров же ты, Генрих! — восхищенно сказал конвоир. — Силища!...

Кривая улыбка смутно обозначилась на лице дежурного. Он внимательно посмотрел на растопыренные пальцы своей правой руки и спокойно принялся навешивать замок.

...Туманова с трудом встала. Отчаяние и бессилие душили ее: никогда и никто не поднимал на нее руки! Готовая ко всему с той минуты, когда на нее в лесу надели наручники, она сейчас только по-настоящему поняла, что это означает. Ей показалось, что она упала на дно глухой пещеры. Над ее головой, так низко, что она свободно могла дотронуться рукой, едва-едва теплилась мутная электролампочка. Камера, шириной не более двух метров, походила на каменный гроб. Сырые стены и потолок покрывала слизь зеленоватого цвета. Было погребальному сыро и безмолвно.

Значит, конец всему! Мир остался за этими глухими, непроницаемыми стенами. Огромный, радостный мир, в котором жили Андрей, полковник Бакланов, брат Леонид, старая мать, верные фронтовые друзья.

Да, это конец. И никто ничего не узнает о ее судьбе! Здесь, в этом каменном гробу, ей суждено встретить смерть.

Туманова посмотрела на руку, зажатую в кулак, и вспомнила о клочке бумаги. Она помнила о нем, когда ее выводили из гестапо, везли в машине, вводили в тюрьму, и забыла на короткое мгновение, когда втолкнули в камеру.

Она разжала пальцы и увидела на ладони комочек бумаги. Осторожно расправив, она поднесла ее поближе к свету и прочла:

«Я ваш друг. Я горжусь вашим самообладанием. Мужайтесь, не падайте духом. Можете рассчитывать на все мои силы».

Не веря собственным глазам, разведчица перечитала записку несколько раз. Как все это понять? Кто он, этот странный человек? Перед нею тотчас возник образ гестаповца в штатском: пышные волосы, отливающие золотом, сосредоточенный взгляд замкнутого лица, твердые губы. Он не задал ей ни одного вопроса, он все время что-то записывал, склонившись над столом.

Человек даже в последний момент его жизни не перестает на что-то надеяться. Так случилось и с Юлей. Эти фразы, написанные рукой гестаповца, вызвали где-то в глубинах

сознания искру надежды.

Но голос рассудка предупреждал: провокация! Хорошо продуманная и строго рассчитанная провокация! Гестаповцам невыгодна твоя смерть. Они должны знать, кто ты, кем послана, с каким заданием сюда явилась. Готовцев тебя предал, но он ничего не знает о тебе. И теперь гестаповцы пойдут на все, чтобы добиться цели. А эта крохотная записка — провокация. И тебе сейчас, как никогда в жизни, нужна физическая и душевная сила.

А вдруг?! Вдруг этот гестаповец именно тот человек, тот преданный человек, о котором вскользь упомянул перед ее вылетом полковник Бакланов? Что тогда? Может быть, стоит ему сказать одно слово — и все станет ясно? Ведь тот немец лично связан с Чернопятовым.

От этой мысли Тумановой стало жарко. Неужели возможно такое совпадение? Нет!... Не может этого быть! Осторожность! Еще раз осторожность!

Юля глубоко вздохнула и села на железную койку, покрытую мятой соломой. Она подобрала ноги, обхватила руками колени и уткнулась в них подбородком.

Тревожные мысли теснились в голове.

Сколько раз за войну ей удавалось миновать рук врага, а вот теперь... И глупо в ее положении чего-то ждать, на кого-то надеяться. Теперь остались муки, потом смерть...

Пестрой вереницей промелькнули перед мысленным взором родной дом, мать, брат, школьные друзья. Кажется, совсем недавно она была пионеркой. Потом комсомол. Пионервожатая. Институт. Фронт. Андрей... Это пришла любовь. Ну, конечно, Андрей!...

Воспоминания, полные особенного, волнующего смысла, на минуту согрели ее и ушли. Юля сидела все в той же позе, и тихие слезы струились по ее щекам.

Неожиданно загремел засов. Щелкнул ключ. Дверь открылась, и на пороге показался дежурный. Он пропустил в камеру раздатчика пищи. Тот тихо поставил на койку железный котелок и, отойдя к двери, произнес:

— Ешьте при мне!

Юля взглянула в котелок. Там была какая-то сероватого цвета жидкость, на поверхности которой в немощном свете лампы мерцало несколько капель минерального масла.

34

Чернопятов стоял у верстака, упираясь в его край своими сильными руками, и внимательно глядел, как горит примус, выбрасывая с шипением ярко-фиолетовое пламя. Когда пламя дрогнуло и переметнулось на одну сторону, он взял иголку и тщательно прочистил горелку. Пламя выровнялось, образовало широкий огненный венчик.

Возле верстака на пустом ящичке сидела старуха — хозяйка примуса — и не сводила с огня своих мутноватых слезящихся глаз. На коленях ее покоилась большая плетеная кошелка.

— Ну как, мать? — спросил Чернопятов, подкачивая примус.

— Хорошо! Как новый!

— А ты говорила, не будет гореть. Вон как шипит, что паровоз!

— И в самом деле, — согласилась старуха, — а я уж и не надеялась... Примус-то старенький, поди, ровесник мне.

— Еще послужит! — улыбнулся Чернопятов.

Он погасил примус, старательно обтер его тряпкой и собственноручно уложил в кошелку.

— Если будет хандрить, приноси.

Старуха зубами развязала узел на головном платке, вынула из него несколько смятых немецких марок и молча положила на верстак:

— Дай бог тебе здоровья!... Прощевай.

— Счастливо, мать!

С кряхтением и вздохами старуха стала подниматься по крутым ступенькам.

Косые лучи клонящегося к западу солнца заглядывали в мастерскую, но почти не освещали ее. Только на уголок верстака падал желтый блик.

Чернопятов вытер о передник запачканные руки, скрутил сигарку, закурил и, присев на ящик, на котором только что сидела старуха, призадумался.

В том, что Семен Кольцов согласится идти на ту сторону, он не сомневался. И ради документов, хранящихся в голубом пакете, можно отказаться от аэродрома. Это дело не горит. Но терзали иные сомнения. Конечно, Семен — ловкий, головастый, смелый и напористый парень. Лучше его никто не справится с таким поручением. Но справится ли и он? Вот вопрос. Чтобы соваться через передний край немцев, надо хорошо знать этот край. Сейчас ведь не сорок первый год, когда на фронте были дыры, в которые можно было всунуть целую дивизию. Сейчас фронт уплотнился. Немцам туговато приходится. Как они ни бахвалились, а все же пришли к войне позиционной. Принудили их. И вот попробуй сейчас отыскать не дырку, а хотя бы маленькую щелочку. Где она? Кто ее укажет? Кто подскажет, кто посоветует: в каком направлении лучше податься?!

Да, радиосвязь — великое дело!

И двести километров до фронта — тоже дело нешуточное. Если поездом добираться, нужны документы. Крепкие, верные документы. И еще придумать надо, зачем это Семену Кольцову, парню из Горелова, понадобилось вдруг пробираться на восток. Зачем? И придумать-то трудно. А документы где возьмешь?

Значит, идти надо на своих двоих, без документов. Двести километров. Шутка сказать! Это верных десять суток, не меньше.

А как идти? Лесом? По карте и компасу? Только так! А иначе — крышка. В первом же населенном пункте схватят, обыщут—и конец! Да и в лесу могут перехватить. Тут, поближе, еще можно проскочить, а там, возле передовой, каждый кустик на учете. Сцапают, как миленького. И, наконец, не все же время будет тянуться лес, пойдут и открытые места. А как тогда? День лежи, а ночь шагай?... Ничего себе: так и за месяц не доберешься.

Расстроенный окончательно, Чернопятов встал, подошел к верстаку, в сердцах отшвырнул какую-то кастрюлю, стоявшую на краю, и, повернувшись, заметил чьи-то ноги в дверном проеме. Он пригнулся и увидел Заболотного. В руках у того был старый железный таз.

Заболотный быстро скатился вниз по ступенькам и, подбежав вплотную к Чернопятову, выпалил прерывающимся шепотом:

— Готовцев — предатель!...

Чернопятов отшатнулся:

— Ты... в своем уме?

Глаза Заболотного сверкали. Он вытер рукавом лоб с проступившими на нем росинками пота.

— Предатель, я говорю!... Я брил Скитальца, видел Демьяныча. Они все рассказали... В тюрьме сидит Валентина Готовцева, которую мы ожидали! Ее арестовали сегодня утром.

Чернопятов схватился за сердце и тяжело опустился на ящик. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Час от часу не легче. Тимошка, Костя... Теперь Готовцев — предатель.

— Григорий Афанасьевич, что с вами? — испуганно спросил Заболотный.

— Ничего... подожди... сейчас пройдет, — ответил тот ровным и тихим голосом и осторожно вздохнул. — Не обращай внимания...

Хорошенькое дело — не обращай внимания! Ничего подобного не случилось до сих пор с Чернопятовым, хотя подполью и наносились тяжелые удары. Кто-кто, а уж Заболотный отлично знал, что сердце Григория Афанасьевича никогда не шалило. Но, видно, всему есть предел.

Чернопятов сидел прямо, молча, не отрывая руки от груди, стараясь дышать ровно, без напряжения.

— Отпустило, — тихо промолвил он. — Да, отпустило. Скажи на милость! Нужно же приключиться такому не вовремя... Говори, Степа, я слушаю тебя...

Заболотный рассказал о том, что узнал от Скитальца. К Готовцеву явилась в кафе девушка, и он ее выдал. Сегодня днем Готовцева вызывали в гестапо, и он на очной ставке уличил

девушку. Но она ни в чем не призналась. Как ее арестовали, Скиталец не уточнил, но тут кое-что дополнил Демьяныч.

— Какой Демьяныч? — переспросил Чернопятов, хотя отлично знал его.

Заболотный пояснил: Никанор Демьяныч Сербии из деревни Лужки. Он по наряду от управы обслуживает кафе «Глобус». Сегодня утром ездил на молочную ферму с Готовцевым. Тот был не один. С ним из города выехала сестра, которую он оставил в лесу «собирать грибы». На обратном пути они хотели захватить сестру, но она на шоссе не вышла. Потом на пути встретилась женщина из Лужков, сказала, что в лесу была стрельба. А Готовцев только усмехнулся. Старику это показалось подозрительным. Он слышал о том, что у Готовцева есть сестра, что она работает якобы на немцев в Минске, и ее появление здесь, странная поездка в лес за грибами, да еще стрельба навели на нехорошие мысли.

— И вот когда я, — продолжал Заболотный, — увязал рассказ Демьяныча со словами Скитальца, мне стало все ясно.

Чернопятов подумал: «Значит, Костя успел-таки передать телеграмму, если Бакланов выслал человека».

— Как ты инструктировал Готовцева? — спросил он.

— Я предупредил, — твердо заявил Заболотный, — что если к нему под видом сестры явится женщина, он должен принять ее, укрыть и уведомить меня.

— И все?

— Да, все!

— Знает ли он кого-либо из наших, кроме тебя?

— Никого!

— А Костю Голованова?

— А при чем тут Костя? — удивился Заболотный. — Да и что он мог о нем знать?

— Я спрашиваю об этом потому, — тихо произнес Чернопятов, — что Кости уже нет. Костя погиб. В дом к нему ворвались гестаповцы, и он подорвал себя и их гранатой. Это было позавчера ночью.

Заболотный стоял потрясенный. Он оцепенел и не мог выговорить ни слова. В голове все смешалось. Он шел сюда со страшной вестью, но здесь его ожидала не менее страшная. Только необходимость что-то решать, принимать срочные меры вывела его из оцепенения.

Чернопятов спросил:

— А насчет Демьяныча Готовцев не догадывается?

— Что вы! Откуда?! — с тревогой ответил Заболотный. — Ведь старик по наряду у них в кафе работает.

Зная о том, что Готовцев — родственник Заболотного и что именно Заболотный рекомендовал его на подпольную работу, Чернопятов сказал:

— Он и тебя может выдать...

— Я думал об этом, — признался Заболотный. — Да уж лучше бы меня...

— Не говори глупостей, — оборвал его Чернопятов.

Заболотный нахмурился.

— Думал я и вот о чем: почему он раньше меня не выдал? Что ему стоило? Ничего. Значит, ему это невыгодно...

— Не понимаю, — заметил Чернопятов.

— Может быть, я и не то сказал, — поправился Заболотный, — но мне кажется, что ему неинтересно было предавать меня одного. Он хотел узнать, кто стоит за моей спиной.

— Он твой шурик?

— Да, он женат на моей родной сестре.

— Хм!... Интересно, как она поведет себя, узнав, что Готовцев — предатель.

— Клавдия задушит его собственными руками, — сильно волнуясь, произнес Заболотный. — В этом я могу поручиться своей головой. Разрешите мне поговорить с ней, и вы убедитесь...

— Подожди, Степа... подожди... Давай обдумаем все, со всех сторон.

35

В одиннадцать часов вечера закрытая тюремная машина доставила Туманову в гестапо.

В кабинете Штауфера, кроме него и гестаповца в штатском, находился хозяин кафе Циглер. Туманова поняла, что его вызвали сюда для очной ставки.

Ее усадили на прежнее место.

— Этот человек вам, конечно, тоже знаком? — спросил Штауфер, не скрывая иронии.

— Вы угадали, — ответила разведчица.

— А вы ее тоже хорошо запомнили? — спросил Штауфер.

— Конечно, я узнал бы ее из тысячи! — заверил Циглер.

В голове Циглера была страшная путаница. Он не мог сообразить, в чем провинилась «роскошная» сестра его шеф-повара, которую он так любезно встретил и с которой беседовал.

— Неужели вы... — попытался он что-то сказать Тумановой, но его прервал Штауфер:

— Не волнуйтесь, господин Циглер. Это не должно вас удивлять. Не смею вас больше задерживать.

Хозяин кафе попятился и, поклонившись, вышел.

Туманова взглянула на тумбочку, где стоял сифон с газированной водой, и судорога передернула ее лицо. Она непроизвольно провела сухим, воспаленным языком по запекшимся губам и с невероятным усилием отвела глаза от сифона.

Целый день ей не давали воды. Не дали даже умыться, на что она так рассчитывала. А после обеденной бурды, которая оказалась не только отвратительной по вкусу, но и пересоленной, жажда мучила немилосердно.

Штауфер отлично понимал состояние арестованной: все делалось по его приказанию. Он подошел к тумбочке и наполнил стакан прозрачной газированной водой. Подняв стакан до уровня глаз, он наблюдал с подчеркнутым вниманием, как поднимались вверх маленькие пузырьки, выбрасывая мельчайшие брызги.

— Ну-с... Что же мы будем делать дальше? — спросил он арестованную.

Разведчица молчала, плотно сжав губы.

Штауфер поднес стакан ко рту и, запрокинув голову, стал пить воду крупными глотками. Его кадык ритмически двигался. Поставив пустой стакан на место, Штауфер прищелкнул языком, погладил рукой по груди и повел допрос дальше:

— Вы не передумали? Нет? Неужели вам не ясно, что перед вами выбор: или рассказать о себе все, ничего не утаив, или... — и он сделал выразительный жест над своей головой. — Я понимаю, что неприятно и то и другое, но существует правило: всегда выбирать из двух зол наименьшее. Я бы лично в вашем положении...

— Вам тоже придется когда-нибудь выбирать! — не сдержалась Юля.

Глаза Штауфера побелели. Он быстро подошел к сейфу, взял лежавший на нем кусок резинового шланга в палец толщиной и, крепко зажав один конец в своей руке, приблизился к арестованной...

— Вы... неразумная! — зло, сквозь зубы, бросил он. — Всякому терпению может прийти конец. Я не намерен слушать ваши остроты. Я могу сделать так, что ваш язык будет говорить только то, что мне нужно.

Туманова посмотрела ему в глаза и усмехнулась.

Зазвонил телефон. Штауфер хлестнул шлангом по голенищу сапога и подошел к столу.

Повернувшись к арестованной спиной, он снял трубку.

— Да, я! Ну? — спросил он резко и отрывисто. — Ерунда! Делайте то, что вам приказано.

Вот, вот!... К вашему сведению, нет на свете человека, который не страдал бы каким-нибудь недугом. Что?...

Гестаповец в штатском наклонился вперед, тронул девушку рукой и тихо, едва шевеля губами, произнес:

— Вы прочли мою записку? Доверьтесь мне... — Он умолк, заметив движение Штауфера, и углубился в бумаги.

Туманова испытующе взглянула на него. И ей почудилось, что в его глазах мелькнуло участие.

Кося глазами на Штауфера, гестаповец снова быстро зашептал:

— Я готов помочь вам... надо действовать осторожно... Слушайте меня...

Туманова подозрительно смотрела на него и молчала.

— Возможно, даже... — Он быстро выпрямился и умолк.

Штауфер повернулся вполоборота и, видимо, заканчивал разговор:

— И я болен, и вы больны! Отправляйте его в лагерь! К черту! Да, сегодня же! Я уверен, что он там быстро поправит свое пошатнувшееся здоровье. Все!

Он бросил трубку на рычажок и, обратившись к гестаповцу, сказал:

— Распорядитесь сейчас же вызвать Готовцева!

Штатский поднял голову.

— Он, вероятно, еще на службе. Мы постараемся при его содействии уточнить кое-какие подробности, — продолжал Штауфер.

Гестаповец поднялся и молча удалился.

Штауфер прошелся по комнате и присел на подоконник, играя концами шланга.

— Вы учтите, фрейлейн, — предупредил он Туманову, — я перестану с вами церемониться. Вы накликаете беду на свою голову. Мне попадались такие, как вы, и еще почище. Они тоже пытались дурить, но потом горько раскаивались. И еще запомните, что нет на свете такого человека, который в конце концов не разговорился бы у меня! Поняли?

Туманова смерила его презрительным взглядом и с брезгливостью сказала:

— У вас физиономия крысы...

Штауфер замер от неожиданности. Кровь быстро сходила с его острого лица. Заложив руку за спину и наклонив голову, он стал медленно приближаться к девушке и вдруг быстро взмахнул над ее головой резиновым шлангом.

36

С северо-запада на город надвигалась туча. Вспышки молнии уже обжигали ее, раскаты грома приближались. Туча наступала медленно, неумолимо и постепенно гасила звезды.

Пахнул свежий, предгрозовой ветерок, зашелестел в листве деревьев, встряхнул тяжелые флаги со свастикой у входа в гестапо, промчался по городу, волоча за собой пыль и мусор.

В дверях здания гестапо показался Готовцев. Он вторично пытался помочь Штауферу заставить разведчицу сознаться, но из этого ничего не вышло. Раздосадованный и озлобленный, он покинул кабинет, чувствуя, что гауптштурмфюрер не был в особенном восторге от хода следствия.

Готовцев остановился на улице, раздумывая, возвратиться ли в кафе, до закрытия которого оставалось минут двадцать, или же идти домой. Решил идти домой.

Поминутно озираясь, перебегая с одной стороны улицы на другую, Готовцев добрался до своего переулочка. Туча уже висела над городом и как бы остановилась. Длинная ломаная молния прорезала небо, озарила на миг все вокруг, и грохнул такой удар грома, что в ушах Готовцева зазвенело.

Он бросился бежать по переулочку, юркнул в проходной двор, и вдруг перед ним, точно из-под земли, появились две фигуры.

— Кто? — вскрикнул Готовцев и шархнулся в сторону.

— Свои, Даниил, без паники, — успокоил его знакомый голос Заболотного.

— Степан? — не без опаски спросил Готовцев, подходя поближе и заглядывая в лицо.

— Он самый, — спокойно ответил тот.

— А это кто? — предчувствуя недоброе, задал вопрос Готовцев, вглядываясь в спутника Заболотного.

— Тоже свой, — сказал невозмутимо Степан. — Веди нас к себе... Мы с вечера ждем тебя и надоели Клашке. Она уже спать улеглась.

— А что случилось? — спросил Готовцев с тревожными нотками в голосе.

— Ничего особенного... Надо ночку отсидеться у тебя. Нас трое.

Готовцев оглянулся.

— Что ж, пошли, — нехотя согласился он и повел двоих через проходной двор к небольшому дому с крылечком, стоявшему рядом с полуразрушенным общежитием бывшего сельскохозяйственного техникума. Зашумел дождь — крупный, стремительный, прямой.

У самого крыльца, держа наготове ключ от дверей, Готовцев увидел третьего. Он отделился от темной стены и присоединился к ним.

Готовцев долго не мог попасть ключом в замочную скважину, так тряслись его руки, и наконец отпер дверь.

Первым в дом вошел Заболотный.

37

В начале третьего Туманову в бессознательном состоянии доставили в тюрьму. Два конвоира вытащили ее из арестантской машины и, подхватив на руки, внесли в коридор.

— Фу! — произнес один из конвоиров. — Как будто и не велика птичка, а тяжелая.

— На дворе дождь? — спросил дежурный.

— Такой льет... — ответил конвоир и, взглянув на неподвижную Туманову, заметил: — Чего доброго, богу душу отдаст. Потеха, да и только! Когда туда везли, все воды просила, а сейчас...

Дежурный посмотрел на арестованную. Она лежала на боку, вытянув одну руку, и будто спала. Спекшийся рот ее был слегка приоткрыт. Под глазами лежали густые синие полосы. Платье, пропитанное кровью, прилипло к спине.

Дежурный направился к пожарному крану, снял брезентовый рукав, вытянул его, задрал конец вверх и открыл вентиль. Вода стремительной струей рванулась к потолку. Дежурный направил сильную струю прямо в лицо арестованной, и она мгновенно очнулась. Вода заливала рот, нос, глаза. Девушка пыталась изменить положение, приподнялась на руку, но безжалостный дежурный зашел с другой стороны и продолжал свое дело. Струя снова свалила её.

Конвоиры прыгали, как ребятишки, и хохотали.

— Встать! — свирепым голосом крикнул дежурный и отвел струю в сторону.

Хватаясь за стену, Юля встала и сильно закашлялась. Дежурный закрыл кран и, не собрав шланга, подошел к двери камеры.

— На место! — скомандовал он.

Но Туманова кашляла до конвульсий, выплевывала воду, добравшуюся до легких, и чувствовала, что вот-вот упадет. Ноги почти не держали ее, и голова кружилась.

— На место! — повторил дежурный.

Оттолкнувшись от стены, разведчица сделала шаг, другой и медленно сошла по ступенькам вниз, боясь взглянуть в лицо страшному тюремщику. Едва достигнув койки, она упала на нее и, забыв о боли в спине, вызванной побоями, мгновенно забылась в полусне-полуобмороке.

38

За небольшим квадратным столом, застланным старенькой клеенкой, друг против друга сидели Чернопяттов и Готовцев. Заболотный стоял за спиной Готовцева, Калюжный дежурил в уголке.

Посреди стола тихим огоньком теплилась стеариновая плочка. По стенам двигались большие расплывчатые тени.

Чернопятов писал. Странно было видеть, как мускулистая, неуклюжая на вид рука Чернопятова держала тоненький химический карандаш и старательно выводила мелкие буквы.

История падения Даниила Готовцева была такова. Как-то ночью сорок первого года Заболотный брал воду в колонке, стоявшей наискось от его дома. В это время где-то недалеко прогремел выстрел. Время было тревожное, беспокойное. Оккупанты днем и ночью проводили аресты, обыски, облавы. Показываться ночью на улице без специального пропуска категорически запрещалось. Во избежание неприятностей Заболотный, не успев наполнить ведра, заторопился к дому. На полпути он услышал свистки патрулей, какие-то крики и увидел бегущего человека.

Заболотный быстро, насколько позволяли ему ведра, юркнул во двор и хотел было запереть калитку, но запыхавшийся человек окликнул его:

— Степан!

— Даниил!

Только теперь они разглядели друг друга. Неизвестный оказался Готовцевым.

— Я к тебе... Степан... укрой... скорее... — выговорил он задыхаясь.

— А что с тобой? — с тревогой спросил Заболотный.

— Убил немца!... Сейчас убил!... Скорее, они будут искать!...

— Беги в дом, там открыто, — торопливо сказал Заболотный, — а я запру калитку!

Отдышавшись и придя в себя, Готовцев рассказал, что произошло. Он шел с вокзала, где работал в ночную смену, и нагнал двух людей, шедших впереди. Один был немец — унтер-офицер, а второй — русский, молодой парень. Унтер-офицер, держа в одной руке пистолет, другой толкал парня вперед. Он наносил ему удары по затылку, и тот плакал, как ребенок.

Готовцев не мог перенести этого зрелища, и решение созрело у него мгновенно. Налетев на унтер-офицера сзади, он выхватил из его рук пистолет и выстрелил ему прямо в лицо. Тот упал. Парнишке Готовцев приказал бежать, и в это время услышал свистки патруля, привлеченного выстрелом. Вот и всё.

Слух о расправе с немецким унтер-офицером облетел полгорода. Все поражались смелости неизвестного, дерзнувшего открыто напасть на представителя оккупантов.

Естественно, что Готовцевым заинтересовался и Чернопятов. Заболотный рассказал все, что знал о Готовцеве. Отец его много лет работал поваром и умер за два года до войны. Сестра Готовцева, учительница, жила в Минске. Месяца четыре спустя после убийства немецкого унтер-офицера Чернопятову через Бакланова удалось выяснить, что сестра Готовцева по заданию белорусских партизан устроилась работать в минскую военную комендатуру переводчицей.

Эта маленькая подробность ускорила решение: Чернопятов поручил Заболотному привлечь Готовцева к подпольной работе, на что тот, не колеблясь, согласился. Заболотный представился Готовцеву как доверенный человек партизанского отряда, скрыв свое отношение к подполью.

По договоренности с Чернопятовым было решено использовать Готовцева как хозяина явки. Он мог принимать людей не только дома, но и на работе: в вокзальном ресторане и в офицерском кафе. Дополнительно его решили использовать для сбора разведывательных сведений: он вращался среди гитлеровских солдат и офицеров.

До появления Тумановой явочный пункт Готовцева ни разу не использовался, зато он регулярно сообщал Заболотному сведения о проходивших через город воинских частях, нумерации их, пути следования и вооружении.

Но подпольщики не знали главного: Готовцев с декабря сорок первого года уже состоял агентом гестапо под кличкой Филин. Это выяснилось только сейчас.

Оказывается, унтер-офицер, в которого стрелял Готовцев, не умер. Он выжил и назвал

Готовцева. Обстоятельства дела были вовсе не такими, как об этом раньше рассказывал Готовцев. Унтер-офицер заведовал складами на вокзале, и через Готовцева ему удалось успешно сбить на рынок большую партию похищенных продуктов. Когда пришло время делить куш, унтер-офицер поскаредничал и предложил своему сообщнику ничтожную часть. Готовцев возмутился и пригрозил выдать унтера. Тот решил избавиться от свидетеля. Он дал понять Готовцеву, что просто пошутил, затянул его к себе в конторку, и они выпили. Потом отправились домой к Готовцеву, чтобы обо всем договориться.

На улице унтер-офицер нарочно затеял ссору и вытащил пистолет. Завязалась борьба. Готовцеву удалось повернуть руку противника, и пуля угодила в хозяина пистолета.

Немец на допросе покаялся во всем и был послан в штрафную роту, а Готовцев на шестой день после покушения принял предложение гестапо и стал осведомителем.

Все это, рассказанное им самим и дополненное Заболотным, занес в протокол допроса Чернопятов. Осталось выяснить еще кое-какие подробности.

— А почему ты его не выдал? — и Чернопятов кивнул в сторону Заболотного.

— Клавку пожалел, — ответил Готовцев. — Любит она Степана... Да и я от него ничего худого не видел. В тот раз, когда получилась история с унтером, он все-таки укрыл меня...

— Н-да!... — усмехнулся Чернопятов. — Ты, оказывается, еще не лишен благородства!

Готовцев с досадой пожал плечами. Его раздражало, что эти люди не могут понять самой простой вещи.

— Если бы я сказал о Степане, — объяснил он, — надо было говорить и о себе. А тогда бы они сели на меня верхом и заездили. Штауфер и так попрекает меня, что я плохо работаю!

— Так, допустим, — проговорил Чернопятов. — Теперь объясни нам, как же ты выкрутился перед своим Штауфером, когда выдавал ему девушку, названную твоей сестрой? Что ты ему сказал?

— Я знал, что вы об этом спросите, — усмехнулся Готовцев, вытаскивая из кармана помятый конверт, — я тоже кое-что соображаю. — Он развернул листок бумаги, заполненный печатным шрифтом от руки, и протянул его Чернопятову.

— «Дорогой Даниил Семенович! — прочел вслух Чернопятов. — Выручи ради старой дружбы. Явится к тебе моя дочка, устрой ее где-нибудь около себя. Она девка способная, мастер на все руки и давно просится в город. К тому же она и немецкий неплохо знает. А чтобы не было лишних хлопот перед начальством, она будет представляться твоей сестрой. Постарайся, дружище! Я тебя отблагодарю. Дела у меня идут неплохо. Бургомистр и комендант довольны работой. Переселился на новую квартиру, где раньше жил военком. Приезжай, будешь дорогим гостем. Твой Петр Новожилов. 9 июня 1943 года».

Подпольщики недоумевающе переглянулись, Чернопятов нахмурился, силясь что-то сообразить. Готовцев смотрел на них, не скрывая насмешливой улыбки.

— Это письмо я получил по почте, — он взглянул на конверт, — и в тот же день показал Штауферу.

На конверте были ясно видны печати и даты почтового ведомства.

— Петр Новожилов? — спросил Чернопятов.

— Вот именно, Петр Новожилов, — подтвердил Готовцев, — командир партизанского отряда. А что он был когда-то моим другом, пол-города знает. Три года сряду работали вместе на мебельной: он завстоловой, а я поваром. Я так и сказал Штауферу. Знать, мол, ничего не знаю, получил письмо, а вы уж решайте, как быть. Мое дело маленькое. А объяснять Штауферу, кто такой Новожилов, надобности не было. Эта фамилия ему хорошо известна.

— Выходит, что Новожилов... — начал было Заболотный, но Готовцев не дал ему возможности закончить фразу.

— Ничего не выходит! — отрезал он со свойственной ему напористостью и, обращаясь к Заболотному, добавил: — Это письмо я написал сам и бросил в почтовый ящик через час после того, как ты сказал, что, быть может, придет гостя. Я знал, что рискую, но другого выхода не было. Штауфер поверил. Да и не мог не поверить. Гостя-то все-таки явилась?

Явилась! И я в стороне. Что она там расскажет, это уже не мое дело.

Чернопятов откинулся на спинку стула и пристально смотрел на Готовцева.

— Какой же ты подлец! — тихо произнес он.

— Куда чище! — горько усмехнулся Калюжный. — Не только своих продавал, но и гестаповцам — хозяевам — мозги морочил!

Чернопятов не сводил глаз с Готовцева. Поражало, что в начале беседы предатель дрожал, хныкал, пытался разжалобить, а потом вдруг осмелел, начал рассказывать о своих делах развязно и цинично. Чернопятов записал что-то на листке бумаги и подвинул его Готовцеву.

— Прочти и напиши: «Все со слов моих записано правильно, в перечисленных преступлениях признаю себя виновным».

Вертя карандаш, Готовцев что-то напряженно обдумывал. Его окружали грозные и неумолимые судьбы. Они имели чистую совесть, крепкие руки. К предателям такие руки беспощадны. Это он понимал. Его нижняя губа мелко дрожала.

Судьи ждали.

— Ну? — произнес Чернопятов.

Готовцев откинул липкие волосы, издал какой-то рыдающий звук и приготовился писать. Рука вначале не повиновалась ему. Буквы становились дыбом, насакивали друг на друга. Потом он, видимо, успокоился и обратился к Чернопятову:

— Продиктуйте лучше.

Чернопятов начал диктовать. Готовцев подвинул к себе плошку и... дунул на нее. Язычок пламени сорвался, плошка погасла.

Это было так неожиданно, что в первое мгновение все растерялись.

Тотчас же в кромешной тьме загремел стол, опрокинутый Готовцевым, полетел брошенный им стул. Послышался топот ног, выкрики. Готовцев бросился к дверям, но, получив сильный удар под солнечное сплетение, отскочил в сторону и устремился к окну.

В руке Калюжного вспыхнул ручной фонарь. Луч метнулся в одну сторону, в другую — и остановился на предателе. Бледный, с искаженным злобой лицом, горящими глазами, он прижался всем телом к стене.

— Вот тебе последнее жалованье... Иуда! — раздался глуховатый голос Чернопятова. И грохнул выстрел...

39

Штауфер явился на работу с опозданием на два часа. Войдя в кабинет, он подошел к стенному календарю, оторвал листок и бросил в корзину.

Было чертовски скверное настроение, приступать к работе не хотелось.

Дело Готовцевой остановилось на мертвой точке. Минули сутки, и не удалось узнать даже ее настоящей фамилии, не говоря уже о том, с каким заданием она здесь появилась, кто ее направил.

Она упорно молчала, а если и говорила, то обязательно дерзости. Побои переносила с какой-то безропотностью и потрясающим спокойствием. Штауфер бросил взгляд на кусок шланга, лежащий на подоконнике. Шутка сказать! От одного удара такой штучкой взвыть можно, а она хоть бы вскрикнула. Какой-то фанатик, а не человек!

— Н-да, — протянул он со вздохом. — Дела идут неважно.

А тут еще история с этой злосчастной машиной курьера. Не успел он, придя ночью домой, улечься в постель, как позвонил военный комендант. Оказывается, он провел дополнительную проверку и установил точно, что спецмашина проследовала через деревню Лопухово и таинственно исчезла между нею и городом. Чудеса! Куда же она могла исчезнуть, спрашивается? Не растворилась же в воздухе? Дико и непостижимо! Ведь ехали шесть человек, вооруженные двумя пулеметами, автоматами, пистолетами, гранатами. Целая боевая единица, способная самостоятельно вести бой! Да, но с кем вести бой? Если бы он случился, то остались бы хоть какие-нибудь следы. А то ведь никаких! И что же теперь

делать? Где искать эту машину?

В дверь постучали. Вошел обершарфюрер и, выбросив вперед правую руку, приветствовал шефа:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — рывкнул Штауфер, и это прозвучало так, будто он хотел сказать: «Подите вы к дьяволу!»

Гестаповец подошел поближе к столу и нерешительно кашлянул.

— В чем дело? — с раздражением спросил Штауфер.

Обершарфюрер вобрал в себя воздух, с шумом выпустил его и доложил:

— Минувшей ночью господин Готовцев, под кличкой Филин, покончил жизнь самоубийством...

Короткие брови начальника гестапо медленно поднялись вверх, глаза округлились. Он потихоньку отвалился на спинку кресла и застыл в неподвижной позе с полуоткрытым ртом. Обершарфюрер растерянно переминался с ноги на ногу и колебался: продолжать или выждать.

Он предпочел последнее и, не мигая, смотрел в ошалелые глаза своего начальника.

— Как покончил? — чуть не шепотом спросил Штауфер после нескольких томительных секунд.

Обершарфюрер, рассудив за это время, что он не является виновником события, несколько приободрился и, имея в виду главным образом «как», ответил:

— Vogнал себе пулю в область сердца из пистолета русского образца модель «Г».

Обершарфюрер на всякий случай сделал шаг назад.

Штауфер схватился руками за край стола, точно собирался сдвинуть его с места, и своим визгливым, бабьим голоском вскрикнул:

— Откуда у него пистолет?!

— Не могу знать, господин гауптштурмфюрер! — последовал быстрый ответ.

— Где это произошло? Когда? Откуда и как вы узнали? — посыпались нервные вопросы.

— Произошло это, как я уже вам доложил, на собственной квартире Готовцева и, по всей видимости, ночью или перед утром. Утром жена Готовцева вернулась домой и нашла его мертвым. Она тотчас же заявила в полицию.

— А где была в это время жена? — спросил Штауфер.

— Это тоже выяснено. Жена его работает телефонисткой на городском коммутаторе. До часу ночи она дежурила, а потом пошла в гости к своему родному брату, у которого и осталась ночевать.

— Кто такой ее брат?

— Брат? Брат — парикмахер, отличный мастер и ни в чем предосудительном не замечен. К тому же инвалид.

— Вы были на месте?

— Так точно.

— И почему решили, что тут именно самоубийство?

Этот вопрос не смутил обершарфюрера. Он объяснил:

— По обстановке в комнате, по направлению выстрела, по положению тела...

— А пулю, пулю нашли?

— Да, то есть никак нет! Пуля сидит под левой лопаткой, и при вскрытии ее, наверное, удастся извлечь.

— Где труп?

— В морге городской больницы.

Штауфер шумно вздохнул и, подойдя к окну, уставился отсутствующим взглядом на площадь. Минуту спустя он повернулся, присел на подоконник и сказал:

— Н-да... Странно! Не могу согласиться, чтобы Готовцев сам покончил с собой... Никто не убедит меня в этом. Он трус. Понимаете, трус! А трусы, да будет вам известно, никогда не расстаются с жизнью по высшим соображениям. Это истина, не требующая доказательств.

— Пожалуй, да, — вынужден был согласиться обершарфюрер, хотя в душе был не согласен с теорией шефа и имел на этот счет свое мнение. Но ему хотелось поскорее закончить этот неприятный разговор.

— Соседи у Готовцева были? — поинтересовался Штауфер.

— Так точно! Были и есть! Дом, в котором он проживает, состоит из двух самостоятельных квартир, по две комнаты в каждой. В квартиру Готовцева вход с улицы, а в другую — со двора. Соседка его — пожилая женщина с двумя детьми.

Муж — пивовар, по добровольному желанию выехал в Дрезден и работает там на пивном заводе. Фамилия его Монаков. По картотеке не значится. Я допросил ее. Она была дома. Говорит, что проснулась от какого-то короткого стука, но не может утверждать, что это был именно выстрел. Вот и все.

— Да, именно все! — иронически подчеркнул Штауфер и отпустил подчиненного.

40

На дневном допросе Штауфер почему-то не прибегнул к побоям. Гестаповец в штатском, склонившись над бумагой, добросовестно заносил в протокол все вопросы, задаваемые Штауфером, и терпеливо ожидал ответа. Но напрасно. Арестованная молчала.

Скоро Штауфер ненадолго отлучился. Гестаповец в штатском встал из-за стола и, подойдя к Тумановой, крепко молча пожал ее руку повыше кисти. Взглянув на нее с состраданием, он шепнул:

— Прошу вас, доверьтесь мне! Спасение возможно!...

Разведчица ничего не ответила. Страшная жажда мучила ее. От внутреннего огня мутился рассудок, окружающее воспринималось в каком-то тумане.

Штауфер вернулся. Допрос продолжался недолго. Через час ее отвезли обратно в тюрьму.

Обессиленная, Туманова опустила на койку и уронила голову на руки. Ей хотелось заснуть и не проснуться, чтобы не испытывать этой непереносимой жажды. Но страх, что вдруг она уснет и действительно никогда больше не проснется, заставил ее подняться. Она стала ходить по камере, напряженно думая о гестаповце в штатском. Мучительные раздумья вконец обессилили ее, и она снова бросилась на твердую, как гранит, койку.

Прошедшим утром Туманова твердо решила делать все, чтобы ускорить приход смерти: она откажется от еды, будет вести себя со Штауфером так, чтобы он ее избивал до потери сознания, ляжет спать не на койку, а на ледяной каменный пол. Но теперь, вернувшись с допроса, она думала о другом: жить, бороться! Мучиться, но жить до последней возможности.

Она не отказалась от обеда и съела пересоленную свекольную похлебку и горстку консервированных бобов. Жажда с новой силой охватила ее. Начались кошмары. В мозгу толпились бесформенные мысли, плыли бессвязные картины. Все это жило какое-то мгновение и опять уходило.

Только часам к одиннадцати Юля забылась в тревожном сне. А в два часа ночи дверь открылась, и в камеру вошел только что заступивший на дежурство тюремщик Генрих.

Заклученная спала и что-то бормотала во сне.

Дежурный с несвойственной ему подвижностью быстро спустился по ступенькам и прислушался.

— Мне нужен Чернопяттов... Только Чернопяттов!... Нет, вам я ничего не скажу! — бормотала она.

Дежурный зарычал и своей огромной ладонью шлепнул Туманову по лицу. Она в испуге вскочила, прыгнула с койки и прижалась к сырой стене. Она смотрела на Генриха, сложив руки на груди и пытаясь унять бурное дыхание.

В это время в камеру вошли трое: Штауфер, гестаповец в штатском и обершарфюрер.

Дежурный неуклюже потоптался на месте, хотел было что-то сказать, но Штауфер сделал

движение рукой, и он исчез.

— Буйствуете? — заметил с язвительной усмешкой Штауфер, обводя взглядом камеру.

Разведчица молчала, не сводя с него измученных глаз.

— Ответьте на два вопроса, и я оставлю вас в покое! — продолжал Штауфер. — Сколько вам платят, какой ваш оклад?

Ей захотелось плюнуть в его физиономию, но она была лишена даже этой возможности. Во рту все пересохло, язык распух и еле-еле поворачивался.

— Этот вопрос вас не устраивает? Отлично? Я предложу другой: скажите, дорогая, вы девушка или замужняя? Поверьте, что ни первый, ни второй вопрос не имеют никакого отношения к вашей судьбе. В данном случае вы просто разрешите спор между двумя мужчинами.

Юля молчала. — Что ж, прекрасно! — невозмутимо заметил Штауфер. — И все-таки я хочу заверить вас в присутствии свидетелей, что вы заговорите. Но... молчание и упорство обойдутся вам очень и очень дорого. Колотить я вас больше не буду. Вы привыкли, видно, чтобы вас били. Мы испробуем другое. Да, да! Если до утра вы не объявите через дежурного, что желаете вести откровенный разговор, вас переведут в общую камеру. В мужскую! — Он повернул голову к обершарфюреру: — Сколько их там?

— В шестой? — уточнил тот.

— Ну да!...

— Двадцать семь человек.

— Слышали? — любезно улыбнулся Штауфер. — Двадцать семь молодчиков, давно лишенных женского общества! Дезертиры, мародеры, трусы, симулянты и прочая дрянь, усомнившаяся в непобедимости нашего оружия! Возможно, что с ними вы найдете общий язык.

Туманова внутренне содрогнулась.

— Молчите? Значит, согласны? — И он обратился к гестаповцу в штатском: — Составьте акт, что арестованная согласна.

— Сейчас? — спросил тот.

— Можно и после, а мы пройдем в шестую камеру.

Штауфер вышел вместе с обершарфюрером, а гестаповец в штатском остался. Не успела закрыться дверь за ушедшими, как он вынул из бокового кармана пиджака плоскую алюминиевую флягу, положил ее на койку и сказал:

— Вода. Это вам...

Туманова взглянула ему прямо в глаза.

Тот сказал:

— Плохо, когда человек уже сам ни в кого не верит и лишает веры других. Я знаю, что вы обо мне думаете, но вы жестоко ошибаетесь. Меня привело сюда только чувство восхищения. Я обязан помочь вам...

— Уйдите!... Я вам не верю... — с трудом проговорила Юля.

— Вы сами роете себе... — с грустным укором в голосе начал гестаповец и прервал, не окончив фразы. Дверь открылась, вошел дежурный. — Так вот... решайте сами! — в совершенно другом тоне добавил гестаповец и вышел.

Туманова выждала, пока Генрих навесил засов и запер двери, а потом бросилась к глазку и поглядела в него. Дежурный удалился.

Она торопливо спустилась вниз, схватила флягу и забилась в угол камеры. Дрожащей рукой она отвинтила колпак и сухими, потрескавшимися губами припала к горлышку фляги. Она пила, не отрываясь, пока не почувствовала, что фляга пуста.

— Вода... вода! — шептала она, зарывая флягу в соломенную труху. — А вдруг она отравлена? — Юля задумалась и горько сжала губы. — Ах, если бы так!...

Она уселась на койке, как обычно обхватив колени руками. Сразу стало легче дышать, исчезла палящая боль в груди, прояснились мысли. Будто огромная тяжесть свалилась с плеч.

Перед глазами стоял этот непонятный, загадочный гестаповец. Кто он и чего добивается? Он сказал что-то о восхищении... Просит довериться ему... Тоже непонятно! Ну, допустим, она доверится. Что тогда? Как поступит он? Не может же он, жертвуя собой, спасти ее?

От волнения и нахлынувших мыслей сердце забилось чаще. Юля потерла виски, лоб. Надо хорошенько все обдумать, все взвесить. Главное, спокойно, как бы со стороны.

Почему не рискнуть в ее положении? Что она теряет, решив проверить гестаповца? Как будто ничего.

Если он рассчитывает покорить ее своим великодушием, расположить к себе и, пользуясь этим, вызвать на откровенность, то он ошибается. Никогда и ни при каких условиях нельзя открыть ему, кто она, с какой задачей и кем послана сюда! Никогда!

Девушка задумалась. Много внутренних голосов шептывало ей: «Доверься! Без риска нельзя. Доверься и проверь! А вдруг он в самом деле тот человек, о котором говорил Бакланов?! Вдруг он готов на любую жертву во имя твоего спасения?! Ты же теряешь единственную возможность, единственный шанс! Решается вопрос о жизни и смерти. Действуй, рискуй, время не ждет, ты же разведчица!...»

И только один голос предостерегал: «Не торопись! Риск не всегда себя оправдывает. Один неосторожный шаг может оказаться и последним шагом! Не торопись!»

41

В комнате полковника Бакланова, несмотря на поздний час, царило оживление. Дверь то и дело хлопала, приходили и уходили офицеры штаба и разведотдела, летчики, танкисты, сотрудники армейской газеты. У каждого были свои неотложные вопросы, и их следовало оперативно решить.

Сосредоточенный и хмурый, Бакланов слушал доклад командира одного из батальонов. Это был средних лет человек с темным, загорелым лицом и с совершенно белой головой. Он докладывал о том, что на участке его батальона в заброшенной землянке сегодня была обнаружена немецкая радиостанция. Бакланов слушал комбата и исподволь поглядывал на сидевшего в углу на табуретке капитана Дмитриевского.

Тяжелые мысли теснились в голове полковника. Все говорило о том, что с Юлией Васильевной приключилась какая-то беда. К тревоге командира, ответственного за жизнь подчиненных и успех предпринятой операции, примешивалось и другое. Бакланов, еще не успевший пережить свое личное горе, не мог оставаться равнодушным к горю товарища по войне.

Бакланов опять взглянул на капитана. Тот сидел ссутулившись, опустив руки между коленями, погруженный в раздумье. Две ночи провел он без сна, лежа с открытыми глазами. Мысль его пыталась пробиться через огненное кольцо фронта, за сотни километров, в неизвестный и злополучный городок Горелов, где в какой-то опасности была Юлия.

«Все будет хорошо, дорогой, ты не волнуйся», — припомнил он ее слова при расставании.

Командарм уже приказал перебросить во вражеский тыл для вывозки документов специальную группу, но высказался против посылки с этой группой капитана Дмитриевского. И не потому, что не доверял ему. Капитан слыл опытным разведчиком и смелым офицером. Командарм опасался, зная со слов Бакланова об отношениях между молодыми людьми, что, обеспокоенный за судьбу любимого человека, Дмитриевский может пойти на неоправданный риск и сорвать операцию по вывозке документов.

Бакланов наблюдал за Дмитриевским, слушал комбата и в то же время думал: «Что же случилось с группой Чернопятова, целы ли документы?»

— Какие будут приказания? — спросил его командир батальона.

Бакланов не успел ответить: запищал телефон. Полковник снял трубку.

— Да, да... я!... Что? Везут? Отлично! А почему я должен спать? Всего хорошего.

Он положил трубку и сказал комбату:

— Никаких приказаний пока не будет. Завтра я подъеду сам.

Когда комбат вышел, полковник подошел к Дмитриевскому, положил руку на его плечо и сказал:

— Не надо отчаиваться. Юлия Васильевна — бывалая разведчица, ее не так-то легко обвести вокруг пальца...

— Я об одном вас прошу, — горячо заговорил Андрей, — убедите командующего, что возглавить группу должен именно я! Иначе быть не может!

— Может! — решительно заявил Бакланов. — Война — жестокая штука, дорогой мой. У нее свои законы. Мы не будем сидеть сложа руки и ждать, когда фашисты выпустят такого зверя, как «дракон»! Наше промедление может обойтись Родине очень дорого. Если мы узнаем о «драконе» все, что нам надо знать, раньше, чем он будет выпущен на поля сражения, страна, товарищ капитан, скажет нам большое спасибо. Мы спасем тысячи жизней наших бойцов. Вы понимаете? Тысячи, десятки тысяч! Мы обязаны подготовить «дракону» достойную встречу и сразу выбить ему зубы. Поэтому главная задача группы — вывезти документы.

Дмитриевский встал и твердо произнес:

— Я все отлично понимаю, товарищ гвардии полковник. И до той поры, пока документы не будут отправлены на Большую землю, не предприму ни шага к розыскам Гумановой.

Бакланов внимательно посмотрел в глаза капитану.

— Я вам верю, — произнес он наконец, — верю. И попытаюсь уговорить командующего.

В сенях раздались голоса, послышался топот сапог, осторожный стук в дверь.

— Да! — разрешил Бакланов и круто повернулся.

Двое автоматчиков в запыленных маскхалатах ввели в комнату пленного. Один из бойцов, тот, что помоложе, шагнул вперед, принял положение «смирно» и доложил:

— Товарищ гвардии полковник! Докладывает сержант Гринько! По приказанию...

— Отставить! Вольно, — остановил его Бакланов. — Когда взяли?

— Часа полтора назад.

— Кто?

— Так что я и рядовой Вакулин, — сержант покосился на своего товарища. — Мы возвращались с задания... Ночь и день провели в их тылу. А когда переходили большак, глядь, мотоцикл с прицепом. Завяз в замойне, стрекочет и ни с места. Этот, — он кивнул на пленного, — сидит в коляске, а водитель толкает. Мы прикинули и решили помочь хлопцам. Водитель оказался шибко беспокойным, Вакулину чуть палец не откусил. Мы решили с ним расстаться, а этого доставили в сохранности. Он с перепугу все скулил. Вот документы, товарищ полковник! — и сержант подал Бакланову небольшой пакетик.

Полковник пожал руки автоматчикам, вызвал дежурного, распорядился хорошенько накормить солдат, выдать им подвести граммов водки и уложить спать.

Пленного, еще совсем молодого человека с бледным, перепуганным лицом, усадили против стола.

Он сидел, как истукан, сложив руки на коленях, боясь шевельнуться, повернуть голову, и со страхом ожидал начала допроса.

По цвету его новенького мундира, шевронам и знакам различия нетрудно было догадаться, какой род оружия он представлял.

— Приступим! — обратился Бакланов к Дмитриевскому. — Спросите имя, фамилию и звание.

Пленный вздрогнул, будто его ударили, вскочил и быстро, механическим голосом ответил:

— Obersturmführer SS Отто Мрозек...

— Какой части?

— Никакой. Я еще не успел прибыть в часть. В документах есть предписание. Меня схватили в пути, но я не сопротивлялся, а сам...

Бакланов сдержал улыбку, переглянулся с Дмитриевским и спросил:

— Откуда ехали?

— Из города Горелова, — последовал ответ.

— Горелов!... — это слово заставило насторожиться полковника и вздрогнуть капитана.

— Когда покинули Горелов?

— Утром будет двое суток.

— Чем вы там занимались?

— В течение двух месяцев являлся стажером отделения гестапо.

Так полковник Бакланов и капитан Дмитриевский узнали не только о том, как погиб Костя Голованов, но и о том, в какую беду попала Юлия Васильевна. Obersturmführer оказался тем злосчастливым гестаповцем, которому не удалось взять живьем радиста и который, вопреки строгому приказу начальника гестапо Штауфера, схватил в лесу разведчицу.

42

Чернопятюв и Калюжный нетерпеливо ждали Степана Заболотного. Надо было решать вопрос чрезвычайной важности. Накануне Скиталец через Степана неожиданно сообщил, что есть возможность выволить из рук гестапо посыльную фронта. Он предложил сделать нападение на арестантскую машину, в которой ее доставляют из тюрьмы на допрос.

Это было делом нешуточным.

Чернопятюв и Калюжный сидели на верстаке, свесив ноги, и обдумывали предложение.

Легче было разделаться с машиной курьера, где сидели шесть вооруженных до зубов гитлеровцев. Там был глухой лес. В городе все сложнее. Налет днем исключался. Об этом не стоило и думать. Ночь, конечно, облегчала операцию, но все же оставались почти непреодолимые трудности.

С наступлением темноты в городе начиналось усиленное патрулирование. Патрули, по три-четыре солдата не просто прогуливались по улицам. Они закреплялись за определенными кварталами и были связаны друг с другом целой системой сигналов.

Патрульные группы имели, кроме личного оружия, ракетные пистолеты и свистки. Дежурные на пожарной вышке и на колокольнях трех церквей могли по числу и цвету ракет тотчас узнать, где произошло происшествие и в какой район нужно высылать вооруженный комендантский резерв.

Комендантский резерв из тридцати солдат круглосуточно дежурил в кузовах двух грузовиков. В их распоряжении имелись два мощных рефлектора, установленных на кабинах машин, два ручных и два станковых пулемета, четыре злые, натасканные на травле людей овчарки. На каждой машине резерва стояла сирена, вой которой разносился на полгорода.

По условным сигналам в угрожающий район устремлялся наряд местной полиции, укомплектованный дюжиной предателей, и мчались десять вооруженных до зубов эсэсовцев на мотоциклах. Вся эта немалая и хорошо вооруженная свора, руководимая военным комендантом или его помощником, мгновенно замыкала в прочное кольцо опасную зону и принималась за тщательное прочесывание.

— Хорошо бы поднять ложную панику в другом каком-нибудь месте! — предложил Калюжный. — Отвлечь внимание...

— Слов нет, хорошо, — не возражал Чернопятюв. — Я уже думал об этом.

— И что же?

Чернопятюв усмехнулся и вздохнул.

— Одно «но» мешает. Они же, подлецы, каждую ночь меняют ракетные сигналы.

— Да плевать на эту сигнализацию!

— Не плюнешь, брат. Если железнодорожному участку присвоена, например, белая ракета, то откуда бы ты ее ни пустил, резерв все равно мчится к станции и никуда больше. Они тоже не лыком шиты, кое-что соображают.

Калюжный усмехнулся.

Чернопятюв посмотрел на него.

— Чего ты ухмыляешься? — поинтересовался он.

— Ты меня не понял. Пропади они пропадом, эти ракеты! Я с ними, если помнишь, чуть не влип в прошлом году.

— А что же ты имел в виду?

Калюжный подобрал под себя одну ногу, поудобнее уселся и объяснил:

— Допустим, что в противоположном конце города пожар. Или еще чище: грохнет взрыв. И не один, а два, а то и три! Как ты думаешь, резерв бросят туда?

— Бросят! — твердо сказал Чернопятав.

— Так что же еще требуется?

Теперь усмехнулся Чернопятав и хлопнул своего друга по ноге.

— Очень немногое: знать точно, когда этот взрыв понадобится.

Калюжный нахмурил лоб, силясь что-то сообразить.

— Не понял...

— Что же тут непонятно? Мы не можем заранее знать, в какое время пройдет тюремная машина. Она ведь не по расписанию ходит.

Калюжный почесал затылок и с явным огорчением произнес:

— Ты прав. Я этого не учел...

— Одно ясно, — сказал Чернопятав и хлопнул кулаком по колену, — налет должен быть совершен без единого выстрела, без шума. Если это удастся, успех обеспечен, не удастся, все сорвется.

Чернопятав насторожился, прислушался.

— Стучат! Степан, видно. Удалось ли ему поговорить со Скитальцем?

Оба спрыгнули с верстака, отодвинули койку, сняли ковер и открыли дверь потайного хода.

Вошел Степан.

— Видел? — встретил его вопросом Чернопятав.

— Да!

— Садись, говори! — торопил его Чернопятав.

Заболотный обтер влажное лицо, расстегнул воротник, выпил воды и только после этого стал обстоятельно излагать все, что услышал от Скитальца.

— Машина, на которой ее повезут, нам будет известна.

— Это — главное, — одобрил Калюжный.

— А сколько машин занято перевозкой? — спросил Чернопятав.

— Две машины. Все время две. И насчет конвоя выяснил. В кабинах, кроме водителей, ездят по два автоматчика.

— А маршруты? — поинтересовался Чернопятав.

— Завтра скажет. Примерно он знает, но хочет уточнить. И хочет вас видеть, Григорий Афанасьевич. Говорит, обязательно надо.

— Когда?

— Завтра, сказал, сам зайдет.

Чернопятав кивнул. Немного помолчали.

Затем Калюжный тихо, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— А ведь за мной слежки нет...

— Ну, и?... — как бы подтолкнул его Чернопятав.

— А раз нет слежки, стало быть, никто из нас не мог служить причиной провала Кости. Его запеленговали.

Заболотный посмотрел на Чернопятава. Тот машинально кивнул, думая о своем, и после непродолжительной паузы спросил Калюжного:

— А как дела у Кольцова?

— У Семена всегда хорошо, — ответил Калюжный. — Золото, а не парень.

— Ты говорил ему?

Калюжный тряхнул головой:

— Нет. А ты все-таки решил посылать?

Чернопятов вздохнул и развел руками.

— В том-то и загвоздка, что никак не решусь. И надо посылать, и боюсь. Шуточное ли дело столько протопать! И еще пустым — куда ни шло, а с этими бумажечками — не того... Боюсь, что и их потеряем, и парня загубим... В руках же не понесешь, это тебе не спичечная коробка, придется прятать пакет на груди или под поясом, а коли так, то при первом же обыске парню каюк. Избавиться от пакета, выкинуть его или припрятать не удастся.

Чернопятов умолк, и вновь наступило молчание. Вопрос о том, как поступить с голубым пакетом, оставался нерешенным.

— А что, если податься к Новожилову? — произнес Заболотный. — Все же до партизан ближе, чем до фронта. И не так опасно. И документов особых не потребуется.

— Думал и об этом, — заметил Чернопятов. — Это нам сподручнее. Только искать Новожилова — все равно, что за ветром гоняться. Он же и часу не сидит на месте.

— А знаешь что? — хлопнул себя по колену Калюжный. — Надо послать Никанора Демьяныча Сербина к себе в Лужки.

— Дальше? — спросил Чернопятов.

— Правильно! — воскликнул Заболотный.

— Что правильно? — насторожился Калюжный и, нахмурившись, посмотрел на Степана. — Ты же не знаешь, что я хочу сказать.

Заболотный улыбнулся:

— Догадываюсь.

— Ну, хлопцы, мы собрались сюда не загадки отгадывать, — напомнил друзьям Чернопятов.

— Говорите дело!

— А я что?... — смутился Заболотный. — Я и говорю дело. Я понимаю, к чему клонит Митрофан Федорович. В Лужках, у какой-то старухи, отлеживаются двое раненых новожиловских ребят, и Демьяныч с жинкой подкармливают их. И уж ребята эти лучше нас знают, где искать отряд.

Калюжный покачал головой и, не сдержав улыбки, сказал:

— Ну и гусь ты, Степка, а ведь и в самом деле отгадал.

— А от Демьяныча они таиться не станут, — добавил Заболотный.

— Как смотришь, Григорий Афанасьевич? — спросил Калюжный.

— Толково! — одобрил Чернопятов и обратился к Заболотному: — Завтра же повидай Демьяныча, объясни ему все толком и скажи, чтобы он смотался к себе в Лужки. Понятно? Точка! — он посмотрел на часы. — Скоро два... Давайте поговорим о том, для чего собрались. Потом поспим часок-другой, а утром пойдете по домам. Так лучше. Значит, решаем: идти в открытый бой или не идти. Что ты думаешь, старина?...

43

Четырнадцатого июня в двенадцать дня в тюрьме сменялись дежурные. Коридорного Генриха Гроссе сменял Отто Вольф. Они совсем не походили друг на друга. Маленького роста, худощавый, очень подвижной и разговорчивый, Отто рядом со слоноподобным Генрихом выглядел подростком. На носу Отто сидели очки в металлической оправе: он был близорук, да и не молод уже — за сорок перевалило.

Дежурные пожали друг другу руки, и Генрих угрюмо спросил:

— Как дела?

— Отлично, хуже некуда! — весело ответил Отто и улыбнулся.

Генрих пристально уставился на сменщика своим тяжелым взглядом.

Отто усмехнулся.

— Загипнотизировать хочешь? Так я не гожусь для гипноза! Глаза неподходящие, — пошутил он. — Всех не загипнотизируешь! Теперь многим пора подумать над тем, как

избавиться от кое-какого гипноза...

— То есть? — поинтересовался Генрих.

Отто пожал плечами.

— Ну, например, как избавиться от разлюбезного фюрера и его войн. А?

— Будь я проклят, если ты не кончишь на виселице и если я не помогу тебе в этом! — свирепо произнес Генрих. — Я не о том спрашиваю. Почему твои дела плохи?

— А-а!... — Отто выгнул дугой свою тощую грудь, встал по стойке «смирно» и отрапортовал: — Я понадобился на фронте! — И он высоко поднял указательный палец. — Без меня там дело не выходит! Вызывают на переосвидетельствование.

— Тебя?

— Именно меня, с моими глазами, с моими камнями в печенке. Но я скромн и не хочу отнимать воинскую славу у наших уважаемых генералов. Я могу дать им дельный совет отсюда.

— Болтун! — оборвал его Генрих. — Пойдешь как миленький!

Отто не смутился.

— Как сказать, — философски ответил он. — Желание — великое дело, а у меня его нет. Зато у меня есть свои соображения. Во-первых, там стреляют и, чего доброго, впелят в меня, а это неблагоприятно отразится на моей печенке. Во-вторых, из Вольфов остался я один, а остальные — и все моложе меня — с помощью разлюбезного рейха благополучно отправились на тот свет. Один брат сложил кости во Франции, второй — в Алжире, третий — под Ростовом, четвертый — в Словакии. Я думаю, хватит. Ну, а если они без меня все-таки не могут обойтись и забреют, я знаю, как поступить. Может же из пяти братьев хоть один оказаться чуточку умнее!...

— Язык тебе надо отрезать, шут гороховый! — бросил Генрих. — Вот пойдешь на передовую, там тебе голову прочистят!

— Ты прав... Ты прав... — закивал Отто. — Прочистить следует. За последнее десятилетие так закоптили, что щетка нужна основательная. Один Геббельс чего стоит!

Генрих безнадежно махнул рукой и сказал:

— Пойдем!

Они прошли по одной стороне коридора, заглянули в камеры и пересчитали арестованных.

Прежде чем приступить ко второй стороне, выкурили по сигарете. Потом Генрих подошел к пожарному крану, отпустил вентиль и, когда побежала тоненькой струйкой вода, подставил рот и напился.

Проверив наличие арестованных, оба остановились у столика. Генрих раскрыл книгу рапортов, сделал в ней запись.

— Налицо — пятьдесят шесть, на допросе — двое, в больнице — трое, на кухне — один. Итого: шестьдесят два. Расписывайся!

Вспыхнула электролампа, и зазвонил звонок.

Генрих, не успевший еще передать ключей, открыл дверь и впустил двух конвоиров, втолкнувших в коридор Туманову и секретаря бургомистра, арестованного накануне за похищение нескольких тюков сукна.

— Принимайте дорогих гостей! — доложил один из конвоиров.

Генрих обвел заключенных своим страшным взглядом и отдал команду:

— Руки за спину, собаки! К своим камерам, марш!

Арестованные выполнили команду и зашагали по коридору. Секретарь бургомистра остановился около седьмой, а Туманова у крайней, тринадцатой камеры. Они стали лицом к дверям и ждали, пока их впустят.

Генрих угостил конвоиров сигаретами, и те закурили.

— Сдал? — спросил один из конвоиров, обращаясь к Генриху.

— Вроде...

— Когда снова заступать? — поинтересовался конвоир.

— Завтра в это время.

— Есть предложение, — конвоир подмигнул, — зайти в клуб промочить глотку.
Генрих молчал, тупо разглядывая свои растопыренные пальцы.
— А чего тут смотреть? — заметил Отто. — Пей, пока пьется. А то вызовут на переосвидетельствование, тогда будет поздно.
— Пойдем, — без особого желания согласился Генрих.
— Гляди! — вдруг сказал второй конвоир, показывая в конец коридора.
Все повернули головы: Туманова, припав губами к пожарному крану, пила воду.
— Ну и пусть себе пьет, — махнул рукой Отто. — Всю не выпьет, останется и на случай пожара.
Генрих окинул его грозным взглядом, помедлил, как всегда, и громко крикнул:
— Эй, падаль!
Девушка быстро отпрянула и стала лицом к двери камеры.
— Усади эту куклу! — бросил Генрих и подал сменщику связку ключей. — Пошли! Пить так пить! — предложил он конвоирам.

44

Дверь камеры с треском захлопнулась за Тумановой. Она присела на краешек койки. Да, она поступила рискованно, воспользовавшись неплотно закрытым пожарным краном, но зато как освежили и подкрепили ее эти несколько глотков воды! Счастье, что мрачный дежурный был не один, иначе не миновать бы беды, он не простил бы подобной вольности. А рука у него тяжелая... Бог знает, сколько людей отправил на тот свет его кулак! Только чей-то запрет, видно, мешает этому Генриху расправиться и с ней.

Снова вернулись неотступные мысли: скоро ли развязка?

Штауфер вызывал ее на допрос сегодня рано утром и все время бушевал, грозил. Он кричал, что она проклянет день своего рождения, приводил цитату, якобы библейскую, что и псу живому легче, нежели мертвому льву, и, наконец, предупредил, что в свою камеру она больше не вернется, так как ее с нетерпением ожидает общая солдатская камера.

Но она вернулась. И теперь со страхом ждала, когда за ней придут.

Лучше смерть! И сил у нее для этого хватит, и как позвать смерть — она тоже знает. Руки и ноги свободны, а это главное.

Юля хотела было прилечь на койку, но неожиданно загремел засов. Сердце ее упало, во рту сразу пересохло.

Тяжелая дверь распахнулась, и коридорный впустил в камеру гестаповца в штатском. Он нетерпеливо махнул рукой; коридорный поспешно прикрыл дверь.

Гестаповец постоял у порога, пристально глядя на Туманову, затем медленно спустился по ступенькам вниз и вынул из кармана флягу.

— Где пустая? — спросил он тихо.

Юля показала глазами на койку.

Гестаповец порылся в соломенной трухе, нашел порожнюю флягу, спрятал в карман, а на ее место положил принесенную.

— Я сделал так, что вы останетесь в этой камере, — просто сказал он.

Чуть слышный вздох слетел с губ Тумановой, и она облегченно провела рукой по влажному лбу, будто снимая с себя что-то очень страшное.

— Ну, как... решились вы? — продолжал гестаповец и укоризненно посмотрел на нее. — Я понимаю... вас пугает моя служба, мое положение. Но именно это и поможет нам. Я уже говорил, что ваша участь мне не безразлична. Почему вы упорствуете? Не вся Германия состоит из подлецов и нацистов...

Юля вслушивалась в каждое слово гестаповца, всматривалась в его лицо, ловила нотки искренности в его словах.

— В Германии вы можете встретить сотни честных, по-настоящему честных людей...

— Сотни? — зло усмехнулась Туманова. — Не так уж богато...

Гестаповец покачал головой:

— Вы ловите меня на слове. Возможно, я не так выразился.

— Кто вы? — вырвалось вдруг у Юли. — Скажите прямо.

Гестаповец приподнял свои красивые густые брови, и легкая улыбка тронула его губы.

— Все, что я могу сказать о себе, так это то, что зовут меня Роберт Герц, что я обыкновенный стажер гестапо. О том же, кем я был раньше, почему и как попал сюда, говорить не имею права. Это не моя тайна. Во всяком случае, я не друг Гитлера и не поклонник его идей. Со мной здесь считаются, я занимаю известное привилегированное положение. Это тоже имеет свою историю, свои причины...

— Что вам нужно от меня?

— От вас — ничего. Но для вас — я должен...

— Прониклись жалостью?

— Если хотите, да...

Разведчица усмехнулась. Голос осторожности предостерегал: будь начеку!

— Чего же вы все-таки добиваетесь? — спросила она.

— Вашего доверия.

— Допустим. А дальше?

— Я спасу вас. Вы будете свободны.

Противоречивые мысли Тумановой молниеносно менялись. Мелькнуло: «Все-таки это он... Тот самый человек, связанный с Чернопятовым». И следом за этим: «Провокация! Дьявольская, тонкая провокация! Как он, простой стажер, может вырвать человека из камеры, из лап гестапо?» Но сомнения снова вытесняла надежда, кружила голову, звала, обещала свободу, жизнь, возвращение к друзьям.

Чувствуя, как на щеках проступает нервный румянец и пылает лицо, Юля, призвав на помощь всю свою выдержку, сказала внешне спокойно:

— Хорошо. Я согласна. Доверюсь вам. Но говорите сразу: какой ценой? Чем я или мои друзья должны отплатить вам?

Герц нахмурился, его красивое лицо мгновенно изменилось и стало жестким, даже каким-то хищным.

— Повторяю, — твердо сказал он. — Никакой платы ни от вас, ни от ваших друзей я не требую. Вы можете меня ненавидеть, но что дает вам право оскорблять меня?

Юля смутилась. Охваченная волнением, она прижала руку к груди и искренне сказала:

— Простите... Я не хотела вас обидеть.

Лицо Герца просветлело.

— Значит?

— Я согласна!...

— Больше мне ничего не нужно. Я заставлю вас изменить свое мнение о многих немцах. И, кстати, докажу, на что способен...

Дверь приоткрылась, и показалась голова дежурного.

— Что? — спросил Герц.

— Обед... — ответил тот.

Герц вопросительно взглянул на Туманову.

— Да, да... буду... я очень хочу есть, — сказала она неожиданно.

Герц сдержал улыбку и вышел из камеры.

45

Тюремный надзиратель Генрих Гроссе вышел из солдатского казино и задержался на ступеньках. Он стряхнул со своего мундира хлебные крошки, поковырял в зубах, а потом медленной походкой, вразвалку зашагал по тротуару.

С лицом, покрасневшим от изрядной дозы пива, Гроссе стал на вид еще свирепее. Генрих шел, глядя себе под ноги, казалось, ничего не замечая, но стоило только появиться впереди офицеру, как он мгновенно разворачивал плечи, подтягивался, выпячивал широкую грудь и, пожирая глазами старшего, лихо козырял, чеканя шаг.

Возле городской бани Генрих остановился, похлопал по своим карманам, поглядел на вывеску Чернопятова и, мурлыча себе что-то под нос, начал спускаться по ступенькам в котельную.

Чернопятов с напильником в руке возился у тисков и, увидя Генриха, оторвался от работы.

Гроссе подошел к нему вплотную, осмотрел его своими тяжелыми, мутноватыми глазами и начал рыться в карманах. Делал он это не спеша, со свойственной ему медлительностью, и наконец извлек зажигалку, огромную зажигалку, изготовленную из крупнокалиберного пулеметного патрона. Он повертел ее в руке, подал Чернопятову и угрюмо сказал на неплохом русском языке:

— Капут... Сломалась... чинить надо.

— Ладно, господин унтер-офицер, — отозвался Чернопятов. — Не такие штучки починяем, — и, подтолкнув мрачному клиенту пустой ящик, тихо пригласил: — Садись, Генрих! Ты что, уже? — Чернопятов щелкнул себя по горлу.

— Есть маленько, — признался Генрих. — Нельзя было отказаться.

— А с кем?

— Конвоиры затащили. Пришлось раздавить пару бутылок...

— А-а-а... — многозначительно протянул Чернопятов и стал разбирать зажигалку. Он вынул из нее ватку, фитиль, пружину, кремь, снял колесико и разложил все это на куске газеты.

Генрих сидел, опершись локтем на одно колено, и вздыхал. В это время в котельную донеслись частые завывания сирены и хлопанье зениток. Генрих поднял голову и взглянул на Чернопятова. Тот вскинул брови.

— Никак, тревога?

Чернопятов неопределенно пожал плечами:

— Что-то вроде этого... Пойдем поглядим?

Генрих утвердительно кивнул.

Они выбрались наружу. По мостовой промчалась пожарная машина, потянув за собой хвост пыли. По тротуарам в ближайшее бомбоубежище бежали горожане, волоча за руки детей.

На станции, захлебываясь, заливались паровозные гудки.

Запрокинув головы и прикрыв глаза от солнца ладонями, Чернопятов и Генрих всматривались в высокое небо. Вначале они ничего не увидели и лишь немного спустя в разрыве облаков заметили маленькую серебристую, сияющую в лучах солнца точку. Вокруг нее, подобно облачкам, вспыхивали и таяли разрывы зенитных снарядов.

Самолет шел не по прямой, а делал большие круги и снижался. Вон он уже появился под облаками.

— Видать, разведчик, — заметил Чернопятов.

— Не иначе.

— А здорово лупят!

Генрих отозвался с усмешкой:

— Ему хоть бы что. Смотри, опять заходит. В третий раз.

— Что-то ищет? — сказал Чернопятов.

— Ему сверху виднее...

Сирены перестали завывать, но зенитки яростно стреляли и стреляли.

— Как бы не сбили, — тихонько высказал опасение Чернопятов.

— Не похоже, — возразил Генрих. — Видать, мастер. И смотри, до чего же смелый. Еще ниже спустился.

Самолет описал четвертый круг над городом, сразу взмыл, нырнул в облака и исчез.

— Лови ветра в поле, — заметил довольный Чернопятов.

— Ас... — добавил Генрих.

Зенитки умолкли, точно по команде, и стало так тихо, что до слуха дошел тоненький, как шмелиное гудение, звон удалявшегося самолета.

Чернопятов и Генрих вернулись в котельную.

Генрих уселся на кровать, расстегнул ворот мундира, врезавшийся в его мощную шею, и энергично покрутил головой. Потом он с силой рванул борт мундира. Одна пуговица отлетела и завертелась на каменном полу.

Чернопятов легонько придавил ее ногой и посмотрел на Генриха:

— Ты что?

Генрих не ответил. Он тупо смотрел на носки своих огромных, грубых ботинок, и его толстые губы беззвучно шевелились.

— Опять хандра? — уже догадываясь в чем дело, спросил Чернопятов.

— Не могу я больше, Григорий, — с тоской проговорил Генрих. — Понимаешь, не могу! Сил нет. Боюсь, что ни сердце, ни мозг не выдержат, — и он снова начал беспокойно теребить борт мундира. — Осточертела мне эта шкура.

— Успокойся, Генрих, не распускайся, — задушевно сказал Чернопятов.

— Хорошо тебе говорить, — покачал головой Генрих. — А побыл бы ты на моем месте...

— Каждый нужен на своем месте, — возразил Чернопятов. — Никто другой на твоем месте не смог бы сделать для нашего дела столько, сколько сделал ты.

— Сегодня перед рассветом, — продолжал Генрих, — во дворе тюрьмы опять расстреляли шестерых. И я стоял тут же, смотрел. Должен был стоять... Все шестеро из моего коридора. Одному лет под семьдесят. За что их расстреляли? Это — самое страшное. Трех докалывали штыками. У меня перед глазами туман стоял. Готов был броситься на палачей, на этих тупых идиотов, душить, топтать их, — он с силой сжал здоровенные кулаки и скрипнул зубами. — Они сами звери и из меня сделают зверя. А та женщина, что я тебе говорил, мать двух партизан, — повесилась. Вчера повесилась... А ты говоришь, успокойся...

Чернопятов вздохнул. Он понимал Генриха, но не в силах был помочь ему.

— Что же делать, дружище? — тепло сказал он. — Надо терпеть.

— Терпеть... — повторил Генрих и горько усмехнулся. — Терпение, конечно, тренирует характер, но если слишком долго терпеть, человек может стать тряпкой. Я видел сам в концлагере...

Чернопятов промолчал. В душе он был согласен с Генрихом.

— А ты знаешь, как тяжело жить, — продолжал тот, — когда честные люди считают тебя подлецом. Ну как могут думать обо мне заключенные? Зверь! Скотина! Чудовище! Не иначе... А ко всему этому отец с матерью наделили меня такой внешностью, что на кого ни взгляну, — трясется. И иной раз хочется крикнуть во всю глотку: «Я же не тот, за кого вы меня принимаете!» А приходится молчать. Ты советуешь терпеть. Но это же пытка! Вот хотя бы эта Валя Готовцева, или как ее в самом деле? Одним видом своим я внушаю ей ужас, отвращение. Она убеждена, что я изверг, палач. Да и почему она должна думать другое? Почему? А я как увижу ее, так готов разреветься. Я ее при первой встрече толкнул. И не рассчитал. Упала она. А не толкни я, ее бы конвоир автоматом ударил. И еще как бы ударил! Или с водой... Я окатил ее из пожарного рукава. А разве она догадается, почему? Ей же запретили давать воду, выводить к раковине, кормят пересоленной едой, а тут она наглotalась воды на добрые сутки. А вчера по физиономии ей залепил. Да, залепил! А что было делать? Гестаповцы пришли с обходом. Рыщут по камерам. А меня будто кто толкнул: впустил их в четырнадцатую, а сам к ней, в тринадцатую. Захожу — спит. Слышу, бормочет во сне, твою фамилию называет. У меня сердце зашло. Не знаю, что делать... Поднял руку и хлопнул ее. Она как вскочит, как крикнет — и они тут как тут. Сразу трое. Вот, брат, какие дела! Зато сегодня я ее угостил, — и Генрих неожиданно весело ухмыльнулся. — Оставил не привернутым пожарный кран, вода сочится... Когда привели ее с допроса, я завел болтовню с конвоирами. А она присосалась к крану, пьет. Я смотрю одним глазком, но молчу...

Чернопятов подошел к Генриху, пожал его руку выше локтя.

— Ах, Григорий, Григорий, — продолжал тот. — Поверишь, как бы хотелось мне зайти в камеру, сесть с ней рядом, обнять, сказать что-нибудь ласковое. Ведь у меня такая же дочка... Клара... Хорошая дочка. Посидел бы с ней рядом, рассказал бы ей, кто я, что за человек. Подбодрил бы. Сказал бы, что мы думаем о ней день и ночь. Показал бы ей вот эти мои руки. Эх!...

Генрих замолчал, а потом уже другим, деловым тоном сообщил:

— Фамилия моего сменщика — Вольф. Отто Вольф. Запомни. Хороший человек. Живет в крайнем доме у кладбища, на квартире у сапожника. Если его не забреют на фронт, организуйте встречу с ним, обязательно.

— Хорошо, — заметил Чернопятов. — Что ты еще можешь мне сказать?

— Еще вот что. Маршрут узнал: в какой машине повезут, скажет мне сменщик. Охраняют машину два автоматчика. Но не это главное. Главное — устроить все сегодня в ночь.

— Сегодня? — переспросил Чернопятов и задумался. — Почему?

— Я свободен. Если будет нужна моя помощь...

— Понятно... понятно... — произнес Чернопятов, поглаживая небритую щеку и прикидывая что-то в уме. — Что ж... попытаемся сегодня.

Генрих встал. Застегнул воротник мундира.

— Договорились.

— Где будешь вечером? — поинтересовался Чернопятов.

— Степан знает, — ответил Генрих. — Я пошел... А зажигалка пусть полежит, — и что-то вроде улыбки пробежало по его мрачному лицу.

Генрих Гроссе шагал домой.

Немец по рождению, антифашист по убеждениям, отличный механик по профессии, он своей жизнью как бы отразил судьбу большой, лучшей части немецкого народа в труднейшую эпоху его существования.

Генрих родился в большой семье потомственного металлиста заводов Круппа. Среди его заводских товарищей в Эссене, где он начал работать учеником, были люди разных взглядов, разных политических направлений. Были аккуратные и благонравные правые социал-демократы, противники последовательной революционной борьбы с капитализмом; были сторонники пламенного Карла Либкнехта, революционеры, верящие в силу рабочего класса и его победу; были постные христианские социалисты, пытавшиеся примирить непримиримое... В бурных спорах, в боевых выступлениях в дни забастовок ковалось сознание честного немецкого юноши Генриха Гроссе.

В 1914 году, когда германский милитаризм развязал Первую мировую войну, Генрих оказался на русском фронте. Лжепатриотический, шовинистический угар и ему вскружил голову: видимо, его рабочая закалка была недостаточной. Он думал, что идет защищать родину. Но заблуждение длилось недолго, ужасы войны заставили его задуматься над ее бессмысленностью. Слова многих товарищей по заводу и пламенные призывы Либкнехта предстали перед ним в новом свете.

Он хорошо помнит волнующие, радостные дни братания с русскими революционными солдатами в 1917 году. Здесь, в окопах, он понял, что у немецкого рабочего и солдата одна судьба, одни интересы и желания с русскими рабочими и солдатами. И когда кайзеровская армия в 1918 году бросилась на молодую Советскую республику, он перешел на сторону Красной армии. Всю Гражданскую войну Генрих провел на фронтах, бился против белогвардейцев и интервентов и в начале двадцатых годов вернулся на родину. Тяжело было дома: инфляция, безработица, нужда... Побитые кайзеровские генералы и офицеры при поддержке королей пушек снова подняли головы. Как грибы, стали плодиться различные фашистские организации. Единственной силой, которая противостояла фашизму и разоблачала его, была Коммунистическая партия Германии.

Генрих Гроссе по мере усиления разгула нацистов, разгрома рабочих организаций, еврейских

погромов становился все более убежденным антифашистом. Он неоднократно с оружием в руках участвовал в боевой защите рабочих собраний от банд гитлеровских штурмовиков и эсэсовцев.

Когда Гитлер захватил власть и Германия превратилась в нацистскую тюрьму, Генрих Гроссе, работавший на заводе, вошел в связь с товарищами и стал участником подпольной коммунистической группы. В 1941 году его мобилизовали и отправили на восточный фронт. Но даже не начав воевать, он был тяжело ранен. Еще до первого боя его часть подверглась воздушному налету русских. Генрих очнулся в госпитале. Его четыре месяца латали и чинили, а затем, как непригодного для фронта, прикомандировали к концентрационному лагерю под Гореловом. Он стал очевидцем зверств, творимых фашистами на оккупированной территории. Он твердо решил помогать русским в их борьбе против гитлеризма. В памяти Генриха живо вставали слова вождя Германской компартии Эрнста Тельмана: «Гитлер — это война! Поэтому — долой Гитлера, долой фашизм во имя блага своей Родины и всего человечества!»

Работая шофером на лесозаготовках, он возил советских пленных и в одной из партий заметил офицера, который, несмотря на раны, истощение и слабость, проявлял удивительную силу духа, подбадривая и поддерживая других. Звали его, как потом узнал Генрих, Найденовым.

Как-то в феврале сорок второго года Генрих гнал из леса к станции Горелов свой трехосный грузовик с прицепом, груженный девятиметровыми сосновыми бревнами. Груз сопровождали шесть военнопленных, в их числе и Найденов. Генрих посадил Найденова в кабину. Остальные вместе с охранником расположились на бревнах в кузове машины.

За долгие часы завьюженного пути Генрих узнал историю советского офицера, попавшего в плен тяжело раненным. Найденов оказался уральцем, работал в Златоусте, в Челябинске — в тех местах, где когда-то Генрих сражался за молодую Советскую республику.

Генрих и Найденов отлично поняли друг друга, поверили друг другу.

Это произошло в феврале, а в апреле грузовик Генриха с пятью военнопленными, охранником и овчаркой, посланный на дальнюю вырубку, не вернулся к обеду. Под вечер на розыски его отправился начальник охраны во главе своей команды. В лесу они нашли привязанными к соснам охранника, шофера грузовика Генриха Гроссе и овчарку, а машина и пять пленных, среди которых был и Найденов, исчезли.

Великодушие Найденова и его друзей, даровавших жизнь охраннику, объяснялось просто.

Убив охранника, они поставили бы под удар Генриха, а Генрих был инициатором, организатором и душой побега.

Розыски ничего не дали.

Позже, когда расформировали лагерь и Генрих был назначен в тюремную охрану, к нему на квартиру явился неизвестный, оказавшийся впоследствии Черноголовым, назвал его Скитальцем и передал привет от старого знакомого. Генрих улыбнулся и подумал: «Ну, за Найденова теперь можно быть спокойным. Добрался...»

46

Косые лучи заходящего солнца перебегали через рабочий стол полковника Бакланова и светились на бревнах противоположной стены. Бакланов сидел на койке и деревянной ложкой доедал из стоявшего на табуретке котелка остатки гуляша.

Запищал один из полевых телефонов. По звуку можно было определить, что это аппарат, соединяющий с командующим.

Бакланов быстро подошел, повернул ручку и снял трубку.

— Так точно... Состав группы Дмитриевского? Могу перечислять. Лейтенант Назаров, радистка Прохорова и проводник с овчаркой. Что? Совершенно точно: Дмитриевский четвертый. Так... так. Когда прикажете привезти их? Слушаюсь.

Полковник положил трубку и довольно улыбнулся. Нелегко ему было убедить

командующего в целесообразности посылки во главе группы капитана Дмитриевского. Но все же убедил.

Андрей ожил. Он стал энергично готовиться к вылету: отбирал и проверял оружие, боеприпасы, питание для радиостанции, медикаменты, запас продуктов.

Его интересовало, как работает овчарка, как слушает своего проводника, прикомандированного из войск МВД. Было проведено практическое занятие, совершен пробный спуск собаки с парашютом.

Наблюдая за кипучей деятельностью капитана, Бакланов радовался. Он не замечал ни суматохи, ни горячки. Все делалось быстро, толково и организованно.

Бакланов взглянул на часы и хотел было послать своего ординарца за капитаном, но тот, неизменный в своей аккуратности, явился сам минута в минуту.

— Как дела? — поинтересовался Бакланов.

— Нормально, товарищ гвардии полковник.

— Садитесь, курите и слушайте. В двадцать два ноль-ноль вашу группу примет командующий и будет беседовать с людьми.

— Ясно, — ответил Дмитриевский, подсаживаясь к столу.

Бакланов отодвинул в сторону бумаги и книги и разложил карту.

— Помните, о чем сообщал Чернопятов в предпоследней телеграмме? — спросил он.

— Примерно. Что-то о новом вражеском аэродроме.

— Вот-вот. Сегодня над Гореловом летал наш разведчик, — Бакланов разгладил карту ребром ладони, приподнялся и склонился над ней. — Он блестяще провел аэрофотосъемку. Данные Чернопятова подтвердились. Вот здесь (он показал острием карандаша) они соорудили ложный аэродром. На нем насчитывается около сорока фанерных макетов самолетов. А тут вот (острие карандаша перебралось налево) скрывается настоящий аэродром. К нему тянут узкоколейку. Это очень интересно. Пути на станции Горелов забиты составами...

Дмитриевский с должным вниманием слушал своего начальника, но не понимал, какое отношение данные воздушной разведки имеют к поставленной перед ним задаче.

Бакланов догадывался об этом, но не хотел начинать разговора с конца.

— Ясно? — спросил он.

Дмитриевский кивнул, но взгляд его выражал недоумение.

— Командующий приказал, — продолжал Бакланов, — приурочить выброску вашей группы к моменту серьезной обработки с воздуха гореловского аэродрома и железнодорожного узла. Совместить, так сказать, два полезных дела: под грохот бомбежки, в общей суматохе ваша выброска пройдет незамеченной.

Дмитриевский вскочил.

— Чудесно! Это лучшее, о чем можно мечтать! — воскликнул он. — Вы знаете, как я теперь поступлю?

— Догадываюсь.

— Я прыгну первый, а люди будут приземляться на мои сигналы. Группа сконцентрируется в одном месте.

— Хорошо, — заключил полковник. — В вашем распоряжении, вернее, в распоряжении пилота, будет достаточно времени, чтобы сделать не один, а несколько заходов на выброску. — Совершенно верно.

— И немцы вряд ли помешают. Им будет не до вас. Командующий посылает одиннадцать боевых машин. Они там устроят такой «сабантуй»!...

— Представляю!

— А теперь к делу. Где вы намерены приземлиться?

Капитан потянулся к карте, всмотрелся и показал на контуры большой поляны в лесном массиве. Бакланов побарабанил пальцами.

— Там, где опустилась Юлия Васильевна? Отставить! Не годится. Проторенные дороги не всегда приводят к цели. Что вы теряете, если приземлитесь вот здесь, в пяти километрах

южнее?

Дмитриевский, не отрывая глаз от карты, помедлив, согласился.

— Решено. Ваши дальнейшие действия?

Капитан начал докладывать:

— Как только соберу группу, радирую вам, а действовать начну с утра. Подыщу понадежнее место для базирования группы, для приема самолета, потом проверю подходы к городу. По моим расчетам, на это уйдет весь завтрашний день. К вечеру попытаюсь пробраться в город.

— План хорош, — одобрил Бакланов. — Но подумайте вот над чем: нельзя ли, прежде чем идти в город, захватить «языка»? Хотя бы из местных. Через него надо точнее определить обстановку в городе. Сделать это не так уж сложно. Шоссе не охраняется, движение по нему редкое. Но, — он поднял палец, — «языка» не отпускать от себя до конца операции.

— Понимаю!

— Дальше?

— Попытаюсь связаться с Готовцевым.

— Отставить! — сердито возразил Бакланов и хлопнул ладонью по столу. — Здесь особенно нельзя повторяться. На Готовцева шла Юлия Васильевна... Пусть Готовцев даже благополучен — неважно. Идите на Чернопятова.

— Слушаюсь...

— Особенно внимательны будьте в лесу. Сигнал тревоги Юлия Васильевна дала из леса. Не исключено, что гитлеровцы оплели его засадами, секретами. А может быть, где-нибудь поблизости от ее высадки расположена секретная резиденция, или офицерская школа, или склады. Все может быть. И никакой горячки, никакой спешки. Понятно?

— Так точно.

Бакланов вышел из-за стола.

— Теперь пойдете потолкуем с вашими людьми...

47

Тюрьма находилась в северо-западной части города, в самом конце жилых кварталов, против бывшего лесоторгового склада. За тюремной стеной лежал пустырь, а еще дальше, на бывшем опытном поле, стояла зенитная батарея.

Два тюремных корпуса, расположенных параллельно друг другу и обезображенных маскировочным камуфляжем, едва выделялись на фоне звездного неба. Территорию тюрьмы окружала пятиметровая кирпичная стена, усыпанная поверху осколками стекла и обнесенная колючей проволокой. По углам высились сторожевые вышки с прожекторами.

В одиннадцать часов вечера во дворе тюрьмы коротко рявкнул глухой сигнал автосирены. Тяжелые железные ворота медленно раскрылись. Мигнув прорезями замаскированных фар, две арестантские машины выкатились со двора и помчались в город.

Расстояние от тюрьмы до гестапо не превышало трех километров. Через пятнадцать минут машины появились на центральной городской площади, пересекли ее и замерли около серого каменного здания.

Часовой у дверей нажал кнопку звонка в стене. Ворота тотчас распахнулись, впустили машины во двор и закрылись.

Автоматчики окружили машины и, когда конвоиры отворили дверцы кузовов, стали выкликать арестованных по фамилиям.

Первой вызвали Готовцеву. Юля быстро прыгнула на землю, жадно вдохнула ночной воздух, взглянула на тихое черное небо, усыпанное звездами, и, забросив руки за спину, направилась в помещение.

После утреннего разговора с Герцем противоречивые мысли все еще волновали ее. Поступок Герца казался ей неестественным. Даже если он действительно антифашист, если он связан с немецким или партизанским подпольем, он не может ставить на карту свое положение и свою жизнь ради одной русской девушки, о которой ему почти ничего неизвестно. Он не

должен пойти на такую опасную авантюру, не имея представления о важности ее боевого задания. Ведь он ни словом, ни намеком не дал понять, что знает о цели ее приезда в город. А если так, то ради чего он ставит себя под удар? К чему клонится его затея? Что он предпримет теперь, получив ее согласие?

— Стоп! — скомандовал часовой, и Юля вздрогнула. — Лицом к стене.

Она повиновалась.

Автоматчик откашлялся, подтянулся и постучал в массивную дверь.

48

В одиннадцать часов десять минут ночи взревели моторы самолета. Группа Дмитриевского поднялась в воздух. Сделав круг над аэродромом, самолет лег на боевой курс и вскоре скрылся во мраке. Бакланов проводил его взглядом, закурил и обратился к командиру авиаполка:

— Скоро?

Командир взглянул на часы со светящимся циферблатом и ответил:

— Минут через пятнадцать.

— Подожду, — решил Бакланов, и они вдвоем стали прогуливаться по полю.

Аэродром, укрытый ночной тьмой, оживал. То там, то здесь возникал рокот моторов, и вскоре все слилось в единый тяжелый гул, от которого подрагивала земля.

— Сейчас бомбардировщики пойдут, — сказал комполка.

Над аэродромом взмыла синяя длиннохвостая ракета, осветила все вокруг на короткий миг и, рассыпавшись на мельчайшие звездочки, угасла. Первая приземистая машина, пригибая траву, пронеслась мимо, за ней вторая и через равные промежутки времени — остальные девять. От гула звенело в ушах. Потом он стал ослабевать, растворяться в ночи.

— Ни пуха ни пера, — сказал комполка и вторично посмотрел на часы. — Минута в минуту...

49

— Вы не представляете, как мы можем быть щедры, — говорил Штауфер сидевшей против него Тумановой. — И вы не пожалеете. Ведь наша жизнь в конце концов сводится к удовлетворению потребностей. И глупо было бы оспаривать это. Мы лишили вас на короткое время того, к чему вы привыкли. И смотрите, что получилось! Вы неузнаваемо изменились. Уже не тот нежный цвет лица, не те глаза; они у вас запали, в них появились тоска, страх, ваш подбородок подался немного вперед. А ногти! Обратите внимание на свои ногти! А они, видно, знали маникюр. Но стоит с завтрашнего дня предоставить вам ванну, парикмахера, набитый платьями гардероб, духи, крем, отличную еду — и вы снова расцветете. Я скажу вам старую, избитую истину: мы живем только раз... Не так ли?

Туманова молчала.

— Как плохо воспитаны русские! — с деланным огорчением произнес Штауфер. — Просто поражаюсь. С ними обращаешься вежливо, корректно, предупредительно, а они молчат...

Штауфер закурил, глубоко затянулся и, приблизившись к девушке, пустил густую струю дыма ей в лицо.

— Хам! — коротко и тихо сказала она.

Штауфер сделал вид, что не расслышал, однако уже не повторил «шутки». Он не хотел раздражать арестованную, руководствуясь при этом своими соображениями, и быстро переключился на другую тему:

— Ну-с... Могу вас огорчить. Ваш «братец» Готовцев только что сообщил, зачем вы пожаловали в Горелов...

Туманова внутренне содрогнулась, но Штауфер внезапно замолк и вытянул шею,

прислушиваясь к чему-то. Из глубины ночи донесся нарастающий гул. Штауфер и Герц переглянулись. И в это время в городе завывала сирена, яростно захлопали зенитки. Не прошло и минуты, как землю потряс первый бомбовый удар, следом за ним второй, третий.

Дверь распахнулась без стука. В кабинет ворвался запыхавшийся обершарфюрер.

— Русские бомбят аэродром и железнодорожный узел! — выпалил он.

Штауфер и Герц не шелохнулись.

— Конвоиров сюда! — спокойным голосом приказал Штауфер.

Не удосужившись повторить полученное приказание, обершарфюрер исчез.

Страшный грохот раздался совсем рядом, на площади. Здание гестапо закрипело, застонало, содрогнулось. Взрывная волна тугим, горячим вихрем распахнула окно, сорвала маскировку, ворвалась в комнату, раскрыла настежь двери. С потолка и стен посыпалась штукатурка. Сифон с газированной водой покачался на тумбочке, свалился на пол и разбился. Разложенные на столе бумаги вспорхнули беспорядочной стаей и разлетелись по комнате.

Штауфер и Герц вскочили. Первый стал ловить бумаги, второй бросился закрывать окно.

Самолеты ревели над городом, бомбы со свистом и воем врзались в землю, взрывы раздавались все чаще.

В кабинет вбежали два конвоира и остановились, тяжело переводя дыхание.

— В тюрьму! — пискливо крикнул Штауфер. — В шестую камеру!

«В солдатскую, в мужскую!» — мелькнула в мозгу Юли страшная догадка.

Конвоиры подхватили ее под руки и потащили в коридор.

Она теперь знала, что делать: бежать! Вырваться и бежать! Конвоиры непременно откроют по ней огонь. И все... Больше ничего не надо. Быстро и хорошо...

Юля рванулась, но тщетно. Эсэсовцы держали ее крепко. Она поджала ноги в надежде, что они ее уронят, но эсэсовцы легко подняли ее и понесли. Уже у входа из коридора она неожиданно встала на ноги и бросилась вперед, стремясь свалить с ног хотя бы одного из автоматчиков, но и это не удалось. Автоматчики крепко держались на ногах и выкрикивали злобные ругательства.

Во дворе Юля сделала последнюю попытку: ударила ногой конвоира, шедшего справа, тот споткнулся и, падая, потянул ее за собой. Возможно, что на этот раз план удался бы, но на помощь конвоирам подоспел водитель машины. Втроем они схватили Туманову, подняли и швырнули в кузов ближайшей арестантской машины. Дверь захлопнулась.

Стоя в темном коридоре, Штауфер наблюдал всю эту сцену через открытое окно.

Город был озарен ослепительно белым светом. В небе под облаками шипели развешанные летчиками осветительные «люстры». Воздух был испещрен бесчисленными цветными нитями трассирующих пуль. Из стороны в сторону металась белые столбы прожекторов.

Арестантские машины одна за другой выехали на площадь. Первая, в которой оказалась Туманова, пересекая площадь, чуть было не нырнула в огромную воронку, оставленную взрывом бомбы. Водитель, чертыхаясь, удержал машину на самом краю, осадил ее назад и, объехав воронку, с лязгом включил вторую скорость. Машина запрыгала по избитой булыжной мостовой и, сокращая путь, пошла почему-то не обычным маршрутом, а глухими переулками. В одном из них водитель так резко надавил на тормозную педаль, что конвоиры стукнулись головами в лобовое стекло: дорогу преградила легковая машина «опель-капитан».

Не видя объезда, водитель тюремной машины дал требовательный сигнал. Тогда из «опеля» показался человек, лицо которого разглядеть во мраке было невозможно. Он подошел вплотную к кабине, в руке его что-то мелькнуло, и один за другим прогремели шесть выстрелов.

В водительской кабинке воцарилась тишина.

Неизвестный подбежал к «опелю» и вернулся с коротким ломиком в руке. Сильным ударом он сбил замок с арестантской машины и, открыв дверку, крикнул по-русски:

— Выходить! Быстрее!

Ему ответила тишина.

— Выходите же, черт вас возьми!

После второй команды из машины выпрыгнули трое мужчин, а женщина нерешительно задержалась в дверном проеме.

— Бегите, вы спасены! — объявил неизвестный.

Трое бросились в переулок и скрылись в темноте.

Неизвестный подхватил Юлю на руки и направился к «опелю».

А бомбардировщики носились по небу, как разъяренные демоны, и удары бомб сотрясали землю.

50

Группа подпольщиков таилась в развалинах бывшего городского театра, устремив глаза в небо, по которому, подобно черным молниям, мелькали ревущие бомбовозы, делая заходы для очередного удара.

Неожиданно начавшаяся бомбардировка города была как нельзя кстати, но никому и в голову не пришло сейчас увязать ее с предпоследней радиограммой Кости Голованова и с появлением сегодня днем советского разведчика над Гореловом.

— Вот так дают! — глядя в небо, восхищенно заметил Калюжный. — И кто же мог думать, что они придут нам сегодня на помощь!

— Молодцы, хлопцы! — отозвался стоявший рядом Чернопяттов. — А мы ломали головы...

— Глядите! — вскрикнул Заболотный.

Все повернули головы в сторону вокзала, где взметнулся огромный столб пламени. Он был так велик, что захватил край неба.

— Что это?

Словно в ответ раздался страшный взрыв.

Едва стих грохот, как опять стали слышны самолеты и уханье бомб. Наблюдая за небом, подпольщики не забывали дела, ради которого собрались.

Короткий и резкий свист вызвал их на улицу. Около разрушенного дома стоял человек и всматривался в темноту.

— Идет! — сообщил он приглушенным голосом.

— Какая? — спросил Чернопяттов.

— Пятерка.

— Ее нам и надо.

Из подворотни выбежали еще трое и присоединились к группе Чернопяттова. Теперь их было уже восемь человек.

— Быстро! — распорядился Чернопяттов.

Все устремились к развалинам. Не прошло и минуты, как огромные глыбы кирпича, спаянного цементом, перегородили улицу.

— По местам! — скомандовал Чернопяттов.

Группа рассыпалась, исчезнув в темноте.

Сперва послышался шум приближавшейся машины. Она подошла к препятствию и остановилась. Из кабины выскочил водитель, а вслед за ним один из конвоиров. Конвоир мигнул карманным фонарем и осветил груды кирпичей, перегородившую улицу. Водитель нагнулся, разглядывая препятствие.

В это время на него и на конвоира навалились сразу пятеро.

Трое подбежали к кабине и вытащили оттуда ничего не понимающего растерянного ээсовца. Борьба была короткой и почти беззвучной.

Более сложным оказалось открыть дверь кузова. На это ушло добрых пять минут. Наконец, с помощью железного бруска удалось сорвать замок вместе с петлей. Дверь открылась, и арестованные, уже сообразившие в чем дело, один за другим выскочили из машины.

— Все? — с нарастающим беспокойством спросил Чернопяттов.

— Все, — ответил кто-то.

— А девушка где? — не удержался Заболотный.

— Нет девушки, — ответил тот же голос. — Когда ехали в тюрьму, она была с нами, а на обратном пути ее посадили в другую машину.

Подпольщики остолбенели.

51

Автомобиль «опель-капитан» вылетел на одну из окраинных улиц города, прижался к узенькому тротуару и остановился возле небольшого дома.

Мужчина вышел первым. Обойдя машину, он открыл переднюю дверцу и выпустил Юлю. Она быстро осмотрелась.

Кирпичный дом с облупившейся штукатуркой, наглухо забитыми окнами и разрушенными ступеньками крыльца выглядел отчужденно и неприветливо. Темная улица была пустынна.

Провожатый мигнул фонариком, и его луч осветил не только входную дверь в дом, но и железную дощечку с надписью: «Улица Кирпичная, 38».

Человек привычным движением достал ключ, открыл дверь и первым вошел в дом. Юля шла сзади.

Луч фонаря указывал дорогу. Хлопнула одна дверь, другая — и, наконец, они оказались в большой, заставленной мебелью комнате.

Чиркнула спичка, загорелась свеча. Мужчина поставил ее на буфет и повернулся.

Это был стажер гестапо Роберт Герц.

— Куда вы меня привезли? — спросила девушка.

— Это моя служебная квартира, — пояснил Герц.

Дом, снаружи поражающий своим убожеством и обветшалостью, внутри выглядел совсем иначе.

— Вы разведчица и должны понимать, что значит служебная, — добавил Герц.

Туманова посмотрела на него с удивлением. Но он даже не попытался расшифровать сказанное, считая, очевидно, что она хорошо его поняла.

— Эта дверь ведет в спальню, — продолжал Герц. — Там вы можете отдохнуть и найти кое-что из одежды. Я все приготовил. Из спальни есть ход в туалетную комнату. Если хотите воспользоваться ванной, пожалуйста. Колонка исправна, дрова есть. Разводить огонь вы, по-видимому, умеете лучше меня.

Бровь у Тумановой приподнялась. Она соображала: что за намеки? «Вы должны понимать, что значит служебная» или «Разводить огонь вы, по-видимому, умеете лучше меня»?... Впрочем, ладно. Посмотрим, что будет дальше...

— Через эту дверь, — показал рукой Герц, — вы попадете в кабинет. И, наконец, через эту мы вошли. Почему вы так смотрите? Вы по-прежнему не доверяете мне?

Туманова тряхнула головой.

— Вы, кажется, лишили меня этого права, — ответила она.

— Рад слышать, — заметил Герц. — Чувствуйте себя здесь полной хозяйкой. Это ключ от входной двери. — Он положил его на круглый стол. — Вы можете покинуть дом, когда вам заблагорассудится. Это — ваше дело. Но я не советовал бы вам выходить из дома до определенного времени. Учтите: чтобы выволить вас, мне пришлось уложить троих своих земляков, а троих ваших выпустить на свободу. Гестапо, конечно, уже поднято на ноги.

— Хорошо. Я последую вашему совету. Но как долго надо пробыть здесь?

— Хотя бы до утра.

— Хорошо. А вы можете мне выбраться из города?

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Благодарю, — сказала Туманова.

— А теперь мне надо покинуть вас, — произнес Герц. — Тревога кончилась, и меня могут

хватиться. В буфете есть кое-что из еды. Если будут стучать, то не отзывайтесь и не открывайте дверь. Если зазвонит телефон, послушайте: кроме меня, никто сюда звонить не может. — Он взглянул на часы. — Уже прошло пятьдесят шесть минут новых суток. Вам надо отдыхать. Желаю спокойной ночи.

— Спасибо, — ответила Юля.

Герц отвесил поклон и направился к выходу, но девушка его остановила:

— Господин Герц!

— Да? — он быстро повернулся.

— У меня к вам необычная просьба.

— Можете просить все, что пожелаете.

— Оставьте мне пистолет... Все-таки я одна и... женщина.

Герц без малейшего колебания опустил руку в задний карман брюк, извлек из него «Вальтер», заменил расстрелянную обойму новой, щелкнул предохранителем и молча подал пистолет Тумановой.

— Прошу, — сказал он коротко.

Девушка, взяв пистолет, ощутила холодок стали. Держа его в руке, она смотрела на гестаповца, а он на нее. Так они стояли несколько мгновений. Потом она взволнованно сказала:

— Еще раз спасибо! Большое спасибо!

Герц опять поклонился и вышел.

Юля долго стояла неподвижно, опустив руки, совершенно сбита с толку. За всю свою небольшую жизнь она не перенесла столько тревожных волнений, как за эту короткую летнюю ночь. В таком круговороте событий нетрудно потерять голову: какой-то час все изменил. Она уже не в каменном мешке тюрьмы, а здесь, в этом доме, она свободна, ей не угрожает опасность, в руках у нее оружие! Снова жизнь!

Она стояла посреди комнаты и думала.

Если Герц — гестаповец только по положению и должности, а в душе благородный, смелый человек, связанный с подпольной группой Чернопятова и выполняющий его указания, тогда все хорошо. Так хорошо, что и придумать трудно. Ну, а если?... И прежние сомнения вновь овладели ею.

Если Герц не тот, за кого она его принимает? Если, добиваясь цели, поставленной перед ним гестапо, он только мастерски разыгрывает свою роль?

Но в чем же все-таки состоит эта цель? Именно на этот вопрос Туманова ни ранее, ни сейчас не могла найти ответа, как ни старалась. Это было какой-то головоломкой.

Может быть, Герц хочет поразить ее проявленным великодушием и жертвой, ради нее принесенной, усыпить ее бдительность, вызвать на откровенность и вывести то, чего не мог добиться Штауфер угрозами и побоями?

Но это же ерунда! Гестаповцы не настолько глупы, чтобы рассчитывать на успех такой дешевой комбинации.

И тут внезапно ей пришла совершенно новая, очень простая мысль.

Если Герц маскируется, он не станет добиваться ее доверия и расположения. Он не будет выспрашивать ни о чем. Он доведет свою «благородную» роль до конца, отпустит Юлю, куда она захочет, и отойдет в сторонку. Но с этой же минуты она явится предметом неослабной слежки гестапо. За нею поведут неусыпное наблюдение, и ей нельзя будет сделать ни шагу. Это было самое страшное. Она ведь еще не выполнила задания и обязана его выполнить! И если она все же начнет действовать, то может оказаться причиной гибели многих. Следовательно, если Герц — орудие гестапо в его хитрой комбинации, то ей предстоит выдержать немало испытаний. Снова надо идти навстречу неизвестной судьбе. И здесь каждый шаг, каждое движение должны быть взвешены и строго рассчитаны.

Юля вздохнула и как бы очнулась от забытья. Она только теперь оглядела комнату. Первое, что бросилось в глаза, — это громоздкий и неудобный буфет, украшенный вычурной резьбой.

Рядом — длинный диван с высокой спинкой, посреди комнаты — круглый стол, покрытый темной бархатной скатертью, шесть полумягких стульев и узкое трюмо в углу. Типичное убранство зажиточной провинциальной квартиры. Обои коричневого цвета с золотистыми виноградными гроздьями придавали комнате мрачноватый вид.

Со стены с большого и единственного портрета на Туманову смотрела сравнительно молодая женщина с неестественной улыбкой. Улыбались одни губы, в то время как лицо и глаза оставались безучастными. Казалось, в глазах застыл какой-то немой вопрос.

Юля подошла к зеркалу и невольно вздрогнула: почти чужое лицо глядело на нее.

Штауфер был прав. Она изменилась до неузнаваемости. Девушка поправила сбившиеся и загрязненные волосы, провела пальцами по впалым и бледным щекам.

«Посмотрел бы на меня Андрей», — подумала она и повернулась, чтобы взглянуть на свой профиль. Огорченная и опечаленная, Юля отошла от безжалостного зеркала и решила осмотреть остальные комнаты. Обход их не внес ничего нового в ее положение. Спать она решила на диване в кабинете, где находился телефон.

Растопив колонку в ванной, Юля вернулась в первую комнату. В буфете она нашла сыр, масло, яйца, бутылку вина, кусок грудинки и хлеб. Нетрудно было догадаться, что все это заранее приготовил Герц.

Туманова с жадностью набросилась на еду. «А может быть, он и в самом деле наш человек? — рассуждала она, уплетая ароматную грудинку. — Мне же обязательно хочется сделать его плохим, видеть в его поступках ложь и обман, подвох и расчет. Почему так? Неужели среди гестаповцев не может оказаться один антифашист, настоящий немец патриот?»

52

Телефон зазвонил без четверти пять. Юля проснулась мгновенно, привстала, хотела взять трубку, но заколебалась. А что, если звонит не Герц? Но потом решилась. Соскочила с дивана и ответила.

Звонил, конечно, Герц. Он справился, как она отдохнула, и попросил ее быть готовой. Минут через пятнадцать он приедет. Туманова встала, умылась, привела в порядок волосы. Платье, приготовленное ей Герцем, было чуть-чуть широко в талии. Сшитое по моде из серой шерстяной ткани в клетку, оно выглядело даже нарядным. Платье, видимо, принадлежало женщине со вкусом и аккуратной, умеющей беречь свои вещи: на нем не было ни единого пятнышка. Может быть, это та женщина, которая и сейчас смотрит на нее с портрета с улыбкой и вопросом в застывших глазах?... Какая участь постигла ее? Может быть, она приняла смерть от тех рук, что так заботливо передали ее платье Юле?

Может быть. Но что делать?!

Горячая ванна, еда и сон, хотя и короткий, но глубокий, без кошмаров, вернули девушке силы. Молодая, здоровая, она чувствовала себя бодрой и готова была идти навстречу новым испытаниям.

Отдохнувший от напряжения мозг требовал уже новой работы. И, прохаживаясь по комнате в ожидании Герца, Юля старалась представить себе дальнейшее.

Послышался шум подъехавшей машины, вошел Герц, сдержанно поцеловал протянутую руку и сказал:

— Доброе утро! Вы преобразились!

Туманова улыбнулась:

— Это вы меня преобразили!

— Скажите, как мне вас называть? — спросил Герц.

Она, не задумываясь, ответила:

— Зовите Марией.

— Хорошее имя, — сказал Герц. — Вы готовы?

— К вашим услугам.

— Тогда едем... Выходите. Я сейчас...

У подъезда стоял уже знакомый «опель-капитан». Юля устроилась на заднем сиденье и стала ждать. Герц погасил свечи, запер дом, сел за руль и тронул машину.

— Куда вам лучше? В какую сторону?

— Поезжайте в направлении Орши, — не смутившись, ответила девушка.

— Вы прилягте, пока едем по городу, — посоветовал Герц.

Машина быстро проехала город из конца в конец и выбралась на шоссе. Герц свел машину на обочину и затормозил.

— Переходите ко мне, — предложил он.

Юля перешла, села рядом, и машина снова тронулась. Впереди виднелся мост через реку, за нею заливные, покрытые зеленым ковром луга, а дальше начинался лес, над гребнем которого висел диск солнца.

Сделав вид, что она поправляет волосы, Юля повернула зеркальце и посмотрела назад. Шоссе было совершенно пустынным: никаких признаков слежки или преследования.

— Я везу вас, как говорят, наобум, Мария, — заговорил Герц. — Вы подсказывайте...

— Мне все равно, — ответила она, хотя на самом деле ей было не все равно: она не хотела отъезжать слишком далеко от города.

Юля опустила стекло. Легкий ветер обдал лицо утренней свежестью. Восходящее солнце ярко брызнуло горячими лучами и ослепило глаза. Стало необыкновенно легко и радостно. Вокруг искрилась жизнь, прекрасная, вечно юная. Юля почувствовала, как горячая волна охватила ее, и слезы подступили к горлу. Взволнованная, она молча взяла руку Герца, лежащую на руле, и пожала ее.

Герц благодарно кивнул головой и улыбнулся. Шоссе привело к лесу. Он высился по обеим сторонам дороги. Позади остался третий километр, и на взгорье показался перекресток.

— Давайте съедем с шоссе, — попросила Туманова.

Герц сбросил ногу с акселератора и выключил скорость.

— Налево или направо? — спросил он.

— Безразлично...

Машина, послушная руке Герца, сделала плавный поворот налево, съехала на проселочную дорогу и пошла под уклон.

На повороте Юля взглянула еще раз назад и вторично убедилась, что вслед за ними никто не едет.

Машина между тем уже спускалась в низину, густо поросшую мелким осинником и молодыми елками. И тут Герц допустил небольшую оплошность: он выключил рычаг сцепления, чего не надо было делать. Спустившись своим ходом в небольшую размоину, «опель-капитан» скользнул задними колесами, завяз и остановился. Герц включил первую скорость, машина дернулась и забуксовала. Герц начал качать ее взад и вперед, нажимая на конус сцепления, но это не помогло. Задние колеса продолжали буксовать со зловещим свистом, и машина постепенно сползала в более топкое место.

Герц выключил зажигание и, смущенный, посмотрел на свою юную спутницу.

Юля впервые за последние шесть дней по-настоящему, заразительно и искренне рассмеялась. Что значит маленькая задержка? Разве может она омрачить это ликующее утро? Разве унять ей радость, звенящую в груди?

— Приехали? — весело спросила она.

Герц вздохнул, покачал головой и вышел из машины. Осторожно ступая, чтобы не запачкать начищенных до блеска ботинок, он выбрался на сухое место, обошел машину, заглянул под задний мост и сказал:

— Ерунда! Сели немного на дифер...

— Моя помощь не нужна? — осведомилась Туманова.

— Что вы! Сидите! Здесь сыро и грязно.

Герц быстро снял с себя пиджак, бросил его на переднее сиденье, засучил рукава и,

вооружившись небольшим топориком, стал рубить елки.

Он сделал из них настил, выложил ими обе колеи, а затем, достав из багажника саперную лопатку, стал срезать ею кочку, на которой покоился дифер.

Напевая тихонько какую-то песенку, Юля взяла в руку прямоугольный кусок картона, прижатый к лобовому стеклу автомашины, и прочла на нем: «Проезд всюду и в любое время». В левом углу красовалась свастика, а внизу чья-то неразборчивая подпись, скрепленная печатью гестапо.

Туманова воткнула пропуск на место. Потом она обвела глазами приборы машины, и взгляд ее остановился на пиджаке Герца. Из наружного бокового карманчика торчал уголок какой-то коричневой книжечки, и он отчетливо выделялся на фоне носового платка. Туманова оглянулась назад, вынула книжечку и раскрыла ее. На нее глянул Герц. Это было служебное удостоверение с хорошим фотоснимком. Рядом каллиграфически-безукоризненным почерком были выведены фамилия, имя, должность и чин владельца. Юля всмотрелась в готический шрифт и вздрогнула. Раздался голос Герца:

— Вот и готово!

Кровь ударила в лицо Тумановой, и она быстрым движением сунула удостоверение обратно. Подошел Герц и бросил лопатку под заднее сиденье. Потом он обтер руки концами, надел пиджак и, усаживаясь за руль, сказал:

— Больше не будете надо мной смеяться, — и включил мотор.

— Посмотрим, — заметила Юля.

Герц тронул машину, и она легко выбралась из размоины, а через минуту вышла на живописную опушку, окруженную березами и соснами.

— Дальше не надо, — сказала Юля. — Оставьте меня здесь!

Герц развернул машину, заглушил мотор.

Туманова быстро выскочила. Вышел и Герц. Он полез в багажник.

В лесу было тихо. Еще не спала роса. Девушка оправила измятое платье и вгляделась в недосыгаемую высь родного неба. По нему плыло белое облачко, похожее на парусный кораблик. Юля стояла зачарованная, хотя, странное дело, где-то в подсознании, видимо, в результате выработавшейся привычки, фиксировалось все происходящее.

— В этом ранце, — раздался голос Герца, — есть все, что необходимо человеку на добрую неделю.

Он положил ранец у ног девушки.

— Благодарю. Вы все предусмотрели, — проговорила она и перевела глаза с туго набитого ранца на Герца.

Он стоял, опустив руки, и смотрел ей в глаза. И во взоре его была как будто печаль.

— Так может случиться только раз в жизни, — медленно произнес он, и грудь его поднялась в глубоком вздохе. — Только раз и не с каждым. Случись это с кем-либо другим и расскажи он мне подобную историю, я, скажу честно, взял бы истинность ее под сомнение. Я знаю, что вы мне не верили, но бог с вами. Теперь мне остается предупредить вас. Я спас вашу жизнь, рискуя собственной, не требуя от вас ничего! Но мне будет безмерно больно, если вы сами погубите себя.

Девушка насторожилась.

— Я не поняла вас, господин Герц!

— Вы прекрасно меня поняли, фрейлейн Мария, — проговорил Герц. — Я не пророк, но могу предсказать, что вы вновь попытаетесь пробраться в город...

Туманова вопросительно подняла брови. Герц продолжал:

— Мне это так же ясно, как то, что сейчас утро. Я не хочу знать, какие причины побуждают вас решиться на этот опрометчивый шаг. Я хочу только предупредить вас: будьте крайне осторожны, берегите себя! Вас уже ищут. Мне думается, что я вижу вас в последний раз... Но запомните: если снова вас постигнет беда, я опять, как друг, приду вам на помощь.

— Чем я могу отблагодарить вас?! — каким-то неестественно приподнятым голосом

воскликнула Туманова.

Герц задумался и сказал:

— Хочу просить об одном: если положение на фронтах изменится и ваши придут сюда, засвидетельствовать мое поведение по отношению к вам.

— Охотно сделаю, — твердо сказала Юля.

— И еще у меня просьба... — Да?

— Обещайте мне, что, если вам будет угрожать опасность или же понадобится помощь, вы обратитесь ко мне.

— Обещаю! — заверила девушка. — Но как я могу сделать это практически?

— Очень просто, — Герц вынул из пиджака записную книжку, написал что-то, вырвал листок и подал Тумановой. — Черкните мне несколько слов по этому адресу. Можно почтой, можно любой оказией. Я явлюсь, куда вы позовете, и сделаю все, что в моих силах.

— Хорошо, — ответила Юля, — благодарю вас от души! — и подала ему руку.

Герц вновь поцеловал ее и, не сказав более ни слова, направился к машине.

Туманова молчала, не сводя с него глаз и о чем-то раздумывая.

Герц сел в машину, она плавно взяла с места, поднялась на пригорок и вскоре исчезла из глаз.

— Непостижимо... Значит, все-таки?... — проговорила Юля, подытоживая ход своих мыслей.

Она подняла увесистый ранец, внимательно оглядела опушку и направилась в лес. Пройдя шагов десять, не более, она выбрала подходящую сосну с сучком и повесила на него ранец. Затем быстро зашагала на юго-запад.

53

Чернопяттов открыл дверь котельной, и солнечные лучи полились в подвал. Он постоял несколько минут у порога, бросил поджидавшим его воробьям горсть неочищенного проса, сел на чугунную тумбу у края тротуара и задумался.

Остаток ночи прошел без сна: неудача, постигшая подпольщиков, не давала ему покоя. Почему гестаповцам вдруг вздумалось на обратном пути в тюрьму пересадить Готовцеву из «пятерки» в «шестерку»? Уж не пронюхали ли они чего? Не может быть! К ночной операции привлекались только старшие групп, люди надежные, проверенные. Удивительнее всего, что «шестерка» так и не появилась. Ее прождали два часа. Она или простояла ночь во дворе гестапо, или вернулась в тюрьму другим маршрутом.

Предпринимать новое нападение на машину не имело никакого смысла. Гестаповцы сделают выводы из ночного происшествия и примут необходимые меры. В крайнем случае они переведут Готовцеву из городской тюрьмы во внутреннюю.

Как же выручить посланца фронта? Что предпринять? Голубой пакет все еще лежит здесь!

Из раздумья его вывел гитлеровский солдат. Он остановился у входа в котельную и хозяйским оком стал оглядывать дверь. Странное снаряжение солдата удивило Чернопяттова: за плечами у него была винтовка, в руке ведро, в другой — скатанная в рулон бумага.

Не обратив на Чернопяттова ни малейшего внимания, солдат поставил ведро на землю и, вынув из него кисть на короткой рукоятке, стал энергично замазывать старый приказ начальника гарнизона, уже давно красовавшийся на половинке двери. Затем из свернутой в рулон пачки он вынул листок и наклеил его на дверь.

Выполнив свое дело, солдат закурил сигарету и, взяв ведро, зашагал дальше.

Чернопяттов подошел к объявлению. На листке красовались фотографии семи мужчин и женщины, совершенно незнакомых Чернопяттову. Текст гласил:

Разыскиваются скрывшиеся в городе или его окрестностях опасные преступники (см. фото слева направо): Самойлов, Шкурба, Лисичкин, Зуев, Бугаенко, Тюрин, Готовцева и Пестов...

На этом месте Чернопяттов прервал чтение, и глаза его впились в лицо молодой женщины. Он

долго рассматривал снимок, стараясь запомнить каждую черточку. Потом дочитал объявление:

...за обнаружение названных лиц или за их поимку назначена большая денежная премия и бесплатная двухнедельная экскурсия в одну из западноевропейских стран. Бургомистр Юрст. 15 июня 1942 года, г. Горелов.

Чернопятов вторично прочел объявление, еще раз всмотрелся в снимок и застыл в полном недоумении.

«Ничего не понимаю, — признался он сам себе. — Ровным счетом ничего! Значит, она бежала, она на свободе? Как же это произошло? Кто и как мог ее вырвать из тюрьмы?»

Совершенно сбитый с толку, Чернопятов не знал, что предпринять. Потом спустился в котельную, переоделся и торопливо зашагал к центру города.

Спустя полчаса он уже заходил в городскую парикмахерскую.

Все мастера были заняты. Чернопятов сел у круглого столика, взял в руки иллюстрированный журнал крупного формата и принялся его перелистывать. Но рисунки двоились в глазах, на страницах журнала всплывало грустное лицо 304 Валентины. Изредка он поглядывал на первое кресло, где Заболотный добривал немецкого артиллериста. Заболотный уже заметил Чернопятова, но и вида не подавал. Руки его работали ритмично, уверенно, только несколько быстрее обычного. Он торопился.

Музыка, лившаяся из репродуктора, умолкла. Голос диктора вначале на немецком, затем на русском языке объявил:

— Кто желает совершить приятную прогулку в одну из стран Европы и получить необходимые средства для этой цели, тот должен оказать реальное содействие оккупационной администрации в розыске и поимке преступников Самойлова, Шкурбы, Зуева, Тюрина, Пестова, Лисичкина, Бугаенко и Готовцевой, скрывающихся в городе и угрожающих безопасности мирных жителей. Всякий, кто предоставит им убежище, подлежит смертной казни.

В репродукторе послышалось шелканье и снова заиграл оркестр.

Заболотный спрыснул своего клиента одеколоном, припудрил, сдернул простыню и сказал:

— Готово!...

Артиллерист встал не сразу. Он приблизил лицо к зеркалу, осмотрелся, погладил облезший нос и, бросив мастеру смятую бумажку, вышел.

— Прощу! — пригласил Заболотный Чернопятова.

Тот сел в кресло и, улучив удобную минуту, тихонько шепнул:

— Мне срочно нужен Скиталец!

Заболотный кивнул.

— Повидай его во что бы то ни стало. Пусть скажет, где можно встретиться. А теперь царапай, в один заход!

54

В начале двенадцатого Чернопятов деловито вошел во двор полуразрушенного, нежилого домика и, пройдя бурьянами, углубился в густой, разросшийся малинник. Здесь он улегся в тени старого, щелистого забора. Забор этот граничил с садиком дома, выходявшего на параллельную улицу, где квартировал Генрих Гроссе.

Тюремный надзиратель любил в свободное от дежурства время повозиться в хозяйском саду. Вот и сейчас он с ножом в руке, мурлыча солдатский марш, обходил густой вишенник вдоль забора.

За забором послышалось легкое троекратное покашливание. Генрих лениво осмотрелся, зевнул и улегся в траву, прислонив голову к широкой заборной щели.

— В моем распоряжении двадцать минут, — тихо предупредил Генрих. — В двенадцать я должен заступать. Здесь никого. Говори, Григорий!

Чернопятов опросил:

— Слышал?

— Что слышал? — в свою очередь спросил Генрих.

— По радио передавали...

— А... насчет побега?... — Генрих достал сигарету и закурил. — Я кое-что разузнал. Готовцеву действительно усадили в суматохе бомбежки не в «пятерку», а в «шестерку». Но на «шестерку» тоже был налет. Готовцева и трое мужчин как в воду канули. Ищут бежавших с обеих машин.

Лицо Чернопятова вытянулось.

— Что все это значит?

Генрих, глядя в небо, проговорил:

— Видно, в городе, кроме нас, нашлись еще порядочные ребята...

После долгой паузы Чернопятов продолжал:

— Если бы нам удалось напасть на след Готовцевой! Она нужна нам позарез. Документы в голубом пакете все еще лежат...

— Подумаю об этом, — заверил Генрих. — Есть один шанс, ненадежный, правда, но ничего не поделаешь.

— Что? Говори!... — обрадовался Чернопятов.

— Пока не скажу. Не сердись, Григорий! Вот когда проверю, тогда...

— Но ты же пойми, что дорога каждая минута! — убеждал его Чернопятов.

— Понимаю, — ответил Генрих. — Но выкладывать тебе сплетни не стану. Я слышал кое-что, совсем немножко, а вот повидать сменщика — проверю. Иди, Григорий! — он встал. — Мне пора...

— А когда ты сменишься?

— В восемь.

Чернопятов знал, что Генрих упрям и уж если не хочет чего-нибудь сказать, то не скажет.

— Желаю удачи! — Чернопятов направился к выходу.

— Не унывай! — бросил ему вдогонку Генрих. — Думаю, что мы отыщем эту хорошую девушку!

55

Солнце припекало основательно. Чернопятов чувствовал, что рубашка его взмокла, а по лицу змеились ручейки пота. Возле бани он огляделся и, не заметив ничего подозрительного, стал шарить в кармане, отыскивая ключ. На дверях котельной по-прежнему висело объявление, извещавшее о побеге «опасных преступников». Крайней в ряду была фотография Готовцевой. Все так же грустно смотрели ее большие глаза.

«Вот где загадочная история, — подумал Чернопятов. — Исчез человек! Ищи теперь! А где искать? Если Генрих ничего не сообразит, придется своими силами, через старших групп что-нибудь предпринять».

Чернопятов стал отворять дверь, и в эту минуту сзади послышался голос:

— Я хочу вам предложить фитили для керосинок. Тридцать фитилей.

Точно молния прожгла мозг Чернопятова. Пароль! Это же пароль! Он резко повернулся.

Перед ним стояла молодая женщина в обычной деревенской одежде, с сильно набеленным лицом, подведенными бровями, с простым ситцевым платком на голове. Белая кофта свободно лежала на ее плечах, а пестрая широкая юбка спускалась чуть ли не до щиколоток.

Сердце у Чернопятова обмерло. Глаза! Он чуть было не вскрикнул, но сдержал себя и ответил обусловленной фразой:

— Если новые, то беру в неограниченном количестве.

— Новые, — проговорила девушка каким-то упавшим голосом и добавила: — Григорий Афанасьевич, да?

— Да, родная!... Ты видишь? — он показал глазами на объявление.

Туманова кивнула.

— Спускайся вниз, а я посмотрю...

Она сошла по ступенькам и скрылась в котельной.

Чернопятов сначала с силой выдрал крючок, которым крепилась дверь, а затем начал его заново прилаживать. Мысли заметались беспокойным роем. Нет, чего-либо подобного с ним еще не приключалось. Что творится только?! Сама пришла! Откуда? Как? Его распирала радость, лицо светилось, он улыбался и одновременно хмурил брови: «Не подвох ли это, не провокация ли?»

Прилаживая крючок, он внимательно, наметанным глазом посматривал направо и налево, тревожась, не привела ли она за собой слезки. И тут требовалась выдержка. Железная выдержка. Он всей душой рвался в котельную, чтобы поскорее увидеть и расспросить пришедшую, но силой воли заставлял себя возиться с крючком: «Надо проверить, тщательно проверить!...»

Чернопятов провозился минут двадцать и, не обнаружив на улице ничего подозрительного, спустился вниз.

Он быстро подошел к Тумановой, большой, сильный, взволнованный, неожиданно взял ее голову в свои большие руки и поцеловал.

— Ой! — только и произнесла Юля и опустилась на ящик.

— Как тебя звать-то, дочка?

— Юлия.

Чернопятов провел рукой по лбу, как бы не веря происшедшему. Затем взял с верстака большой медный таз с пробитым дном, облупленную эмалированную кастрюлю и сунул девушке.

— На всякий случай. Ты — заказчица. Из деревни Лужки. Запомни: Лужки. До нее десять километров на восток. Поняла?

— Да, — улыбнулась она.

— В деревне около ста дворов. Староста — Бутенко. Немцев в деревне нет... Там всего один полицейский... Я для вида буду работать... А теперь, — он вставил в тиски и зажал железный брус, затем взял в руки ножовочную пилу. — А теперь я и не знаю, с чего начать. Говори сама... Скорей говори!

— Ваш Готовцев — предатель! — сказала Туманова.

— Знаем... Хоть поздно, но узнали. Готовцева уже нет. Избавились мы от него.

— Вот как! А что случилось с радистом? Почему оборвалась связь?

— Костя наш погиб...

Юля опустила голову.

— Как погиб?

— Его станцию запеленговали... Но об этом потом! Ты говори о себе!

Она рассказала, как армейский радицентр принял неоконченную депешу Чернопятова, как было решено послать с рацией ее, как она приземлилась в лесу, пошла к Готовцеву, была схвачена гестапо.

Чернопятов слушал, поглядывал на нее, прикидывал. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что посланник фронта вырвался из гестапо, настолько все было невероятно.

— Все? — спросил он.

— Да, все.

— Значит, порядок! Готовцев ничего не утаил. Все совпадает... Помнишь старичка подводчика, что вывозил вас за город?

— Ну как же!

— Это — наш старик. Он про тебя рассказал, думал, что ты настоящая сестра Готовцева...

Ну, а где ты скрылась, у кого?

Туманова покачала головой.

— Ни у кого...

— Погоди, — нахмурился Чернопятав, — ничего не понимаю! Откуда ты пришла?

— Из леса.

— Из леса? — протянул Чернопятав. — А ты знаешь, что тебя ищут?

— Еще бы не знать! На два объявления наткнулась. Смотрю на свое фото, а холодок по спине бегаёт. И ноги, как ватные. А при входе в город, у моста, проверили документы. Пережила бог знает что.

— Какие документы? — недоуменно спросил Чернопятав. — А ну покажи!

Туманова подала завернутые в носовой платок и изрядно потертые бумажки: удостоверение и пропуск на имя Решетниковой Дарьи Семеновны.

— Вы, Григорий Афанасьевич, говорили относительно деревни Лужки, — улыбнулась Юлия Васильевна, — а я, выходит, и в самом деле лужковская.

— Как попали они к тебе? — хмуря лоб, спросил Чернопятав.

— Сейчас расскажу. Дело в том, что на мне до этого было такое платье, показываться в котором в городе я не могла ни при каких условиях. Платье надо было сменить, и я пошла на риск. Я выбралась на проселок, что идет вдоль края леса, засела в кустах и стала выжидать. Просидела с час, но ничего подходящего не появлялось. Я начала уже терять надежду, и вдруг на дороге показалась женщина средних лет с девочкой-подростком. Я вышла из укрытия и остановила ее. Я пустила слезу и наврала ей, что скрываюсь от угона в Германию и что мне надо обязательно сменить одежду. Вначале она будто не поверила мне, потом заинтересовалась, разглядела мое нарядное платье и согласилась отдать свою одежду. Мы начали переодеваться, и она, как мне показалось, стремилась ускорить эту процедуру больше меня. Думаю, что решающую роль в успехе обмена сыграло мое платье, а не слезы, которые я пустила.

— Ну, а документы, документы откуда? — продолжал допытываться Чернопятав, держа в руках удостоверение и пропуск.

Туманова вывернула наизнанку глубокий врезной карман юбки и рассмеялась:

— Эта тетя так торопилась избавиться от моего общества, что забыла вынуть документы, вот отсюда. Мне просто повезло.

— Вообще тебе везет, — ухмыльнулся Чернопятав. — А ты знаешь, кто такая Дашка Решетникова?

— Нет, конечно.

— Ловкая спекулянтка, жена лужковского полицая, вреднющая и языкастая бабенка. Об этом происшествии она раззвонит на всю губернию и еще приукрасит. Если уже не раззвонила.

— Кто же мог знать?! Да и что мне оставалось делать?

— Да... пожалуй. Но теперь эти бумажонки в огонь, — проговорил Чернопятав и, чиркнув зажигалкой, запалил документы. — Они свое дело сделали. И твое счастье, что все обошлось благополучно. А мы-то, мы-то... — продолжал он. — Выследили ночью «пятерку» и навалились на нее. Перебили охрану, освободили арестованных, а тебя нет. Оказывается, ты в «шестерке» была. Но теперь рассказывай главное: кто тебя выручил?

— О, это длинная история! — Юлия сдвинула брови. — Очень длинная. Все расскажу по порядку. Но у меня к вам еще несколько вопросов.

— Давай, родная!

— Вы личный состав здешнего гестапо знаете?

— Примерно, да.

— Кто такой Штауфер?

— Начальник гестапо.

— А Грундт?

— Иоганн Грундт? Это — страшный человек. Он по должности младше Штауфера, обычный следователь, а по чину старше. Он штурмбаннфюрер СС. Рук Грундта не миновала ни одна

жертва, попавшая в гестапо.

— А фамилия Герц вам о чем-нибудь говорит?

— Герц... Герц...

— Да, Роберт Герц.

Чернопятов прищурил один глаз, покрутил ус.

— Не слышал. Возможно, новенький. А ты не спутала?

— Нет, именно Герц. Стажер гестапо.

— Стажеров и референтов там полно. Но можно выяснить.

— Пока не стоит. Теперь дайте мне чего-нибудь перекусить.

Чернопятов всплеснул руками:

— Какой же я дурак! И не спросил! Сейчас, дочка!... Ведь я здесь живу... — и Чернопятов полез под верстак.

56

По лесу в это время пробиралась группа капитана Дмитриевского. Все были одеты в пятнистые маскировочные халаты и терялись в них среди сочной и яркой зелени травы и кустистых зарослей. На правом фланге, пружинисто натягивая длинный поводок, шла крупная серой окраски овчарка.

Вокруг стояла тишина и прохлада. Лучи полуденного солнца, процеживаясь сквозь переплетение ветвей, устилали землю веселыми светлыми пятнами.

И только птичья перекличка и легкое шуршание движущихся людей нарушали лесной покой.

Как и рассчитывало командование, внезапный налет советских бомбардировщиков на аэродром и железнодорожный узел внес такой переполох в ряды Гореловского гарнизона, что с успехом можно было выбросить не только группу Дмитриевского, но и целый десант.

Разведчики приземлились в пяти километрах от той поляны, на которую опустилась Туманова, стало быть, в двенадцати километрах от Горелова. Ночь они провели невдалеке от места приземления, а с утра приступили к осмотру леса, двигаясь по направлению к городу.

Дмитриевский растянул группу в цепочку, на зрительные интервалы. Он не тешил себя надеждой, что обнаружит что-либо в районе, сравнительно далеко от города, но, помня советы полковника Бакланова, действовал осторожно. Когда по расчетам до города оставалось километров девять, а до большой поляны — всего два, от проводника поступил по цепи знак тревоги.

Сержант Волков, проводник овчарки, поманил к себе капитана вплотную.

— В чем дело? — тихо спросил Дмитриевский.

— Следы, товарищ гвардии капитан, — также тихо ответил тот и показал рукой.

В трех местах на песчаной почве ясно различались следы: прошли трое, оставив отпечатки подошв, подбитых подковами и гвоздями.

— А почему ваш Морж так волнуется? — спросил Дмитриевский, посмотрев на широкогрудого, здоровенного пса. Морж рвался с поводка, шерсть на его загривке стояла дыбом.

— Людей ведет собака, и он ее учуял, — ответил Волков.

— Собака? — переспросил капитан.

— Так точно! — подтвердил Волков. — Вот ее след, — показал он на едва заметные круглые отпечатки, идущие попеременно со следами человеческих ног. — Рослая собака, видно, овчарка.

Капитан повел группу по следам. Они уходили в лес от шоссе, через шесть километров круто повернули влево, через овражек, и еще раз влево. Теперь они тянулись перпендикулярно шоссе и параллельно своему первоначальному движению.

— Челночный поиск, — доложил проводник собаки. — Они кого-то разыскивают.

Дмитриевский разрешил сделать короткий привал. Люди перекусили, покурили. Обменялись

мнениями.

Капитан разбил группу на две части. Одну послал по следу, а вторую выдвинул вперед, параллельно шоссе, и оставил в засаде.

Через полчаса на месте привала уже никого не было.

57

Прислонившись к верстаку, Чернопяттов внимательно слушал Туманову.

— Я понимаю, Григорий Афанасьевич, — говорила она торопливо, — не имея радио, мы не сможем вызвать самолет. Партизанский отряд ушел из района, связи с ним нет... Остается единственный выход: нести голубой пакет к линии фронта.

— И мы поможем тебе, Юля, поможем. Бросим все силы!

— Что ж, давайте действовать, — заключила девушка.

— Завтра утром решим все.

— А как же быть с Герцем? — спросила она.

Чернопяттов пощипал усы, подумал и ответил:

— Я одобряю твое решение. Пиши! — он выдвинул ящик верстака и вытянул из него засаленный конверт и листок бумаги с опаленным углом. Из кармана извлек огрызок химического карандаша и подал его Юле.

Пока она занималась письмом, Чернопяттов раздвинул под верстаком железный хлам, тщательно прошелся веником по расчищенному месту, разостлал на нем матрац и свое пальто.

— Вот, — подала Туманова заклеенный конверт.

— Так... Пойдет, как срочное, — заметил Чернопяттов. — Сейчас я это дело организую, а ты, дочка, полезай-ка туда! — и он указал рукой под верстак.

Девушка улыбнулась:

— Умещусь?

— Жилплощадь можно увеличить, тазы и кастрюли передвигаются.

Когда Туманова влезла в свое укрытие, Чернопяттов обложил верстак листами железа и сказал:

— Вернусь поздно. Отдыхай, Юлия Васильевна.

58

Солнце пало за горизонт и острыми огненными пиками своих лучей воткнулось в нагромождение темно-дымчатых облаков, как бы осветив их изнутри. Постепенно выцветали краски неба.

С двух балконов здания гестапо, украшенных старинными лепными карнизами, устало свисали тяжелые и неподвижные флаги со свастикой.

Один караульный, с автоматом в руках, мерно расхаживал вдоль фасада гестапо, а другой стоял в неподвижной позе у главного входа.

На площадь из узкой незамощенной улицы, подняв облако пыли, вылетел мотоциклист. Сделав полукруг, он подкатил к гестапо, сбросил газ, притормозил и соскочил с седла. Предъявив пропуск часовому, мотоциклист бросился вверх по ступенькам, пробежал по коридору и застыл у массивных высоких дверей. Прежде чем постучать, он поправил поясной ремень, кобуру с пистолетом, подтянулся.

Едва он коснулся пальцами двери, как послышался высокий голос Штауфера:

— Войдите!

Мотоциклист вошел, вытянулся, щелкнул каблуками и представился.

— Есть? — спросил Штауфер.

— Так точно, есть, господин гауптштурмфюрер! — ответил мотоциклист, протягивая серый

засаленный конверт. — Его принес почтальон в опустил в прорезь!

— Почтальон? — переспросил Штауфер, вскрывая конверт с брезгливой миной на лице.

— Так точно!

Штауфер прочел письмо, сунул его обратно в конверт и бросил на стол.

— Идите, — сказал он. — И позовите ко мне штурмбаннфюрера Грундта. Он внизу, во внутренней тюрьме.

— Есть позвать штурмбаннфюрера! — повторил солдат и вышел.

Улыбка искривила тонкие и плотно сжатые губы Штауфера. Он еще раз взял в руку конверт и прочел на нем надпись, сделанную рукой Тумановой: «Здесь, Кирпичная, 38. Роберту Герцу».

Штауфер постучал ребром конверта о стол и задумался.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел штурмбаннфюрер Грундт в полной эсэсовской форме.

Погладив энергичным движением свою пышную золотистую шевелюру, он без приглашения сел на стул и проговорил:

— Я только что из больницы. Шофер находится в тяжелом состоянии, и доктор не ручается за его жизнь, — Грундт стукнул кулаком по столику. — Черт возьми! Если он подохнет, я не доберусь до виновников!

Речь шла о шофере тюремной «пятерки», на которую совершили налет подпольщики. В горячке и спешке они не довели дела до конца — тяжело раненный шофер еще жил, хотя язык его уже не ворочался и от него нельзя было добиться ни одного слова.

— Не нервничайте, господин штурмбаннфюрер! — успокоил его Штауфер. — Это не в ваших правилах.

В глазах Грундта блеснули злые огоньки.

— Кто же мог предположить, что в то время, когда я был занят этой упрямой мадам, какие-то сволочи совершат налет на вторую машину?

— Не нервничайте, — повторил Штауфер. — Я уверен, что вы доберетесь до виновников... Да, да!... Я даже больше чем уверен в этом. Как вы знаете, Готовцеву доставили сюда в «пятерке» и обратно должны были везти в «пятерке». А в «шестерку» она попала по моей инициативе...

Стул под Грундтом заскрипел, он подался всем корпусом вперед. Сейчас в нем нельзя было бы узнать скромного стажера Роберта Герца.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — прервал его Штауфер, — что нападавшие были твердо уверены, что в «пятерке» везут Готовцеву. А уж она-то, наверное, знает своих друзей.

Грундт откинулся на спинку стула и вздохнул. Это открытие ему еще ничего не давало. Мало ли что знает Готовцева!

— А вы не теряете надежды, что она вспомнит обо мне? — спросил Грундт с усмешкой.

Штауфер молча протянул ему конверт. Грундт взглянул на него и вскочил с места. Торопливым движением он извлек из конверта листок бумаги и прочел:

Дорогой мой друг и доброжелатель! Вы опять правы. Мне не обойтись без вашей помощи. Я хочу видеть вас. Жду завтра, 16 июня, в шесть утра, на том же месте, где мы расстались. Ваша Мария.

— Поражен! Убит! — воскликнул Грундт. — С благоговением преклоняюсь перед вами, господин Штауфер. Вы — гений! У вас какой-то дар прозрения! Окончательно проникаюсь сознанием своего собственного ничтожества... Я расскажу о вас в Берлине!

— Довольно, хватит!... К чему такие громкие слова? — остановил его с довольной улыбкой Штауфер.

Грундт заходил по кабинету.

— А я свинья, — неожиданно признался он. — Когда вы изложили мне свою идею, я подумал, что это — слишком опасная игра. Театр! Да, да!... И мне показалось, что вас

устраивает не исход игры, а сам процесс ее... Есть же такие азартные люди... Но она, она! — Он прихлопнул рукой по письму. — Какая простота! Какая наивность! — Он еще раз пробежал глазами текст: «Дорогой мой друг!... Вы опять правы!... Ваша Мария...» Дура! Набитая дура!... А еще разведчица!...

— Не согласен — возразил Штауфер. — Она вовсе не дура. Она умна и держалась очень осторожно. Дело в том, что, осуществляя мою идею, вам талантливо удалось убедить ее, заставить поверить в то, что вы не тот, за кого она вас принимала. Кроме того, она — женщина. А женщины верят красивым людям...

Тут настала очередь самодовольно улыбнуться Грундту.

— Получается так, — произнес он, думая о чем-то своем, и спросил: — Неужели она сумела незаметно вернуться в город? Ведь ее должны были сразу засесть! Приняты все меры...

Штауфер усмехнулся.

— Я не думаю, что она в городе. Это слишком рискованно. Во-первых, у нее нет никаких документов, во-вторых, платье, которое мы ей подсунили, очень заметно. Готовцева где-то в деревне. Оттуда она и отправила письмо. А меры ведь только сейчас приняты.

— На первый взгляд это звучит логично и убедительно, — согласился Грундт. — Но у нас нет никаких донесений. Странно!...

— Завтра все выяснится, — спокойно ответил Штауфер. — Ровно в шесть утра господин Герц предстанет перед своей подопечной. И могу заранее предсказать, что она попросит у вас или документы или помощь, чтобы пробраться в город! Жребий был брошен знаете когда?

Грундт вопросительно посмотрел на Штауфера. Тот сделал паузу и торжественно продолжил фразу:

— Когда вы ей вручили собственный пистолет и она не ухлопала вас из него.

— Пожалуй, да... Это была самая рискованная секунда.

— Вот именно. Вы сразили ее этим пистолетом без выстрела. А теперь проверим, что сделали наши молодчики. — Штауфер снял трубку телефона, нажал кнопку и сказал: — Грейвиц? Зайдите!

Через короткое время в комнату вошел штурмшарфюрер.

— Грейвиц! Что вы предприняли по моему указанию?

— Все сделано, господин гауптштурмфюрер! Она никуда не денется. На перекрестки дорог посланы секретные пикеты на мотоциклах. Фото Готовцевой роздано восемнадцати агентам. В район, очерченный вами на карте, утром выброшена на автомашинах подвижная группа с радиопередатчиком. Назначено патрулирование дорог. Через начальника крипо[?] предупреждены их посты в деревнях.

— Ясно! Запомните: если с ее головы упадет хоть один волос, то вы навсегда расстанетесь со своей головой. Наблюдение, и только наблюдение! Все встречи фотографировать! Лиц, с которыми она будет встречаться, брать под слежку и ни одного без моего ведома не трогать! Мне думается, что явилась она сюда не одна. В лесу ее кто-то поджидает. Ну, и городские ее сообщники от нас никуда не уйдут, — Штауфер довольно потер руки.

— А как быть с шофером и двумя конвоирами «шестерки»? — спросил Грейвиц.

Штауфер достал из кармана ключ и подал Грейвицу.

— Поезжайте к ним. Объявите мою благодарность и объясните, что им придется еще некоторое время посидеть. Узнайте, что они хотят, и обеспечьте их всем необходимым, вплоть до водки. Вот так! Ступайте!

Грейвиц вышел.

— Вы — гений! — еще раз воскликнул Грундт. — Я поражаюсь... Как все это просто и в то же время мудро!

Штауфер скромно пожал плечами и сказал:

— Если она, паче чаяния, попросит вас подвезти ее в город на вашей машине, не отказывайте! Но никаких вопросов... По-прежнему предостерегайте, предупреждайте об опасности, расстилайтесь перед ней ковром!

— Понимаю. То есть продолжать прежнюю линию.

— Да, да, да... И только!

59

Огромный ствол сосны, сваленный буреломом, уже прогнивший и поросший травой, надежно укрывал двух людей и собаку.

Часа за три до захода солнца сержант Волков, проводник собаки Морж, заставил своего пса улечься на землю и положил руку на его холку. Пес кого-то чуял и нервничал.

Дмитриевский ползком выдвинулся вперед, приподнял голову и сразу же между стволами увидел трех гитлеровцев. Они двигались прямо на засаду. Впереди, нюхая воздух, шла без поводка овчарка.

Капитан быстро сообразил, что стычка неизбежна. Если сейчас начать перебираться в другое укрытие, то от слуха овчарки это не укроется.

Он на руках подтянулся к сержанту и коротко объяснил:

— Как подам сигнал, спускайте собаку!

Волков кивнул головой.

— Стрелять только по моей команде! — продолжал Дмитриевский. — Постараемся взять их живьем.

Группа приближалась, и от засады ее отделяло расстояние не больше ста пятидесяти метров.

Внезапно собака гитлеровцев остановилась, вытянула шею, повела головой и зарычала. Эсэсовцы переглянулись. Один из них тихо скомандовал овчарке: «Вперед!... Тихо! Шагом...»

Капитан выжидал.

Морж попытался подняться, но Волков шлепнул его, и пес, прижав уши, остался на месте. Все затаили дыхание.

Когда гитлеровцы приблизились метров на двадцать, их овчарка бросилась вперед.

Дмитриевский толкнул лежавшего рядом Волкова, и тот отпустил Моржа. Пес вскочил пружиной, и в трех-четырёх шагах от укрытия столкнулся нос к носу со своим собратом. Овчарки сцепились. Черно-серый клубок покатился по земле.

Гитлеровцы опешили. Приняв Моржа за волка и не видя людей, двое из них с криками и ругательствами бросились к грызущимся собакам, а третий растерянно закружился на месте,

не в силах предугадать, с какой стороны грозит опасность.

— Огонь повыше голов! — тихо приказал капитан, и короткие очереди из автоматов прорезали воздух.

Гитлеровец, кружившийся на месте, мгновенно упал на землю, а остальные большими прыжками бросились бежать.

— Хальт! Хальт! — крикнул Дмитриевский, но это не возымело действия.

Гестаповской овчарке тоже удалось вырваться из зубов Моржа, но только на секунду; он вновь налетел на нее, сшиб с ног, вцепился в горло. Волков позвал Моржа. Пес неохотно отошел от своей уже мертвой жертвы. Он был весь в крови, победа стояла ему половины правого уха.

— Стреляй по бегущим! — скомандовал сержанту Дмитриевский, а лежавшему эсэсовцу приказал бросить оружие.

Гитлеровец послушно отбросил автомат, перевалился на спину и поднял руки. Капитан подбежал к нему, связал руки и разрешил сесть.

Волков дал вслед бегущим три одиночных выстрела. Взмахнув руками, один гитлеровец свалился, но второй продолжал бежать, и было ясно, что ему удастся скрыться.

Оставив сержанта около пленного, Дмитриевский решил преследовать убегающего. Его надо было поймать во что бы то ни стало.

Капитан заставил Моржа взять след. Разгоряченный смертельным поединком пес первое время не мог понять, чего от него требуют, бросался в стороны и, лишь успокоенный проводником, ухватился за след и стремительно повел за собой.

Но в это время впереди сухо щелкнул выстрел. Не сразу сообразив в чем дело, Дмитриевский отпустил собаку.

— Вперед, Морж! Вперед! — скомандовал он.

Морж мгновенно исчез, а капитан устремился за ним. Он бежал с автоматом на изготовке и вдруг увидел возвращающегося Моржа. Пес подскочил к нему, весело виляя хвостом и повизгивая. «Сбился!» — с тревогой подумал Дмитриевский.

Но оказалось совсем другое: из кустов вышли лейтенант Назаров и радистка Прохорова. Это она стреляла по бегущему и уложила его на месте.

Убитых гитлеровцев и их овчарку зарыли. Капитан с ходу начал допрашивать пленного. Он оказался радистом из команды СС, приданной гореловскому гестапо, и сопровождал группу с радиопередатчиком.

Дмитриевский предупредил эсэсовца, что если он будет правдиво отвечать на все вопросы, то ему сохранят жизнь. Поощренный этим обещанием и, по-видимому, смирившийся со своей участью, радист не стал упорствовать и рассказал все, что знал.

Гестапо поставило перед их группой задачу прочесать участок леса за шестым километром,

между шоссе и рекой. Приближаться к городу ближе пяти километров воспрещалось. При обнаружении в этой зоне женщины группа обязана была условным ходом предупредить гестапо и сообщить место своего нахождения. Тогда к этому месту должна была прибыть специальная команда на мотоциклах. Обнаруживать себя группе не разрешалось. Кто такая женщина, радист не знал. В десять вечера шестнадцатого июня, то есть завтра, группа обязана выйти на девятый километр шоссе, куда прибудет смена.

Вот все, что знал радист.

Но и в этом было достаточно много загадок. При чем здесь женщина? Кто она? Почему гитлеровцам воспрещалось себя обнаруживать и приближаться к городу? Что творится за пятым километром?

Дмитриевский поднял людей и цепочкой снова повел за собой.

Пятый километр не принес ничего нового, как не принес и четвертый. Лес был тих, спокоен, нигде никаких следов.

На подходе к третьему километру проводник Волков условным свистом остановил движение, и группа приблизилась к нему. На небольшой опушке, окруженной березами и соснами, Волков обнаружил следы, оставленные автомашиной.

Дмитриевский опустил на колени, пощупал рукой песок и пришел к выводу, что машина была здесь не очень давно, во всяком случае не более суток назад. Рисунок протектора покрышек еще не успел утратить четкой формы.

Измерив рулеткой расстояние между колесами, он пришел к выводу, что здесь прошла легковая машина.

Правда, все это еще ничего не давало, но напрашивался вопрос: что надобно было машине на этой опушке, в стороне от шоссе? Не пришла же она сюда лишь затем, чтобы сделать разворот?

— Товарищ гвардии капитан, — окликнул Волков Дмитриевского. — И здесь следы!... Машина тут стояла...

Капитан заторопился к сидевшему на корточках Волкову.

Да, машина стояла здесь некоторое время, что подтверждалось лужицей масла. И здесь же капитан увидел отпечатки мужской и женской обуви.

Наивно было бы думать, что маленькие следы оставлены Юлией Васильевной, но все же сердце Дмитриевского забилося.

Он измерил следы: мужской показал тридцать два сантиметра, женский — двадцать пять.

— Товарищи! Ко мне! — слишком громко крикнула откуда-то слева радистка Прохорова. — Посмотрите, что я нашла!

Дмитриевский выпрямился.

— Тише!...

Осторожно ступая по опушке, Дмитриевский и Волков углубились в чащу и, сделав шагов двадцать, увидели Прохорову. На крик прибежал и Назаров.

Прохорова стояла возле сосны. Рука ее тянулась к сучку, на котором висел туго набитый немецкий ранец.

— Не тронь! — остановил ее Назаров.

Прохорова испуганно отдернула руку.

Назаров оглядел ствол, обошел сосну вокруг и только после этого снял ранец.

В нем оказалось килограмма четыре белых сухарей, банка засахаренного меда, несколько кусков сахара, восемь банок мясных консервов голландского происхождения, круг копченой колбасы, пачка галет, полдюжины коробок спичем и плоская фляга, наполненная красным вином.

— Запасливый кто-то! — усмехнулась Прохорова.

Дмитриевский промолчал. Его занимал вопрос: какая связь между ранцем и машиной?

Намеченные им планы никак не согласовывались с событиями. Надо было искать новые ходы, менять тактику. Показания пленного наводили на какую-то загадочную историю с женщиной. Появление в лесу легковой машины тоже, видимо, связано с женщиной. Потом этот ранец. Он особенно заинтересовал капитана: ранец не утерян, не брошен, а оставлен здесь специально. Он для кого-то предназначен. А поскольку в нем продукты, то, надо полагать, этот кто-то не будет долго мешкать и явится. А это уже «язык».

— Товарищ Назаров, — объявил Дмитриевский, — останетесь с товарищем Волковым здесь в засаде! Через три часа я приду вам на смену. Кто бы ни появился, задержать и дать знать мне! Сигналы прежние. Я расположусь в километре строго на север. Прохорова останется с пленным.

Дмитриевский обошел опушку и в полкилометре от нее сделал привал.

Сумерки сгущались. Лес погружался в темноту. На небе затеплилась первая звездочка.

Вслушиваясь в лесную тишину, Дмитриевский сидел, прислонившись к дереву, и потягивал укрытую ладонями папиросу. Рядом лежал автомат.

Теплая июньская ночь вступила в свои права. Темнота уже окутала все вокруг, и даже светлые стволы деревьев чуть угадывались. И только небо, усыпанное звездами, излучало бледный, голубоватый свет.

Усталость давала себя знать: наваливалась сонная одурь, клонилась голова. Капитан решительно встряхнулся и встал.

60

Юля спала под верстаком на жесткой постели, устроенной Чернопятовым. Ей снился Андрей, и она видела возле себя его строгие и доверчивые глаза. Она не слыхала, как вернулся Чернопятов, как впустил кого-то. Негромкий разговор спугнул ее сон.

— Я побаиваюсь немного, — убеждал кого-то Чернопятав, — как воспримут твоё появление на передовой.

«С кем это он?» — подумала разведчица.

И вдруг Чернопятаву ответил голос, от которого по сердцу её прокатился холодок:

— А почему они могут плохо воспринять? Ведь я приду не один, а с нею.

Кому мог принадлежать этот глуховатый, неторопливый голос с акцентом? Где она уже слышала его? Почему он вызвал у неё страх?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Чернопятав. — Вдвоем не страшно. Да и паролями я вас обеспечу надёжными. А мундир поновее у тебя есть? Этот уж больно паршиво выглядит. Нет в нём блеска, шика...

— Для такого случая найду.

Туманова напрягала память, стараясь вспомнить что-то, но это ей не удавалось.

— Договорились, — заключил Чернопятав и спросил: — Что же? Разбудить Юлю? Познакомить вас? Вот она всполошится!

— Представляю, — ответил собеседник. — Но будить не надо. Пусть отдыхает. Я вернусь через час. Ровно через час. И буду ожидать вас у выхода.

— Ладно, — согласился Чернопятав.

Туманова лежала не шевелясь. Она услышала шаги, скрип отодвигаемой койки, какие-то тихие шорохи и последние слова неизвестного:

— Значит, ровно через час...

Вновь загремела койка, и через некоторое время раздался кашель Чернопятава.

— Григорий Афанасьевич! — позвала Юлия.

— Проснулась? — спросил он и начал отодвигать листы железа. — Ну, как спалось? Выползай, уже время.

Юлия Васильевна вылезла из-под верстака, оправила платье, осмотрелась. Котельную освещала чадившая керосиновая лампа с заклеенным стеклом.

— Я уже давно проснулась... — проговорила она. — Я слышала ваш разговор... Кто был у вас?

— А ты не угадала? — спросил Чернопятав.

Юля отрицательно тряхнула головой.

— Тогда я скажу тебе, — Чернопятав усадил девушку на койку и сел рядом с ней. — Был

Генрих Гроссе, из тюрьмы...

Туманова отшатнулась и испуганно посмотрела в глаза Чернопятову.

— Тот... страшный... который...

— Он самый, дочка, — прервал ее Чернопятов. — Внешность бывает обманчивой. Генрих — наш человек. Надежный и верный. Это — сын той будущей Германии, с которой мы будем дружить, в которую верим. Ему в душу Гитлер не сумел заложить фашистской начинки. Благодаря Генриху мы захватили голубой пакет, за которым тебя прислали, благодаря ему мы узнали, что ты арестована и что тебя предал Готовцев...

Юля нетерпеливо прервала его. Ухватив руку Чернопятова, она, испытующе глядя ему в глаза, спросила:

— Тогда как же объяснить...

— Успокойся, Юля, Генрих — старый антифашист. Он известен как Скиталец, и он все сам объяснит тебе лучше меня. Да и времени у вас для этого будет достаточно. Он пойдет твоим провожатым. С ним можно идти куда угодно... Через час он выведет тебя из города.

Туманова опустила голову. Нет, этого она никак не может себе представить! Что угодно, но только не это! Генрих — мрачный и угрюмый тюремщик, один вид которого приводил ее в ужас, — старый антифашист, свой человек, и человек самый надежный!

— Вот так, дочка, — сказал Чернопятов. — А теперь давай собираться. Времени осталось немного. Теперь мы сделаем из тебя парня. Маскарад, так маскарад. Девкой опасно идти. Вот для тебя одежонка. Переодевайся!

61

В это утро, шестнадцатого июня, следователь гестапо штурмбаннфюрер Грундт был разбужен телефонным звонком. Дежурный по отделению штурмшарфюрер Грейвиц доложил, что уже десять минут шестого и что «опель-капитан» из гаража уже вышел.

Грундт быстро вскочил с постели и бросился в туалетную комнату под холодный душ.

Спустя несколько минут он стоял уже перед зеркалом в своем штатском коричневом костюме, превратившись в стажера Роберта Герца, и с особой тщательностью вывязывал свежий галстук.

Потом он прошел в свой кабинет, сунул в задний карман брюк пистолет, лежавший на столе, переложил из карманов форменной одежды в карманы костюма документы, бумажник, портсигар, зажигалку и вынул из ящика стола чистый носовой платок. Он подушил его одеколоном и тоже положил в карман.

«Дура! Ах, какая наивная дура! — рассуждал он про себя, еще раз осматриваясь в зеркало. — Но как и когда она сумела отправить письмо, да еще почтой? Неужели и тут прав Штауфер? Неужели ей удалось добраться до деревни и оттуда отправить письмо? Сомнительно и маловероятно. Пройти в деревню в таком платье и без документов — это уже не риск, а безрассудство. В деревне на учете каждый человек, и ее задержит первый полицейский. Нет, тут что-то не так... В деревню она не полезет. За это я могу поручиться. Уж тогда скорее можно

предположить, что она выбралась на шоссе и вручила письмо шоферу первой проходящей машины. Да, так могло быть. Ведь с того места до шоссе совсем недалеко. А вдруг... — и Грундт, уже шагнувший вновь в свой кабинет, остановился. Ему пришла в голову совершенно новая мысль. — А вдруг она не одна? Как я мог упустить это из виду? Конечно, не одна. У нее есть провожатый, который смог быстро переправить письмо в город. И этот провожатый отсиживался в лесу и ждал ее. Не случайно она попросила везти ее из города в направлении Орши. Но, видно, провожатый не полномочен решать те задачи, которые стоят перед ней. Иначе бы она не просила свидания и помощи. Здорово! Вместо одной, ко мне в руки попадут двое. Теперь уж она расписала меня перед своим напарником, как своего освободителя. Очень здорово! Но, на всякий случай, надо...»

Грундт выдвинул ящик стола, извлек из него второй пистолет, проверил патроны в обойме и спрятал его в правый карман.

Перед тем как покинуть дом, он позвонил дежурному по гестапо и поинтересовался:

— Что слышно?

— Штурмшарфюрер Грейвиц доложил, что есть новость, заслуживающая внимания.

— Короче! Что за новость? — строго потребовал Грундт.

— Звонил начальник крипо. Вчера рано утром на проселочной дороге у леса неизвестная молодая женщина остановила жену полицейского Решетникова из деревни Лужки и, угрожая ей оружием, заставила снять с себя одежду, а ей отдала свою. И документы отобрала. По описанию Решетниковой, неизвестная походит на интересующую нас особу.

«Это можно было предположить. Отчаянная девка», — подумал про себя Грундт, а в трубку сказал:

— Немедленно свяжитесь с начальником крипо... Пусть сейчас же пошлет курьера в Лужки и доставит к нам одежду, которую навязала неизвестная этой Решетниковой. Немедленно! И еще: дайте сейчас же указания контрольным пунктам патруля и городской агентуре, чтобы женщину с документами Решетниковой тоже брали под наблюдение. Но не задерживали и не арестовывали. Понимаете?

— Точно так.

— А что сообщают из леса?

— Пока ничего.

— Хорошо, — заключил Грундт. — Я выезжаю. Часов в семь или в половине восьмого позвоните гауптштурмфюреру и доложите ему, что я отправился на свидание. — И он положил трубку.

Выйдя из дому, Грундт отпустил шофера машины, сел за руль «опель-капитана» и поехал.

Ее сапоги и комбинезон до колен были влажны от росы. Солнце уже взошло, но в лесу еще таились сумерки. Легкий голубоватый туман нехотя отступал, открывая свету лесные поляны, заросли, тропы. Юля услышала далекий шум мотора. Она повернулась и замерла, как бы опасаясь неосторожным движением спугнуть этот еще не окрепший звук. Но он приближался, становился явственнее.

Через короткое время в просветах деревьев мелькнул черным глянцем лака знакомый «опель». Он выкатил на поляну, развернулся и встал. Грундт-Герц выключил мотор, открыл дверцу, вышел и остолбенел: что за черт! Новая метаморфоза! Ведь жена полицейского Решетникова, как и положено жене, должна быть женщиной, и на ней, по-видимому, была женская одежда, но почему тогда на этой мужской наряд? Откуда она смогла выцарапать рабочий комбинезон, огромные сапоги, пиджак, потрепанную фуражку? В чем дело? Или этот болван, начальник крипо, как всегда, напутал и на сей раз? Непонятно. Совершенно непонятно...

Гестаповцу стало немного не по себе, и он медленным шагом направился к девушке, пытаясь предугадать, о чем она заговорит с ним сейчас.

— А я уж потеряла надежду! — громко сказала Юля.

Грундт-Герц через силу улыбнулся и на ходу укоризненно покачал головой.

— Я, кажется, не давал повода, — и он взглянул на часы. — В моем распоряжении еще три минуты. Но что это за маскарад? Как удалось вам?... — Он не окончил. Сзади раздался какой-то шорох, и Грундт-Герц быстро обернулся.

К нему, огибая «опель-капитан», приближались Чернопьятов, Калюжный и Заболотный. У первых двух в руке было по пистолету, а у последнего — граната.

Лицо Грундта от неожиданности исказилось судорогой. Вобрав голову в плечи и став меньше ростом, гестаповец невольно попятился и потянулся рукой к заднему карману брюк.

— Спокойно, господин штурмбаннфюрер! — раздался по-немецки окрик сзади, заставивший гестаповца вновь обернуться.

Теперь рядом с Тумановой, вооруженный пистолетом, стоял коридорный из тюрьмы. На нем был новенький мундир с весело поблескивающими, начищенными пуговицами.

— Руки вверх, да побыстрее! — потребовал Генрих Гроссе.

Грундт какое-то мгновение раздумывал, потом медленно поднял руки. Взгляд его, пугливый и беспокойный, продолжал искать выхода. Он чуточку повернул голову, скосил глаза влево. И тут увидел еще троих вооруженных мужчин и девушку, вышедших из леса в сопровождении овчарки. Лицо его мертвенно побледнело, глаза погасли: он понял, что погиб.

Генрих Гроссе бесцеремонно вывернул карманы гестаповца, извлек из них два пистолета, портсигар, личные документы, записную книжку, авторучку, зажигалку и передал все Чернопьятову. Заболотный приказал Грундту протянуть руки и, когда тот выполнил команду, прочно перевязал их телефонным шнуром.

— Представление окончено, господин стажер! — рассмеялась Туманова, и этот смех

полоснул по сердцу гестаповца. — Хотя вы и блестяще вели свою роль, но все-таки провалились. И знаете, почему?

Грундт угрюмо молчал.

— Вы очень неосторожны, — продолжала девушка. — Помните тот случай, когда у вас забуксовала машина? Конечно, помните. Вы сняли на несколько минут свой пиджак и положили на переднее сиденье возле меня. И это вас погубило. В маленьком наружном карманчике вашего пиджака, вот тут, — она дотронулась рукой до кармана Грундта, — я обнаружила вот это. — Девушка взяла у Чернопятова отобранную у гестаповца небольшую книжечку в коричневом кожаном переплете с золотым тиснением, развернула ее и поднесла к лицу Грундта. — Если бы здесь была только ваша фотография, но здесь поставлена еще и фамилия: Иоганн Грундт... Штурмбаннфюрер СС... Вы забыли, что имеете дело с разведчицей... При затеянной вами игре такие вещи не рекомендуется держать при себе.

Грундт продолжал угрюмо молчать.

— Печально... Очень печально! — иронически проговорил Генрих Гроссе. — Вы, господин штурмбаннфюрер, действовали, как настоящий стажер, за которого себя выдавали, а не как опытный следователь, каким считаетесь! И как это вы могли додуматься со своим шефом упрятать в тюрьму водителя и конвоиров «шестерки»? Вы решили, что стены тюрьмы настолько прочны, что не пропустят и звука? Напрасно! Все люди имеют язык и уши. Кроме того, люди имеют друзей. У вас одна ошибка следовала за другой. А главной вашей ошибкой было то, что вы считали, будто в Германии наберется лишь какая-нибудь сотня порядочных людей. Роковое заблуждение! Их значительно больше.

Дмитриевский подошел к Чернопятову, показал на часы. Тот кивнул головой. Они оба отошли в сторону. Капитан достал карту.

Юля не сводила глаз с Генриха. Могла ли она подумать, что под мундиром гитлеровского тюремщика бьется такое большое и честное человеческое сердце! Несмотря на напряженность обстановки, Юле было трудно сосредоточиться: слишком быстро менялись события.

Вчера она договорилась с Чернопятовым захватить Грундта и на его же машине, с его пропуском добраться до линии фронта. Шофера обещал дать Чернопятов. Но не могло же прийти в голову Тумановой, что этим шофером окажется дежурный тюремщик. Генрих Гроссе вывел ее из города. Он шел по улицам и выкрикивал пароли встречным патрулям с такой развязностью, с какой может идти и выкрикивать только подгулявший представитель оккупантов.

На третьем километре за городом они встретились с Чернопятовым, Калюжным и Заболотным.

Дальнейший путь прошел без приключений. Ранец оказался на прежнем месте, и, так как в их распоряжении оставалось около часа, Юля предложила подкрепиться. Никто не предполагал, что две пары глаз внимательно следят за ними. Лейтенант Назаров и сержант Волков, сидевшие в засаде, сразу узнали Туманову, догадались также, что она в кругу своих, и лишь Генрих Гроссе своим мундиром и видом привел их в замешательство. Назаров отправил Волкова к Дмитриевскому, а сам продолжал вести наблюдение.

Что произошло через несколько минут, трудно передать. Тут же на поляне подпольщики

обнялись с посланцами фронта. Юля плакала. Все еще не веря, она блестящими от слез глазами смотрела на капитана. А он, взволнованный не меньше ее, торопливо обсуждал с товарищами план дальнейших действий...

Подбежала радистка Прохорова и подала листок бумаги. Капитан прочел и передал Чернопятову. Потом посмотрел на часы:

— Двадцать минут седьмого. В дорогу, товарищи! Нам надо шагать тридцать километров.

Участники группы Дмитриевского поднялись и стали закреплять на спинах вещевые мешки.

Чернопятов подошел к Юле, вынул из-за пазухи и торжественно вручил ей объемистый, перевязанный крест-накрест шпагатом голубой пакет.

— Вот то самое, ради чего ты жертвовала жизнью. Охота закончилась. «Дракон» пойман!

Юлия Васильевна кивнула головой и передала пакет капитану. Тот спрятал его в вещевой мешок.

— Кто-кто, а уж артиллеристы помянут нас добрым словом! — заметил Калюжный.

— Не только артиллеристы, — добавил Заболотный.

Прохорова протянула руку Дмитриевскому. Она, по распоряжению Бакланова, оставалась в Горелове радисткой подпольной группы.

— Ждите моих позывных, — сказала она.

Туманова улыбнулась и обняла подругу:

— Первую радиограмму приму сама.

Подпольщики попрощались с Генрихом Гроссе.

— Еще встретимся, друзья, — взволнованно проговорил Генрих, рассматривая по привычке свои растопыренные пальцы.

— Обязательно! — ответил ему Заболотный. — В новой Германии.

— Нет, пораньше, — возразил Генрих. — Я не буду сидеть сложа руки. Я думаю, что Скитальцу подыщут подходящую работенку. Рот фронт!

Чернопятов подошел к Тумановой.

— Прощай, дочка! Теперь до победы не встретимся... Но эти семь дней и ночей я никогда не забуду, — и он крепко обнял и расцеловал ее.

— Становись! — поторопил Дмитриевский и раскинул руки.

Крайним на правом фланге стал сержант Волков с Моржом. За ним — Грундт, следом Генрих Гроссе, затем Туманова, потом пленный радист, лейтенант Назаров. Замыкал колонну капитан.

— Направо! — тихо подал команду Дмитриевский. — Шагом марш!...

Группа вытянулась цепочкой, пересекла поляну и скрылась в лесу.

63

Бакланов спал одетым, напряжение последних дней измучило его. Всю ночь он бодрствовал, ожидая вестей от группы Дмитриевского, и только перед рассветом задремал.

Его разбудил начальник радицентра, который принес радиограмму. Бакланов приблизил к глазам листок бумаги и стал читать:

Задание выполнено без потерь. С нами документы и трое интересных людей. Самолет высылает сегодня к двадцати трем часам на поляну, что в пятнадцати километрах на запад от деревни Паршино. Наши сигналы: восемь костров коридором и две белые ракеты на посадку. Капитан Дмитриевский и лейтенант Туманова.

Бакланов вскочил, обнял начальника радицентра и поцеловал. Тот, опешивший и никак не считавший себя виновником торжества, отступил на шаг и растерянно произнес:

— Прохорова ждет ответа...

— Я сам, — сказал Бакланов и, подойдя к столу, повернул ручку телефона. — Осу мне, да, Осу!... Дежурный оператор? Бакланов говорит! Передайте одиннадцатому корреспонденту, чтобы ожидали самолет при любой погоде. Да!...

Потом он ухватился за ручку второго телефона и замер. «Не рановато ли? — пришла осторожная мысль. — Ведь в три часа утра окончилось заседание Военного совета... Нет!» — и он решительно завертел ручку телефона.

Трубку долго не снимали, и, наконец, в ней послышался глуховатый, заспанный голос командарма.

— Товарищ генерал... — начал Бакланов.

64

Время шло к двадцати трем часам. Дул легкий ночной ветерок. Из лесу доносились таинственные шорохи. У догоравшего костра на краю поляны сидели Генрих Гроссе, капитан Дмитриевский и Туманова.

Немного поодаль от них, упершись друг другу в спины и поддерживая один другого, сидели связанные штурмбаннфюрер Грундт и пленный солдат-радист. Около них, вытянув вперед лапы и полуприкрыв глаза, дремал Морж.

Остальные ребята во главе с лейтенантом Назаровым дежурили на поляне около кучек хвороста.

Юля ворошила хворостинкой угли в костре и неторопливо вела свой рассказ. И когда ее собеседники узнали все, что произошло с ней за эти дни, она облегченно вздохнула и добавила:

— Что меня толкнуло залезть в карман его пиджака, не знаю. Ведь после того как он вручил мне свой пистолет, из которого я могла тут же его прихлопнуть, я уже твердо уверовала, что он именно тот человек Чернопятава, о котором меня предупредил полковник Бакланов. А когда я развернула удостоверение... Да, это был просто случай.

— Не согласен, — хмуро возразил Генрих Гроссе. — Совершенно не согласен. Это не просто случай и вообще не случай... Не будь вы разведчицей, вы бы, конечно, не заинтересовались его карманом. Этот поступок логично вытекал из вашей постоянной настороженности. Это не случай, а закономерность. И то, что этот господин, — он кивнул в сторону Грундта, — бросил свой пиджак возле вас, тоже не случайность, а оплошность — результат переоценки своих сил и недооценки сил противника.

— Хм... — усмехнулась Юля и зябко повела плечами. — Ну, допустим, что так... А то, что вам удалось узнать, что произведенные в покойники шофер и конвоиры с «шестерки» оказались живы и здоровы и сидят в тюрьме, это, по-вашему, не случайность?

Генрих подумал, выдержал небольшую паузу и проговорил:

— Если так рассуждать, тогда и тот факт, что мой сосед выболтал о проходе через Горелов машины с секретной почтой, тоже чистейшая случайность?

— Выходит, так, — заметила Туманова. — Нелепое нагромождение случайностей.

— Видите, в чем дело... — хотел было вновь возразить Генрих Гроссе, но его прервал капитан Дмитриевский.

Обратившись к Тумановой, он сказал:

— А почему нас должно пугать, что это случайности? Один великий русский ученый сказал, что счастливый случай помогает всегда тому, кто делает все, чтобы на него наткнуться. Ясно тебе? Жизнь и особенно война показывают, что многие крупнейшие события бывают обязаны своим рождением счастливому вмешательству случая. Я как-то читал...

Дмитриевский не договорил: в небе возник вибрирующий гул мотора, и все быстро вскочили на ноги.

Самолет приближался с тяжелым нарастающим рокотом и, помигивая бортовыми огнями, требовал условных сигналов.

— Костры! Костры! — отдал команду Дмитриевский и обнял одновременно Юлю и Генриха.
— Завтрашний день мы встретим в кругу друзей.

1954-1955 гг.

Крюково — Нальчик